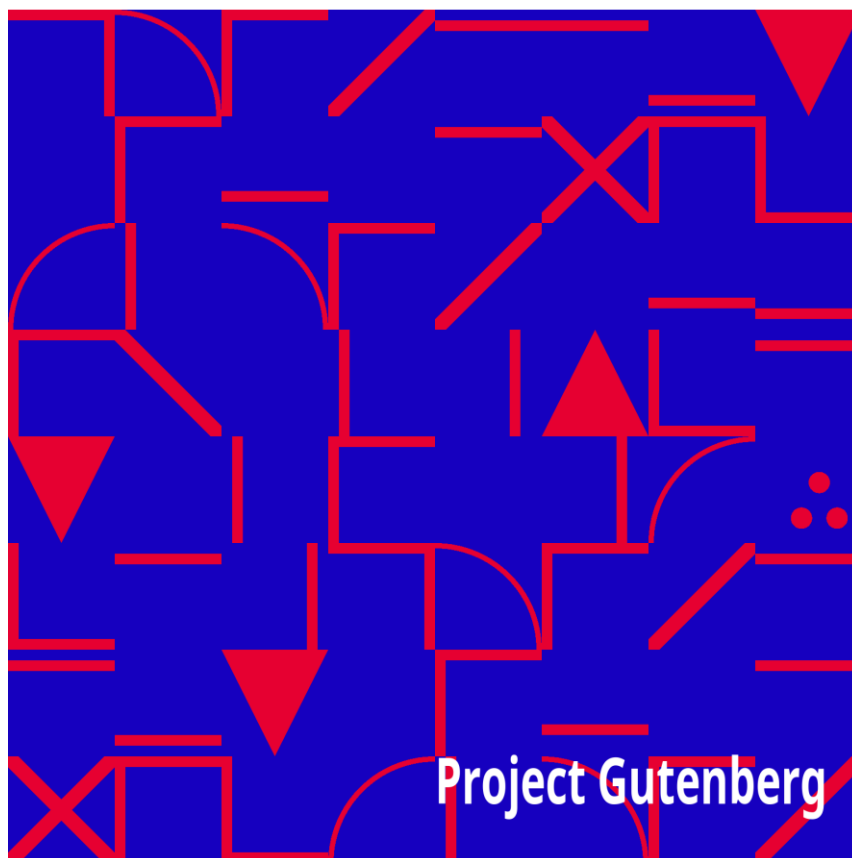

Пионеры эволюции от Фалеса до Хаксли, с промежуточной главой о причинах остановки движения

Эдвард Клодд

Pioneers of Evolution from Thales to Huxley

Edward Clodd

Электронная книга проекта "Гутенберг" пионеров эволюции от Фалеса до Хаксли

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Пионеры эволюции от Фалеса до Хаксли

Автор: Эдвард Клодд

Дата выхода: 24 апреля 2012 [Электронная книга № 39526]

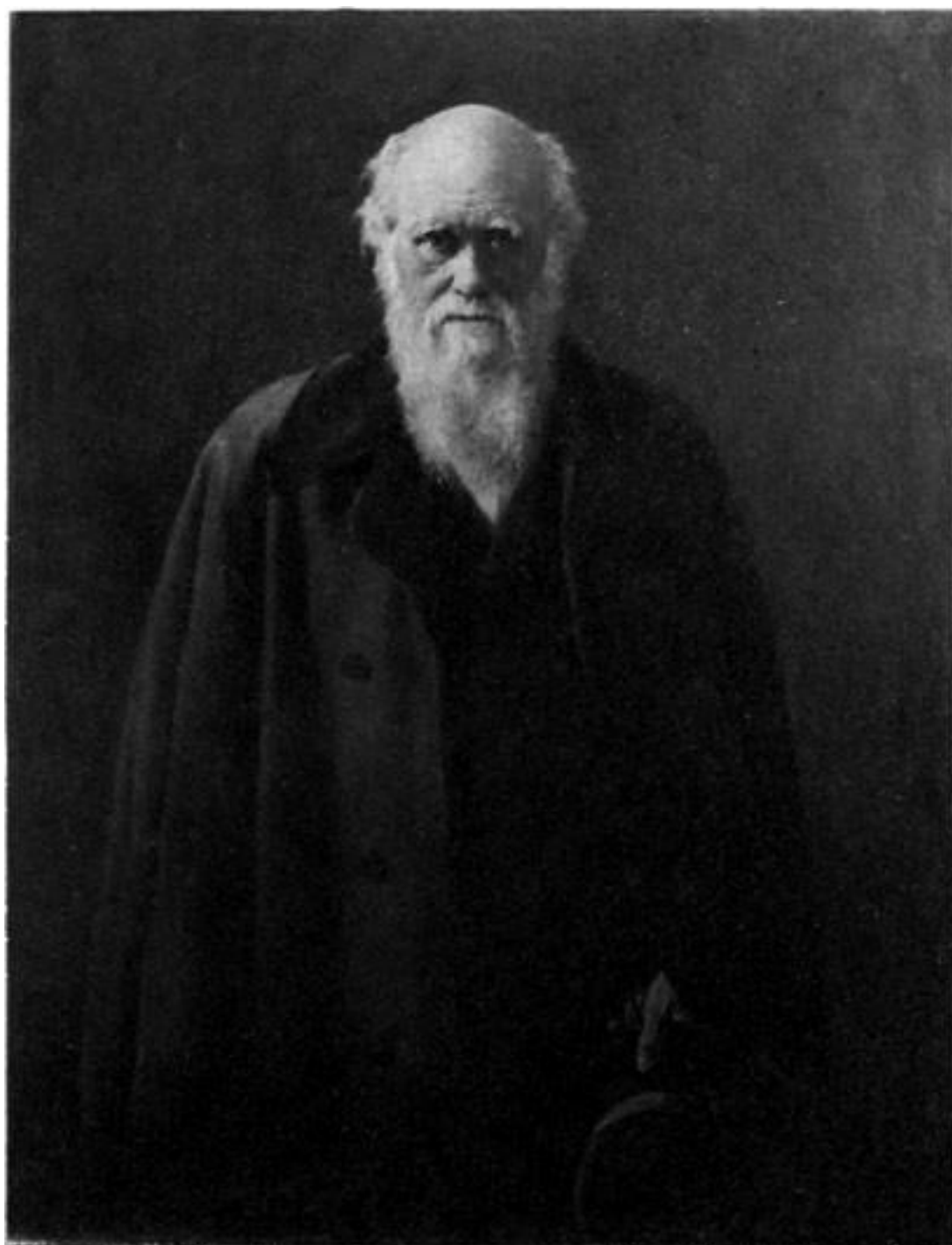
Последнее обновление: 15 марта 2025 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен альбертом Л& aacute; сзл & oacute;, eagkw и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) из изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПИОНЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТ ФАЛЕСА ДО ХАКСЛИ" ***

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.

Hon. John Collier: pinx.

Sutton Electro Engraving Co.

C. Darwin.

ПИОНЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТ ФАЛЕСА ДО ХАКСЛИ

С ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ГЛАВОЙ О ПРИЧИНАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ

ЭДВАРД КЛОДД

ПРЕЗИДЕНТ ОБЩЕСТВА ФОЛЬКЛОРИСТОВ
АВТОР КНИГ "ДЕТСТВО МИРА", "
ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ МИРА", "
ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА" И ДР.

С ПОРТРЕТАМИ

НЬЮ-ЙОРК
Д. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ
1897

Авторское право, 1897,
Д. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ.

МОЕМУ ЛЮБИМОМУ
А. А. Л.
ЧЬЕ ОБЩЕНИЕ И ПОМОЩЬ
СДЕЛАЛИ ЖИЗНЬ СЛАДКОЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книга нуждается лишь в кратком введении. В нем предпринята попытка рассказать историю зарождения идеи Эволюции в Ионии и, после долгого застоя, возрождения этой идеи в наше время, когда очевидно ее глубокое и постоянное влияние на мышление во всех направлениях и, следовательно, на человеческие отношения и поведение.

Между рождением и возрождением были столетия приостановленной жизнедеятельности, когда непента догмы одурманивала разум; церковное учение и миряне механически принимали достаточность Священных Писаний и Генеральных Соборов для принятия решений по вопросам, которые лежат вне сферы обоих. Отсюда необходимость конкретизации причин, которые активно сдерживали прогресс в знаниях на протяжении шестнадцати столетий.

Указывая на роли, по отдельности сыгранные небольшой группой выдающихся людей в возрождении Эволюции, автору, благодаря любезности мистера Герберта Спенсера, было разрешено ознакомиться с оригинальными документами, которые показывают, что теория Эволюции в целом, т.е. как относящаяся как к неживому, так и к живому содержанию

Вселенной, была сформулирована мистером Спенсером за год до публикации "Происхождения видов".

Роузмонт, Тафнелл-Парк, Лондон, Северная Каролина,
14 декабря 1896 года.

Содержание.

ЧАСТЬ I.

СТРАНИЦА

Пионеры эволюции От Фалеса До Лукреция—600 г. до н.э.-50 г.н.э. 1

ЧАСТЬ II.

Прекращение расследования —50-1600 гг. н.э..

1. От раннехристианского периода до времен Августина—50-400 гг.н.э. 37 г.

2. От Августина до лорда Бэкона —400- 1600 гг.н.э. 73

ЧАСТЬ III.

Возрождение науки — с 1600 года и далее 99

ЧАСТЬ IV.

Современная эволюция—

1. Дарвин и Уоллес 126

2. Герберт Спенсер 175

3. Томас Генри Хаксли 201

Индекс 267

“Природа, которая управляет целым, вскоре изменит все вещи, которые ты видишь, и из их субстанции создаст другие вещи, и снова другие вещи из субстанции их самих, чтобы мир мог быть вечно новым”.

Марк Аврелий, vii, 25.

ПИОНЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ.

ЧАСТЬ I.

ПИОНЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТ ФАЛЕСА ДО ЛУКРЕЦИЯ.

600-50 гг. до н.э.

“Все они умерли в вере, не получив обетований, но увидев их издали и убедившись в них”. — Евреям xi. 13.

“Одно событие всегда является следствием другого, и мы никогда не должны забывать о происхождении”, - сказал вождь бечуанов миссионеру Казалису. Философ-варвар говорил мудрее, чем сам думал, ибо в его словах заключалась та доктрина непрерывности и единства, которая является кредо современной науки. Они являются подходящим текстом для обсуждения в этой главе, цель которой состоит в том, чтобы показать то, что блеск современных открытий имеет тенденцию отбрасывать тень, а именно древность идей, результатом которых являются эти открытия. Хотя Теория Эволюции, как мы ее определяем, нова, предположениям, которые сделали ее возможной, по меньшей мере двадцать пять веков. Действительно, зафиксировать их начало практически невозможно, поскольку в далеком прошлом нет документов. Более того, будучи обвиненными во многих грубостях, они неотделимы от варварских концепций Вселенной, которые являются философиями прошлого и легендами настоящего.

Фонтенель, писатель прошлого века, проницательно заметил, что “все народы создавали поразительную часть своих мифов, когда были дикарями, и сохранили их от обычаев и религиозного консерватизма”. Ибо, как утверждает Уолтер Бейджхот в своей блестящей маленькой книге о физике и политике, и как доказывают все антропологические исследования, низшие расы непрогрессивны как из-за страха, так и из-за инстинктов. И большинство представителей высших рас не избежали действия тех же причин. Отсюда сохранение грубых и гротескных элементов в спекуляциях, в ходе которых человек постепенно приближался к истине вещей; отсюда также — сходные явления, требующие интерпретации — сходство их объяснения. И поскольку примитивный миф воплощает примитивную теологию, примитивную мораль и примитивную науку, история верований показывает, как мало найдется тех, кто избежал тирании того авторитета и святости, которыми с течением времени облакаются старые идеи.

Неудовлетворенность - необходимое условие прогресса, а неудовлетворенность предполагает противодействие. Как выразился Грант Аллен в одном из своих самых удачных стихотворений:

Если существующие системы - это Божий порядок, то
Восстание - часть этого порядка.

Отсюда и этап в истории некоторых народов, когда при оспаривании общепринятого рождается интеллектуальная свобода. Такая стадия заметно достигалась всякий раз, когда, например, индивид то тут, то там бросал вызов существующим представлениям о начале и природе вещей, убеждениям, которых придерживались потому, что им учили, а не потому, что было проверено их соответствие фактам.

Пионер (французский, *pionnier*; итальянский, *pedone*; от латинского *pedes*) - буквально пехотинец; тот, кто идет впереди армии, чтобы расчистить дорогу от препятствий. Отсюда применение этого термина к людям, находящимся в авангарде любого нового движения; отсюда его особая пригодность в нынешней связи, как обозначения людей, чьи рассуждения прокладывают путь через джунгли мифов и легенд к реальности вещей. Пионеры Эволюции — первые в истории, кто усомнился в истинности теории особого творения, будь то работа отдельных богов или одного Верховного Божества, не имеет значения, — жили в Греции примерно в уже упомянутое время; за шесть столетий до Рождества Христова. Не на ранних стадиях идеи Эволюции в Греции, ограниченной, как сейчас, скалистым полуостровом в юго-восточном углу Европы и прилегающими островами, а в Греции, которая тогда включала Ионию, на противоположном побережье Малой Азии.

С незапамятных времен Эгейские острова были рассадниками культуры и приключений. Оттуда морские обитатели распространились как на восток, так и на запад, питая дух исследования и впитывая влияния более древних цивилизаций, особенно Египта и Халдеи. Но, как бы они ни смешивались с другими народами, греки никогда не теряли своей ярко выраженной индивидуальности, и, передавая то, что они приобрели или открыли, более молодым народам, то есть более молодым по культуре, они накладывали на это свой отпечаток.

В более поздний период, с которым мы имеем дело, беженцы с Пелопоннеса, не желавшие подчиняться дорийскому игу, уже давно обосновались в Ионии. В какой степени на них оказали влияние контакты со своими соседями - это вопрос, на который, даже если бы на него было легко ответить, нам не нужно было бы здесь останавливаться. Несомненно, что торговля и путешествия расширили их интеллектуальный горизонт, и хотя Индия находилась слишком далеко, чтобы прикоснуться к ним вплотную (если бы этот нелюбопытный, мечтательный Восток коснулся их, это ничему бы их не научило), там была Вавилония с ее наблюдателями за звездами и Египет с его землемерами. Из первого эти ионийцы, вероятно, почерпнули знания об определенных периодических движениях некоторых небесных тел; а из другого - несколько правил измерения, возможно, немного грубой науки. Но это предположение. За все остальное, что она развила и чем обогатила мир, древняя Греция никому не остается в долгу.

В то время как азиат уклонялся от поиска причин, рассматривая, как метко замечает профессор Батчер в своей книге "Аспекты греческого гения", "каждое новое завоевание земли как кражу небес", грек жадно искал закон, управляющий окружающими его фактами. И в Ионии родилась идея, чуждая Востоку, но ставшая отправной точкой всех последующих научных исследований, — идея о том, что Природа действует по незыблемым законам. Сэр Генри Мэн сказал, что "за исключением слепых сил Природы, ничто не движется, что не является греческим по своему происхождению", и мы чувствуем, как трудно избежать преувеличения, говоря о наследии, завещанном Грецией как дарительницей всех плодотворных, оживляющих идей, которые развили человеческие способности со всех сторон и обогатили каждую сферу жизни. Несмотря на серьезные недостатки характера, такие как коварство, алчность и беспринципность, греки обладали спасительной благодатью стремления к знаниям, которое ничто не могло сбить с толку (Платон, Республика, т. iv, стр. 435), и тот здоровый взгляд на вещи, который спас их от болезненного самоанализа. Среди них не было Симеона Столпника, чтобы взобраться на свой бесполезный столп; не было закоренелого факира, чтобы тратить жизнь на созерцание кончика своего носа; не было ученого, чтобы празднично размышлять, сколько ангелов могло бы танцевать

на острие иглы; или обсуждать такие бессмысленные вопросы, как язык, на котором святые на небесах будут говорить после Страшного Суда.

В своем превосходном и осторожном обзоре ранней греческой философии, которому мы в основном следуем в этом разделе, профессор Бернет говорит, что реальный прогресс, достигнутый ионийцами, заключался в том, что они “перестали рассказывать сказки. Они отказались от безнадежной задачи описать то, что было, когда ещеничего не было, и вместо этого спросили, чем все вещи на самом деле являются сейчас”. Ибо ранние представления греков о природе, унаследованные от их варварских предков, были воплощены в мифах и легендах, имеющих сильное сходство с теми, которые встречаются у нецивилизованных племен Полинезии и в других местах в наши дни. Например, древний природный миф о Кроносе, разделяющем небо и землю путем нанесения увечий Урану, встречается среди китайцев, японцев и маори, а также среди древних индусов и египтян.

Самая ранняя школа научных рассуждений находилась в Милете, самом процветающем городе Ионии. Фалес, чье имя возглавляет список “Семи мудрецов”, был его основателем. Как и в случае с другими известными философами этого и более поздних периодов, ни точная дата его рождения, ни дата его смерти неизвестны, но можно считать, что шестой век до Рождества Христова охватывает период его “расцвета”.

То, что “ничто не возникает из ничего и что ничто не исчезает в ничто”, было убеждением, с которым он и те, кто последовал за ним, приступили к своим поискам. Все вокруг менялось; все всегда становилось чем-то другим; “все в движении, как потоки”. Должно быть то, что является проводником всех изменений и всех движений, которые их производят. *Чем, следовательно, была эта постоянная и первичная субстанция? другими словами, из чего сделан мир? И Фалес, возможно, наблюдая, что она может поочередно становиться парообразной, жидкой и твердой; возможно — если, как гласит традиция, он посетил Египет — наблюдая за чудотворным, животворящим Нилом; возможно, несомненно разделяя нынешнюю веру в омываемую океаном землю, сказал, что первичной субстанцией была Вода. Анаксимандр, его друг и ученик, не соглашаясь с тем, что казалось ему слишком конкретным ответом, утверждал в более абстрактной форме, что “материальной причиной и первым элементом вещей было Бесконечное”. Эта материальная причина, которую он был первым, назвавшим так, “не является ни водой, ни чем-либо другим из того, что сейчас называется элементами” (мы цитируем Теофраста, знаменитого ученика Аристотеля, родившегося в Эресе на Лесбосе в 371 году до н.э.). Возможно, следуя умелому руководству профессора Бернета по сложности определений, термин “Безграничный” лучше всего выражает “единую вечную, неразрушимую субстанцию, из которой все возникает и в которую все снова возвращается”; другими словами, неисчерпаемый запас материи, из которого происходит растрата энергии. существование постоянно улучшается.*

Анаксимандр был первым, кто утверждал происхождение жизни из неживого, то есть “влажного элемента, испарившегося солнцем”, и говорил о человеке как о “подобном другому животному, а именно рыбе, в начале”. Это выглядит почти сродни предвидению изменчивости видов и тому, что доказала современная биология относительно морского происхождения высших животных, хотя это одна из многих древних гипотез о происхождении жизни в слизистой материи. И когда Анаксимандр добавляет, что “в то время как другие животные быстро находят себе пищу, только человеку требуется длительный период кормления грудью”, он предвосхищает современное

объяснение происхождения рудиментарной семьи через развитие социальных инстинктов и привязанностей. Удлинение периода младенчества влечет за собой зависимость от родителей и развивает симпатию, которая лежит в основе социальных отношений. (Ср. "Очерки космической философии" Фиске, т. ii, стр. 344, 360.)

Имея дело со столь отдаленными рассуждениями, мы должны остерегаться прочтения современного смысла в трудах, созданных в эпохи, когда ограниченность знаний была серьезной, и чей характер и точка зрения полностью чужды нашим собственным. Например, какими бы проницательными ни были некоторые издогадок, сделанных Анаксимандром, мы находим, что он описывает солнце как "кольцо, в двадцать восемь раз превышающее размер земли, похожее на тележное колесо с углублением внутри и полное огня, показывающее огонь в определенной точке, как будто через сопло пары мехов". И если он в какой-то мере приблизился к более истинным представлениям о форме земли как о "выпуклой и круглой", то мир его времени, как и во времена Гомера, представлял ее плоской и плавающей на окружающей воде. Ионийским философам не хватало проницательности, но научный метод, заключающийся в том, чтобы начинать с рабочих гипотез или с наблюдения, предшествующего теории, еще не родился.

В этом кратком обзоре предмета не будет никакой пользы в детализации различных спекуляций, последовавших за теориями Фалеса и Анаксимандра, поскольку они различались лишь в несущественном; или, подобно теории Пифагора и его школы, которую Зеллер рассматривает как результат учения Анаксимандра, были чисто абстрактными и причудливыми. Как хорошо известно, пифагорейцы, чья философия была как этической, так и космической, считали, что все вещи состоят из чисел, каждое из которых, по их мнению, обладало своим особым характером и свойством. Вера в такие символы как сущности кажется нам невозможной, но ее существование в ранней мысли мыслимо, когда, как говорит Аристотель, они "не были отделены от объектов чувств". Даже в наши дни среди эксцентричных людей, которые все еще верят в современный фальшивый агностицизм, известный как теософия, и в астрологию, мы находим заблуждение, что числам присущи магические или мистические свойства. Что касается древних, "подумайте", как замечает м-р Бенн в своей книге "Греческие философы" (том i, стр. 12), "живые эмоции, возбуждавшиеся в то время, когда умножение и деление, возведение в квадрат и куб, правило трех, построение и эквивалентность цифр, со всеми их разнообразными приложениями к промышленности, торговле, изящным искусствам и тактике, были для нас такими же странными и удивительными, как электрические явления ... и мы перестанем удивляться тому, что простая форма мысли, безжизненная абстракция, когда-то рассматривалась как решение любой проблемы; причина всего существования; или что эти спекуляции не раз возрождались в последующие века".

Ксенофан из Колофона, одного из двенадцати ионических городов Малой Азии, заслуживает, однако, мимолетного упоминания. Он, вместе с Парменидом и Зеноном, являются главными представителями элеатской школы, названной так по городу на юго-западе Италии, где располагалась греческая колония. Эта школа была склонна к метафизическим теориям. Он был первым известным наблюдателем, обнаружившим ценность окаменелостей как свидетельств действия воды, но его главная претензия на это основывается на том факте, что, выходя за рамки чисто физических спекуляций ионийской школы, он отрицал идею первичной субстанции и теоретизировал о природе и действиях сверхчеловеческих существ. Живя во времена возрождения старых и грубых суеверий, к которым прибегала чернь, когда возникал

страх перед вторжениями, он осмелился напасть на старые и устойчивые представления о богах, как в следующих предложениях из фрагментов его сочинений:

“Гомер и Гесиод приписывали богам все, что является позором среди людей, - воровство, прелюбодеяния и обман друг друга”.

“Никогда не было и не будет человека, у которого была бы четкая уверенность в том, что я говорю о богах и обо всех вещах; ибо даже если ему случается сказать то, что правильно, все же он сам не знает, что это так. Но все вольны догадываться”.

Смертные думают, что боги родились такими, какие они есть, и обладают чувствами, голосом и телом, подобными их собственным. Поэтому эфиопы делают своих богов черными и курносими; фракийцы наделяют их рыжими волосами и голубыми глазами”.

“Есть один бог, величайший среди богов и людей, непохожий на смертных как разумом, так и телом”.

Если бы подобные ереси распространялись в Афинах, где все еще были в силе последствия религиозного возрождения, “светская рука” архонтов, вероятно, быстро расправилась бы с Ксенофаном. Но в Элеи или в какой-либо другой колонии, где он, возможно, жил, “богам было предоставлено самим заботиться о себе”.

Более великим, чем все названные философы, является Гераклит Эфесский, прозванный “темным” из-за неясности его стиля. Его оригинальные труды разделили судьбу большинства документов древности и существуют, как и многие из них, лишь фрагментами, сохранившимися в произведениях других авторов. Многие из его афоризмов действительно являются мрачными высказываниями, но те, которые раскрывают их смысл, полны правды и наводят на размышления. Как, например:

“Глаза - более точные свидетели, чем уши”.

“Вы не обнаружите границ души, путешествуя в каком бы то ни было направлении”.

“Человек зажигается и гаснет, как свет в ночное время”.

“Характер человека - это его судьба”.

Но они имеют особую ценность как ключи к его философии:

“Вы не можете дважды войти в одни и те же реки, ибо в вас всегда течет свежая вода”.

“Гомер был неправ, говоря: ‘О, если бы эта вражда исчезла среди богов и людей!’ Он не видел, что молился о разрушении вселенной, ибо, если бы его молитва была услышана, все бы исчезло”.

Поток, или движение, говорит Гераклит, - это всепроникающий закон вещей, и в противостоянии сил, благодаря которым все поддерживается в рабочем состоянии, кроется гармония. Все еще находясь в поисках первичной субстанции, проявления которой столь разнообразны, он нашел ее в Огне, поскольку “количество ее в постоянно горящем пламени, по-видимому, остается неизменным; пламя кажется тем, что мы называем ‘вещью’. И все же его сущность постоянно меняется. Он всегда исчезает в виде дыма, и его место всегда занимают

свежие вещества из топлива, которое его питает. Это именно то, чего мы хотим. Если мы рассматриваем мир как ‘вечно живой огонь’ — ‘этот порядок, который одинаков во всех вещах и которого никто из богов или людей не создавал’, — мы можем понять, как огонь всегда становится всем сущим, в то время как все вещи всегда возвращаются к нему.” И каков мир, таков и человек, состоящий, подобно ему, и душой, и телом, из огня, воды и земли. Мы есть и не являемся одним и тем же в течение двух последовательных мгновений; “огонь в нас постоянно становится водой, а вода землей, но поскольку противоположный процесс происходит одновременно, мы, кажется, остаемся теми же самими”.

По мере развития спекуляций они все больше и больше применялись к деталям, за теориями зарождения жизни следовали теории происхождения различных ее форм. Это особенность философии Эмпедокла, который процветал в пятом веке до нашей эры. Продвижение Персии на запад привело к миграции греков на юг Италии и Сицилию, и именно в Агридженте, на этом острове, Эмпедокл родился около 490 года. Он занимает почетное место среди первых, кто вытеснил *догадки* о мире *исследованиями* самого мира. О его магическом искусстве рассказывают множество легенд, одна из которых, как мы помним, дает Мэтью Арнольду повод для прекрасных размышлений в его поэме "Эмпедокл на Этне". Говорили, что философ вернул к жизни женщину, которая, по-видимому, была мертва уже тридцать дней. Поднимаясь на гору, Павсаний из Гелы, обращением к которому начинается поэма Эмпедокла, хотел бы утолить свое любопытство относительно этого и других рассказанных о нем чудес:

Не спрашивай о последних новостях о последнем чуде,
Не спрашивай, сколько дней и ночей
пролежала Пантея В трансе,
Но спроси, как ты можешь видеть такие зрелища
без смятения;
Спроси, что больше всего помогает, когда узнаешь, ты, сын Анхита.

Его рассуждения о вещах, подобные рассуждениям Парменида до него и Лукреция после него, изложены в стихах. Из остатков его Поэмы о природе мы узнаем, что он считал, что “четырьмя корнями всех вещей” являются Огонь, Воздух, Земля и Вода. Это “глупцы, лишенные далеко идущих мыслей, которые полагают, что то, чего раньше не было, возникает или что все может погибнуть и быть полностью уничтожено”. Следовательно, “корни”, или элементы, вечны и неразрушимы. На них действуют две силы, которые также являются материальными, - Любовь и Борьба; одна является объединяющим фактором, другая - разрушающим. Из четырех корней, подвергнутых такому воздействию, возникают “цвета и формы” живых существ; сначала деревья, как мужские, так и женские, затем фрагменты животных, головы без шеи и “глаза, которые блуждали вверх и вниз из-за отсутствия лба”, которые, соединившись вместе, образовали чудовищные формы. Они, не имея силы размножаться, погибли и были заменены “цельными”, но бесполой “формами”, которые “возникли из земли” и которые, по мере того как Борьба брала верх, становились мужскими и женскими. В этом, среди множества фантастических спекуляций, по-видимому, кроется зародыш современной теории о том, что неадаптированные вымирают и что выживают только адаптированные. Природа убивает свои неудачи, чтобы освободить место для своих успехов.

Анаксагор, современник Эмпедокла, интересует нас потому, что он был первым философом, вернувшимся в Афины, и первым страдальцем во имя истины, о котором у нас есть записи в греческих летописях. Поскольку он учил, что солнце - это раскаленный докрасна камень и что на луне есть равнины и ущелья, он был подвергнут испытанию и, если бы не влияние его друга, знаменитого Перикла, мог бы погибнуть. Спекуляции, какими бы смелыми они ни были, остаются без внимания до тех пор, пока не вступают в противоречие с популярным вероучением и, нападая таким образом на богов, нападают на, казалось бы, установленный богом порядок. Афины тогда и долгое время спустя, хотя и были равнодушны к естественным наукам, были, под влиянием упомянутого выше возрождения, активно враждебны свободомыслию. Мнения Анаксагора опровергли существование богов и опустошили Олимп. Если небо было всего лишь заполненным воздухом пространством, что стало с Зевсом? если бы солнце было всего лишь огненным шаром, что стало с Аполлоном? Г-н Гроте говорит ("История Греции", том I, стр. 466), что "с точки зрения древних греков, описание солнца, данное в современном астрономическом трактате, показалось бы не просто абсурдным, но отталкивающим и нечестивым; даже в более поздние времена Анаксагор и другие астрономы были обвинены в богохульстве за распространение информации о Гелиосе". О Сократе, который сам был приговорен к смерти за нечестие, заключавшееся в отрицании старых богов и введении новых, тот же авторитет пишет: "Физика и астрономия, по его мнению, принадлежали к божественному классу явлений, в которых человеческие исследования были безумными, бесплодными и нечестивыми". Так что Демос и его "лучшие товарищи" цеплялись, как и большинство до сих пор цепляется, за мифы своих предков. Они отправились к оракулам и ждали воли богов в знаках и предзнаменованиях.

В своей философии Анаксагор утверждал, что во всем есть доля всего и что вещи по-разному смешаны в бесконечном количестве семян, каждое в своем роде. Из них, благодаря действию внешней причины, называемой Разумом, которая также материальна, хотя и является "тончайшей из всех вещей и чистой" и "имеет власть над всеми вещами", возникли растения и животные. Вероятно, как замечает профессор Бернет, "что Анаксагор заменил Любовь и Борьбу Эмпедокла Разумом, все еще понимаемым как тело, просто потому, что он хотел сохранить старую ионийскую доктрину о субстанции, которая "знает" все вещи, и отождествить ее с новой теорией субстанции, которая 'движет' всеми вещами".

До сих пор спекуляции в основном касались происхождения форм жизни, но теперь мы наблюдаем возрождение спекуляций о природе вещей в целом и формулирование теории, которая связывает греческую космологию с наукой начала девятнадцатого века и атомной теорией Дальтона. Демокриту из Абдеры, родившемуся около 460 года до н.э., принадлежит заслуга разработки атомной теории, но, вероятно, он лишь развил то, чему до него учил Левкипп. Об этом последнем названном философе вообще ничего не известно; более того, в его существовании сомневались, но кое-что значит то, что Аристотель приписывает ему заслугу открытия и что Теофраст в первой книге своих Мнений написал о Левкиппе следующее: "Он предположил бесчисленные и постоянно движущиеся элементы, а именно атомы. И он сделал их формы бесконечно многочисленными, поскольку не было причин, по которым они должны быть одного вида, а не другого, и потому что он видел, что в вещах происходит непрерывное становление и изменение. Далее, он утверждал, что *that* is no more real than *what is not*, and that both are alike causes of the things that come into being; for he laid down that the substance of the atoms was compact and full, and he called them *what is*, while they moved in the void which he called *what is not*, but affirmed to be just as real as *what is*." Так "он ответил на вопрос, который Фалес задал первым".

Откладывая дальнейшие упоминания об этой теории до тех пор, пока не будет упомянуто великое имя Лукреция, ее римского выразителя, мы обнаруживаем, что подлинно научный метод впервые зарождается в лице Аристотеля. Этот замечательный человек, основатель экспериментальной школы и Отец естественной истории, родился в 384 году до нашей эры в Стагире в Македонии. На восемнадцатом году жизни он уехал из родных мест в Афины, где стал учеником Платона. Разочарованный, как считается, тем, что не смог сменить своего учителя в Академии, он переехал в Митилину на острове Лесбос, где получил приглашение от Филиппа Македонского стать наставником его сына, знаменитого Александра Македонского. Когда Александр отправился в свой поход в Азию, Аристотель вернулся в Афины, преподавая в “школе”, которую его гений возвел на первое место. Там он написал большую часть своих произведений, завершение некоторых из которых было остановлено его смертью в Халкиде в 322 году. Диапазон его исследований был безграничен, но в этом кратком примечании мы должны ограничить наш обзор — тем более что рассуждения Аристотеля за пределами естественной истории изобилуют ошибками — его пионерской работой в области органической эволюции. Здесь, в единственном возможном методе достижения истины, теория следует за наблюдением. Стагира лежала на берегу Стримонского залива, и детство, проведенное на берегу моря, дало Аристотелю широкую возможность отметить вариации, а вместе с ними и градации, между морскими растениями и животными, среди последних следует отметить как доказательство его проницательности, что он был достаточно проницателен, чтобы включить губок. Здесь был заложен фундамент классификации форм жизни, на котором основывались все соответствующие попытки. Затем он увидел то, чего не видел никто другой до него и как никто после него не видел на протяжении веков, силу наследственности, эту все еще нерешенную проблему биологии. Если говорить в общих чертах о его учении, подробностями которого можно было бы заполнить страницы, то его основными чертами являются (1) Его настойчивость в наблюдении. В своей “Истории животных” он говорит: “мы не должны принимать общий принцип только из логики, но должны доказать его применение к каждому факту. Ибо именно в фактах мы должны искать общие принципы, а они всегда должны соответствовать фактам. Опыт дает конкретные факты, из которых индукция является путем к общим законам”. (2) Его неприятие случайности и утверждение закона не как, следуя распространенной ошибке, закона, персонифицированного как причина, а как термина, с помощью которого мы выражаем тот факт, что определенные явления всегда происходят в определенном порядке. В своей книге “Физика” Аристотель говорит, что “Юпитер проливает дожди не для того, чтобы увеличить количество зерна, а по необходимости. Точно так же, если чье-то зерно уничтожено дождем, то он идет не с этой целью, а как случайное обстоятельство. Похоже, что зимой часто идут дожди не по счастливой случайности, а по необходимости”. (3) В вопросе о происхождении форм жизни он был ближе всего к его современному решению, выдвигая необходимость “чтобы сначала возникли зародыши, а не сразу животные; и та мягкая масса, которая возникла первой, была зародышем. У растений также есть цель, но она менее отчетлива; и это показывает, что растения были созданы тем же способом, что и животные, а не случайно, как в результате соединения оливок с виноградными лозами. Точно так же можно утверждать, что должно иметь место случайное зарождение зародышей вещей, но тот, кто утверждает это, ниспровергает саму Природу, ибо Природа производит те вещи, которые, будучи постоянно движимыми определенным принципом, заключенным в них самих, достигают определенного конца”. В стремлении теологов найти доказательства веры в единого Бога древних философов ссылки Аристотеля на “совершенствующий принцип”, “действенную причину”, “первичный двигатель” и так далее были слишком легко истолкованы как

обозначающие монотеистическое вероучение, которое, напоминая нам о “едином боге” Ксенофана, также сродни Личному Богу христианства. “Стагирит, - замечает м-р Бенн (“Греческие философы“, т. i, стр. 312), - согласен с католическим теизмом, и он согласен с Первым артикулом Английской церкви, хотя и не с Пятикнижием, в том, что Бог не имеет частей или страстей, но на этом его согласие заканчивается. Исключая такую вещь, как божественное вмешательство во всю Природу, его теология, конечно, исключает возможность откровения, вдохновения, чудес и благодати”. Это существо, которое не интересуется человеческими делами.

Но, как бы ни расходились комментаторы относительно значения Аристотеля, предполагаемое им место в ортодоксальной линии привело, как будет видно ниже, к принятию его философии Августином, епископом Гиппонским, в четвертом веке и другими Отцами Церкви, так что средневековые теории Библии, смешанные с теориями Аристотеля, представляют собой сумму знаний, считавшихся достаточными до тех пор, пока открытия Коперника в шестнадцатом веке не опровергли теорию Птолемея с ее неподвижной землей и системой циклов и эпициклов, по которым двигались небесные тела. К тому же он тем самым очень сильно расстроился. Подобно Анаксимандру и другим, Аристотель верил в самопроизвольное зарождение, хотя только в случае определенных животных, таких как угри из ила прудов и насекомые из гнилой материи. Однако в этом и Августин, и Фома Аквинский, и многие ученые вплоть до конца семнадцатого века следовали ему. Например, Ван Гельмонт, химик-экспериментатор того периода, дал рецепт приготовления блох; а другой ученый показал себя на уровне современных неграмотных крестьян, которые верят, что угрей получают из конского волоса, брошенного в пруд.

Более глубокий интерес, отмечающий предвидение Аристотеля, представляет его предвосхищение того, что известно как эпигенез, или теория развития зародыша во взрослую форму у высших особей посредством объединения оплодотворяющих способностей мужских и женских органов. Эта теория, которая была доказана исследованиями Гарвея, первооткрывателя кровообращения, и принята всеми биологами сегодня, была отвергнута Мальпиги, итальянским врачом, родившимся в 1628 году, в год, когда Гарвей опубликовал свое великое открытие, и другими выдающимися деятелями науки вплоть до прошлого столетия. Мальпиги и его школа утверждали, что совершенное животное уже “сформировано” в зародыше; например, куриное яйцо до оплодотворения содержит чрезмерно маленького, но полноценного цыпленка. Из этого следовало, что в любом зародыше должны содержаться зародыши всего последующего потомства, и в применении этой теории “коробочки в коробочке” ее защитники даже подсчитали количество человеческих зародышей, сконцентрированных в яичнике матери Евы, оценив их в двести тысяч миллионов!

Когда Боннет и другие возродили теорию “предварительного формирования” в восемнадцатом веке, Эразмус Дарвин, дед Чарльза Дарвина, выступил со следующей пронизательной критикой в ее адрес: “Многие гениальные философы столкнулись с такими большими трудностями в понимании способа размножения у животных, что они предположили, что все многочисленное потомство существовало в миниатюре у первоначально созданного животного. Эта идея, помимо того, что она не подтверждается никакими известными нам аналогиями, приписывает организованной материи большую непрерывность, чем мы можем с готовностью признать. Эти эмбрионы ... должно быть, обладает большей степенью тщательности, чем та, которую приписывали дьяволам, искушавшим святого Антония, из

которых, как говорили, двадцать тысяч были способны станцевать сарабанду на острие иглы, нисколько не мешая друг другу”.

Хотя теологи раннехристианской церкви не могли извлечь ни одного теистического элемента из систем Эмпедокла и Демокрита, тем самым обеспечив им долю влияния, оказываемого великим Стагиритом, они были формирующими силами в греческой философии и, более того, “пришли сами” в наши последние дни. Их главным представителем в так называемый постаристотелевский период является Эпикур, родившийся на Самосе в 342 году до н.э. Как и в случае с Зеноном, основателем школы стоиков, его учение было извращено, так что его имя стало свободно отождествляться со снисхождением к грубой и чувственной жизни. Он видел в удовольствии высшее счастье и поэтому выступал за стремление к удовольствию для достижения счастья, но при этом не имел в виду стремление к недостойному. Скорее он советовал следовать чистым, высоким и благородным целям, только благодаря которым человек может обрести душевный покой. Нетрудно увидеть, что в умах людей с низкими идеалами тенденция к пассивности, которая скрывалась в таком учении, способствовала бы их скатыванию к погоне за простым животным наслаждением; отсюда грубая и ограниченная ассоциация термина “эпикурейец”. Эпикур принял теорию Левкиппа и применял ее повсюду. *Святые* боги, которые пребывают безмятежно равнодушными к человеческим делам и которых людям, следовательно, не следует опасаться; все вещи, мертвые или живые, даже идеи, которые приходят в ум, одинаково состоят из атомов. Он также принял выдвинутую Эмпедоклом теорию о выживании пригодных и дееспособных форм после появления в них жизни в результате процессов самопроизвольного зарождения и производства уродств. Приняв физические рассуждения этих предшественников, он сделал их проводником дидактической и этической философии, которая вдохновила на создание замечательной поэмы Лукреция.

Между этим великим римлянином и Эпикуром — период примерно в два столетия — нет ни одного имени, достаточно известного, чтобы заслуживать внимания. Упадок Греции завершился ее завоеванием полуварваром Муммием и последующим присоединением к провинциям Римской империи. Та жизнь, которая сохранялась в ее философии в пределах ее собственных границ, закончилась с потерей свободы, и работа, проделанная Пионерами Эволюции в Греции, должна была быть возобновлена в другом месте. В те несколько лет дохристианского периода, которые сохранились, учение Эмпедокла и Эпикура как выразителя атомной теории было возрождено Лукрецием в его “De Rerum Natura”. Об этом замечательном человеке сохранилось очень мало сведений, и эти сведения не заслуживают доверия. Вероятно, он родился в 99 году до нашей эры и умер — по словам Джерома, от собственной руки, но доказательств этому нет — на сорок четвертом году жизни. Взявшись за его замечательное стихотворение, трудно удержаться от соблазна сделать из него обширные выдержки, поскольку, даже благодаря изысканному переводу мистера Манро, оно, вероятно, мало известно широкому читателю в эти злые дни отрывочной литературы. Но искушению нужно сопротивляться, разве что в умеренной степени.

С достоинством, которое внушает его высокая миссия, Лукреций предстает перед нами в тройственном облике учителя, реформатора и поэта. “Во-первых, из-за убедительности моих аргументов и потому, что я освобождаю разум от тесных уз суеверий; а во-вторых, потому, что на столь мрачную тему я сочиняю такие ясные стихи, затрагивающие каждый момент с изяществом поэзии”. Как учитель он излагает доктрины Эпикура о жизни и природе; как реформатор он нападает на суеверия; как поэт он излагает как атомистическую философию, так

и ее моральное применение гармоничными и красивыми стихами, проникнутыми пылом, сродни религиозному чувству.

Обсуждая вначале различные теории происхождения и отвергая их, особенно ту, которая утверждает, что вещи произошли из ничего — “ибо если это так, то любой вид может родиться из чего угодно, ничто не требует семени”, Лукреций переходит к изложению учения Левкиппа и других атомистов о том, что вещи образуются частицами материи, движениями которых управляют неизменные законы. Эту теорию он развивает со всех сторон, объясняя процессы, посредством которых атомы объединяются, чтобы осуществлять рождение, рост и распад вещей, разнообразие которых обусловлено разнообразием формы атомов и различиями в способах их сочетания; сочетания определяются сродством или свойствами самих атомов, “поскольку условиями Природы абсолютно определено, что каждая вещь может и чего не может делать”. Изменение - это закон вселенной; то, что есть, исчезнет, но только для того, чтобы вновь появиться в другой форме. Смерть - “единственное бессмертное”; и именно она и то, что может последовать за ней, являются главными мучителями людей. “Следовательно, этот душевный ужас и эта тьма должны быть рассеяны не лучами солнца или яркими лучами дневного света, но внешним видом и гармоничным планом Природы”. Лукреций объясняет, что душа, которую он помещает в центр груди, также образована из мельчайших атомов тепла, ветра, спокойного воздуха и более тонкой сущности, пропорции которой определяют характер как людей, так и животных. Оно умирает вместе с телом, в подтверждение этого утверждения Лукреций приводит семнадцать аргументов, настолько решительно он настроен “освободить тех, кто из-за страха смерти всю свою жизнь находится в рабстве”.

Эти темы заполняют первые три книги. В четвертой он сталкивается с ментальными проблемами ощущений и концепций и объясняет происхождение веры в бессмертие из-за призраков и видений, которые появляются во сне. “Когда тело погружается в сон, ни по какой другой причине разум ума не пробуждается, кроме как потому, что те же самые образы провоцируют наш разум, которые провоцируют их, когда мы бодрствуем, и до такой степени, что нам кажется, без сомнения, что мы воспринимаем того, кого покинула жизнь, а смерть и земля овладели нами. Эта природа вынуждает сбываться, потому что все чувства тела тогда затруднены и находятся в состоянии покоя во всех конечностях и не могут опровергнуть нереальное реальными вещами”.

В пятой книге Лукреций рассматривает происхождение солнца, Луны, земли (которую он считал плоской, отрицая существование антиподов); жизни и ее развития; и цивилизации. Во всем этом он исключает замысел, объясняя все как произведенное и поддерживаемое природными факторами: “массы, внезапно собранные воедино, стали зачатками земли, моря и небес, а также расой живых существ”. Он верил в последовательное появление растений и животных, но в то, что они возникали отдельно и непосредственно из земли, “под влиянием дождя и солнечного тепла”, повторяя таким образом старые предположения о возникновении жизни из слизи, “поэтому земля с хорошим названием получила и сохраняет имя матери”. Он не принял теорию Эмпедокла о “четырех корнях всех вещей”, и у него не будет ни одного из чудовищ — гиппогрифов, химер и кентавров, — которые составляют часть схемы этого философа. Они, по его словам, “никогда не существовали”, тем самым показывая, что он намного опередил эпохи, когда всерьез верили в существование единорогов, драконов и тому подобных легендарных зверей. В одном отношении, более проницательный, чем Аристотель, он принимает доктрину выживания наиболее приспособленных, как учил мудрец из Агригента. Ибо он утверждает, что с

тех пор, как “на размножение некоторых Природа установила запрет, так что они не могли ни достичь желанного цветущего возраста, ни найти пищу, ни соединиться в браке” ... “многие расы живых существ вымерли и не смогли зачать и продолжить свой род”. Лукреций говорит об Эмпедокле в выражениях, едва ли менее преувеличенных, чем те, которые он применил к Эпикуру. Последний - “бог”, “который первым открыл тот план жизни, который теперь называется мудростью, и который испытанным мастерством спас жизнь от таких огромных волн и такой густой тьмы и причалил к ней в таком совершенном покое и при таком ярком свете ... он очистил сердца людей правдивыми наставлениями, и установил предел похоти и страху, и объяснил, что является главным благом, к достижению которого мы все стремимся”. Что касается Эмпедокла, то “эта великая страна (Сицилия), кажется, не содержала в себе ничего более славного, чем этот человек, ничего более святого, чудесного и дорогого. Стихи этого богоподобного гения также кричат громким голосом и возвещают о его великих открытиях, так что кажется, что он едва ли рожден среди смертных”.

Продолжая свои рассуждения о развитии живых существ, Лукреций выступает в более смелом и оригинальном ключе. Прошлая история человека, говорит он, относится не к героическому или золотому веку, а к периоду борьбы с дикостью. Только когда “дети своими уговорами легко сломили гордый нрав своих отцов”, возникли семейные узы, из которых выросли более широкие социальные связи, и смягчающие и цивилизующие учреждения приступили к своим справедливым обязанностям. В его битве за пищу и кров “первым оружием человека были кисти рук, ногти и зубы, камни и сучья, отломанные в лесах, а также пламя и пожарище, как только они стали известны. Позже была открыта сила железа и меди, и использование меди было известно раньше, чем железа, поскольку с ней легче работать, и она встречается в большем количестве. С помощью меди они обрабатывали почву земли и поднимали волны войны.... Затем медленными шагами железный меч завоевал популярность, и изготовление медного серпа стало притчей во языцех, и с помощью железа они начали вспахивать земную почву, и борьба колеблющегося человека стала равной”. Что касается языка, “Природа побудила их произносить различные звуки языка, и использование вычеркнуло названия вещей”. Таким образом, Лукреций указывает путь, по которому с тех пор прошла физическая и умственная эволюция, и подчиняет всю историю высокой цели своей поэмы - освобождению существ, чей путь он таким образом прослеживает, от суеверий. Человек, “видя небесную систему и различные времена года, не мог понять, по каким причинам это было сделано, и искал убежища в передаче всего сущего богам и предположении, что все сущее управляется по их указке”. Затем, в шестой и последней книге, завершение которой, по-видимому, было приостановлено его смертью, Лукреций объясняет “закон ветров и бурь”, землетрясений и извержений вулканов, которые люди “по глупости возлагают на богов”, которые тем самым проявляют свой гнев.

Итак, не желая молча страдать,
мы, населяющие пустоту воздуха,
Создаем Богов, которым приписываем
беды, которые мы должны переносить;
Имея Бога и Судьбу, на которых можно ругаться, мы легко страдаем.

И какой пестрой толпой богов они были, на чей каприз или безразличие он изливает свои сосуды гнева и презрения! Терпимый римский пантеон приветствовал любое иностранное божество с уважаемыми полномочиями; Кибелу, Великую Мать, привезенную в виде грубо отесанного камня с помпой и ликованием из Фригии в 204 году до н.э.; Исиду, которую приветствовали из Египта; Геракла, Деметру, Асклепия и многих других богов из Греции. Но они были выброшены из головы человека, когда молитва или жертва им были принесены в должное время. Они оказывали меньшее влияние на жизнь римлянина, чем толпа местных богов, которые были тонко замаскированными фетишами и контролировали каждое действие в течение дня. Ибо второстепенные боги переживают изменения в пантеоне каждой расы. О современном греческом крестьянине мистер Реннел Родд свидетельствует в своей книге "Обычаи и знания современной Греции", что, как бы он ни содрогался при обвинении в любом проявлении язычества, правление Судеб для него более реально, чем божественное всемогущество. Г-н Тозер подтверждает это в своем высокогорье Турции. Он говорит: "Скорее, второстепенные божества и те, кто связан с обычной жизнью человека, избежали главного удара бури и вернулись к жизни в тусклых сумерках народных верований". В Индии сэр Альфред Лайалл говорит нам, что "даже высшая триада индуистской аллегии, представляющая всемогущие силы созидания, сохранения и разрушения, давно перестала активно руководить каким-либо таким соответствующим распределением функций". Подобно ограниченным монархам, они царствуют, но не управляют. Их вытесняет постоянно растущая толпа богобоязненных, чье влияние носит личный и особенный характер, как показано мистером Круком в его поучительном Введении в популярную религию и фольклорные предания Северной Индии.

Древнеримский каталог духовных существ, какими бы абстрактными они ни были, которые охраняли жизнь в мельчайших деталях, очень длинный. Из *indigitamenta*, как называются такие списки, мы узнаем, что не менее сорока трех были связаны с действиями ребенка. Когда фермер просил Мать-Землю о хорошем урожае, молитва не помогала, если он также не призывал "духа возделывания земли и духа ее поперечной вспашки; духа борозды и духа вспашки в семенах; и духа боронования; духа прополки и духа жатвы; духа переноса зерна в амбар; и духа выноса его снова". Более того, страна кишела халдейскими астрологами и предсказателями природных явлений; этрусскими гаруспиками, полными "детских знаний о молниях", которые предсказывали события по внутренностям приносимых в жертву животных; в то время как в конкуренции с ними существовала поддерживаемая государством коллегия авгуров, угадывавшая волю богов по крикам и направлению полета птиц. Сатирик того времени вполне мог бы сказать, что "это место было так густо населено богами, что едва оставляло место для людей".

Будет видно, что оправдание для включения Лукреция в число пионеров Эволюции кроется в двух его выдающихся вкладах в науку о человеке, а именно, в первобытной дикости человеческой расы и происхождении веры в душу и будущую жизнь. Что касается первого, то антропологические исследования, благодаря огромному накоплению материалов за последние шестьдесят лет, сделали немногим больше, чем заполнили контур, который проницательность Лукреция позволила ему набросать. Что касается второго, то он предвосхищает, почти в деталях, теорию происхождения веры в духов в целом, основанную на привидениях, которую Герберт Спенсер и доктор Тайлор, следуя линиям, изложенным Юмом и Тюрго (см. стр. 255), сформулировали и подкрепили огромной массой доказательств. Таким образом, заслуга Лукреция в оригинальных идеях его величественной поэмы — греческой по замыслу и римской

по исполнению — была затемнена общим затмением, которому эта поэма подвергалась на протяжении веков из-за своего антибогословского духа. Перемалываемый на той же философской мельнице, Аристотель из-за теизма, который, как предполагалось, был вовлечен в его “совершенствующий принцип”, был назван “столпом веры” Отцами церкви и Схоластами; в то время как Лукреций из-за его отрицания замысла был “предан анафеме маранафа”. Только в наши дни, когда очевидны далеко идущие последствия теории эволюции, подкрепленные наблюдениями во всех областях исследования, становятся очевидными заслуги Лукреция как оригинального провидца, а не как толкователя учений Эмпедокла и Эпикура.

Стоя почти на пороге христианской эры, мы можем остановиться и спросить, какова сумма размышлений о причинах и природе вещей, которые, начатые Фалесом в Ионии (с более или менее слабым импульсом с Востока, в шестом веке до Рождества Христова), прекратились на многие столетия в поэме Лукреция, охватывая, таким образом, активный период продолжительностью около пятисот лет. Следует помнить об осторожности, чтобы не видеть в этих спекуляциях чего-то большего, чем приблизительный подход к современным теориям.

1. Существует первичная субстанция, которая пребывает в общем потоке вещей.

Все современные исследования стремятся показать, что различные комбинации материи образуются из некой первичной материи. Но ее конечная природа остается неизвестной.

2. Из ничего не возникает ничто.

Современная наука ничего не знает о начале и, более того, считает его невыносимым. В этом она находится в прямом противоречии с теологической догмой о том, что Бог сотворил вселенную из ничего; догма, все еще принимаемая большинством протестантов и обязательная для исполнения римскими католиками. Ибо доктрина Римской церкви по этому поводу, выраженная в Канонах Ватиканского собора, такова: “Если кто-либо не признает, что мир и все, что в нем содержится, как духовное, так и ментальное, во всей своей сущности были созданы Богом из ничего; или скажет, что Бог сотворил не по Своей свободной воле из всякой необходимости, но понеобходимости, равной необходимости, посредством которой Он любит Себя, или будет отрицать, что мир был создан во славу Божью: да будет он предан анафеме”.

3. Первичная субстанция неразрушима.

Современная доктрина сохранения энергии учит, что как материя, так и движение не могут быть ни созданы, ни уничтожены.

4. Вселенная состоит из неделимых частиц, называемых атомами, многообразные комбинации которых, управляемые неизменным сродством, приводят к разнообразию вещей.

С модификациями, основанными на химических, а также механических изменениях между атомами, эта теория Левкиппа и Демокрита подтверждается. (Но недавние эксперименты и открытия показывают, что реконструкция химических теорий относительно свойств атома может произойти.)

5. Изменения - это закон вещей, и они вызываются игрой противоположных сил.

Современная наука объясняет изменения в явлениях антагонизмом отталкивающего и притягивающего способов движения; когда последний преодолевает первый, будет достигнуто равновесие, и нынешнему положению вещей придет конец.

6. Вода - необходимое условие жизни.

Следовательно, жизнь зародилась в воде; теория, полностью поддерживаемая современной биологией.

7. Жизнь возникла из неживой материи.

Хотя современная биология рассматривает происхождение жизни как неразрешимую проблему, она поддерживает теорию фундаментальной преемственности между неорганическим и органическим.

8. Растения появились раньше животных: высшие организмы имеют отдельный пол и появились позже низших.

В целом подтверждается современной биологией, но с оговоркой относительно неопределенной границы между низшими растениями и низшими животными. И, конечно, она признает непрерывность в порядке и преемственности жизни, которая не была понята греками. Аристотель и другие до него верили, что некоторые из высших форм возникли непосредственно из слизистой материи.

9. Неблагоприятные условия приводят к вымиранию некоторых организмов, оставляя место для тех, которые приспособлены лучше.

В этом заключен грубый зародыш современной доктрины о “выживании наиболее приспособленных”.

10. Человек появился последним, и его первобытное состояние было состоянием дикости. Его первые инструменты и оружие были сделаны из камня; затем, после открытия металлов, из меди; а вслед за этим - из железа. Его тело и душа одинаково состоят из атомов, и душа угасает со смертью.

Наука доисторическая археология подтверждает теорию медленного перехода человека от варварства к цивилизации; а наука сравнительная психология заявляет, что доказательства его бессмертия не сильнее и не слабее доказательств бессмертия низших животных.

Таково, в очень общих чертах, наследие наводящих на размышления теорий, завещанных ионийской школой и ее преемниками, теорий, которые отошли на второй план, когда Афины стали центром интеллектуальной жизни, в котором обсуждение перешло от физических проблем к тем этическим, которые лежат за пределами данного обзора. Хотя Аристотель, благодаря своим длительным и тщательным наблюдениям, составляет заметное исключение, факт остается фактом: понимание, а не эксперимент, руководили греческими рассуждениями, фантастические догадки о некоторых частях которых сами по себе свидетельствуют о выживании грубых и ложных представлений о земле и небе, которые долгое время

преобладали. Поэтому тем более удивительно, что многое в нем указывает путь, по которому двигалось исследование после его последующей длительной остановки; и тем более очевидно, что ничто в науке или искусстве и лишь немного в теологических спекуляциях, по крайней мере среди нас, жителей Запада, не может быть понято без привязки к Греции.

Таблица.

Имя.	Место.	Приблизительная дата получения специальности до н.э.		
Фалес.	Милет (Иония).	600	Космологическая теория о первичном веществе	Вода.
Анаксимандр.	“	570	“	Безграничный.
Анаксимен.	“	500	“	Воздух.
Пифагор.	Самос (недалеко от побережья Ионического моря).	500	“	Чисел: “космос, состоящий из геометрических фигур”, или (Грот, Платон, i, 12) “порожденный числом”.
Ксенофан.	Колофон (Иония).	500		Основатель элеатской школы.
Гераклит.	Эфес (Иония).	500	“	Огонь.
Эмпедокл.	Агриджентум (Сицилия).	450	“	Огнем, Воздухом, Землей и Водой правят Любовь и Борьба.
Анаксагор.	Клазомены (Иония).	450		Nous.
Левкипп				
Демокрит.	Абдера (Фракия).	460	Создатели атомной теории.	
Аристотель.	Стагира (Македония).	350	Натуралист.	
Эпикур.	Самос.	300	Толкователь атомной теории и философ-этикет.	
Лукреций.	Рим.	50	Переводчик Эпикура и Эмпедокла:	

Часть II.

ПРЕКРАЩЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ.

50- 400 гг. н.э.

1. *От раннехристианского периода до времен Августина.*

“Богооткровенная догма всегда противостоит свободному исследованию, которое может ей противоречить. Результатом науки является не полное изгнание божественного, а постоянное удаление его от мира конкретных фактов, в котором, как люди когда-то верили, они его видели ”. — Ренан, Эссе об ислализме и науке.

Подробное описание возникновения и прогресса христианской религии не входит в рамки этой книги. Но поскольку эта религия, особенно в разработанной теологической форме, которую она в конечном итоге приняла, стала главным препятствием для развития греческих идей; за исключением, как было отмечено, той степени, в которой они были представлены Аристотелем и приведены в гармонию с ним; краткий обзор ее происхождения и ранних стадий необходим для продолжения нашего рассказа.

История этого великого движения рассказывается в соответствии с предубеждениями авторов. Они объясняют его быстрое распространение и окончательную победу над язычеством либо его Божественным происхождением и руководством, либо благоприятными условиями времени его раннего распространения и той мудрой адаптацией к обстоятельствам, которые связали его судьбу с судьбой прогрессивных народов Западной Европы. По мнению каждого неофициального рассказчика, это последнее объяснение лучше всего согласуется с фактами истории и с естественными причинами, которые в значительной степени определяют успех или неудачу. Наиболее пристрастные защитники ее сверхъестественного и, следовательно, особого характера должны обосновать, почему судьба христианской религии изменилась, как и судьбы других великих религий, как более древних, так и более молодых, чем она; почему, подобно буддизму, она была вытеснена из страны, в которой она возникла; и почему в конкуренции с брахманизмом, как свидетельствует сэр Альфред Лайалл в своих Азиатских исследованиях (стр. 110), и с магометанством в Африке она добивается меньшего успеха, чем они, на миссионерских поприщах, где она вступает с ними в соперничество. Расколота на враждующие секты с раннего периода своей истории, она, оказывая благотворное влияние в беспокойные и беззаконные века, принесла не “мир на землю, но меч”. Это было причиной неугасимой ненависти, кровопролитных войн и преследований между партиями и нациями, чья враждебность кажется еще более глубокой, когда ее подогревают факты, которые невозможно доказать. Как сказал Монтень, “Ни во что так твердо не верят, как в то, что наименее известно”. Привести христианскую религию или, скорее, ее разнообразные формы от чистейшего спиритуализма к такому деградировавшему типу, который существует, например, в Абиссинии, в действие закона, управляющего развитием, и который, следовательно, включает частичную и местную коррупцию; значит сделать ее историю столь же ясной, сколь и глубоко поучительной;

в то время как требовать от нее происхождения и характера, отличных по своему характеру от других религий, значит вносить путаницу в историю человечества и создавать рой искусственных трудностей. “Если”, как замечает Джон Морли в своей критике диссертации Тюрго о преимуществах, которые установление христианства дало человечеству (Miscell., vol. ii, с. 90), “если в христианской идее было таинственное самосевное качество, о котором так постоянно заявляли, то как получилось, что в восточной части Империи она была столь же бессильна для духовного или нравственного возрождения, как и для политического здоровья и жизнеспособности; в то время как в Западной части она стала органом наиболее важного из всех прошлых преобразований цивилизованного мира? Разве это различие не должно быть объяснено различием в окружающей среде, и каково влияние такого объяснения на сверхъестественные притязания христианской идеи?” Его включение в качестве одного из других способов, различающихся лишь степенью, с помощью которых человек продвинулся от стадии “обезьяны и тигра” к высшим идеалам расы, проясняет то, что нас здесь беспокоит, а именно, его отношение к светскому знанию и, как следствие, серьезное ограничение этого знания. То, что религия, последователи которой утверждают, что она имеет сверхъестественное происхождение и защищена от заблуждений постоянным руководством Святого Духа, должна была противостоять исследованию вопросов, способность к исследованию которых находится в пределах человеческих сил и компетенции; что она на самом деле должна была предавать смерти тех, кто осмеливался таким образом исследовать и обнародовать то, что они обнаружили, - это проблема, которую ее защитники могут урегулировать между собой. Это не проблема для тех, кто придерживается противоположной точки зрения.

При описании истории христианства акцент здесь будет сделан только на тех элементах, которые сделали его сдерживающей силой в интеллектуальном развитии человека и, следовательно, в его духовном освобождении от ужасов, порожденных невежеством. В наш обзор не входит говорить о том первичном элементе в нем, который был до всякой догмы и который может сохраниться, когда догма станет всего лишь предметом антикварного интереса. Тем элементом, порожденным эмоциями, который, как показывает множество подобных примеров, воплощает, а затем обожествляет объект своего поклонения, была вера в проявление божественного через человека Иисуса, который понес человеческие горести, понес их печали и предложил покой усталым и обремененным. Ибо ни одна религия — и здесь Эволюция выступает в качестве свидетеля — не может пустить корни, если она не приспособляется к какой-либо потребности человеческого сердца и не отвечает ей. Отсюда важность изучения истории всех религий.

Эволюция знает только одну ересь — отрицание непрерывности. Признавая настоящее результатом прошлого, она ищет истоки. Оно знает, что и то, что возмущает нас в духовной истории человека, и то, что привлекает, имеет свое место, свое необходимое место в развитии идей, и, следовательно, способно к объяснению от своих корней вверх. Ибо этот век полон сочувствия, а не легкомыслия. Он не одобряет критику, которая носит исключительно деструктивный характер, или насмешки или рибальдизм как способы нападения на текущие убеждения. Таким образом, мы имеем современную науку сравнительного богословия с ее лекциями Хибберта и лекциями Гиффорда, которые являются критическими и конструктивными; в отличие от Бэмптонских лекций, лекций Бойля и Халса, которые носят апологетический характер, когда докладчик ведет официальную речь. Из Лекторов Бойля Коллингс, “Деист”, едко заметил, что никто не сомневался в существовании Божества, пока они не взялись за работу, чтобы доказать это. Религии больше не рассматриваются как истинные или ложные, как

изобретения священников или божественного происхождения, но как продукт интеллектуальных спекуляций человека, какими бы грубыми они ни были; и его духовных потребностей, независимо от того, в какой отталкивающей форме они удовлетворяются. "Доказательства" и "очевидности" мы заменили объяснениями.

Тем не менее, чувства, вызываемые самым сдержанным обсуждением происхождения христианства, настолько сильны, часто настолько горьки, что остается необходимым повторить, что объяснять - это не значит нападать, и что рассказывать - это не значит возлагать вину, поскольку ни одна религия не может сделать ничего, кроме как отразить характер эпохи, в которую она процветает.

Давайте теперь кратко изложим некоторые случаи, которые, хотя и достаточно знакомы, должны быть повторены для ясного понимания их последствий.

Примерно через шестьдесят лет после смерти Лукреция, по последующему убеждению миллионов людей, произошло событие, подготовкой к которому, как говорят, было все предшествующее в истории этой планеты. В полноту времени Всемогущий создатель и правитель Вселенной, для которой человеческая мысль не может установить границ, послал на эту крупинку земли не меньшую личность, чем Своего Вечного Сына. Говорили, что он родился не в результате естественных процессов зарождения, а воплотился в утробе девственницы, сохранив свою божественную природу, но подвергнув ее человеческим ограничениям. Это он сделал для того, чтобы как безгрешный человек стать искупительной жертвой оскорбленному божеству и требованиям божественного правосудия за грехи, которые человечество совершило со времени грехопадения Адама и Евы или которые еще могут совершить люди, которым предстоит родиться.

"Чудесное" рождение Иисуса произошло в Назарете в Галилее, в правление цезаря Августа, около 750 года н.э. по римскому летоисчислению. Впоследствии традиция установила его день рождения 25 декабря, что, как ни странно, хотя, возможно, и объясняет выбор, было днем, посвященным богу солнца Митре, восточному божеству, в честь которого в гостеприимном Риме воздвигались алтари и совершались жертвоприношения с обрядами крещения кровью.

Говорят, что Иисус прожил в неизвестности своей родной горной деревни до своего тридцатилетия. За исключением одной сомнительной истории о его поездке в Иерусалим со своими родителями, когда ему было двенадцать лет, в различных его биографиях с момента его рождения до появления в качестве общественного учителя ничего не зафиксировано. Вероятно, он унаследовал ремесло своего отца плотника. Событием, которое, по-видимому, отозвало его из дома, была проповедь восторженного аскета по имени Иоанн Креститель. Из его рук Иисус принял обряд крещения, а затем продолжил свой жизненный путь, кочуя с места на место. Фрагменты его бесед, сохранившиеся в кратких биографиях, известных как Евангелия, показывают, что он был одарен простым, подкупающим стилем, а его проповеди, украшенные удачными иллюстрациями или поразительными притчами, находили отклик в сердцах его слушателей. Женщин, часто из отверженного класса, тянуло к нему симпатией, которая привлекала даже больше, чем его учение. Среди народа, для которого неизменный порядок Природы был идеей совершенно чуждой — поскольку греческие спекуляции не проникли в Палестину, — рассказы о чудотворениях легко находили признание, поскольку они соответствовали популярной вере в постоянное вмешательство божества. Таким образом, к рассказам о том, чему учил Иисус, были добавлены рассказы о чудесах, которые он сотворил, от

накормления тысяч людей несколькими буханками хлеба до воскрешения мертвых к жизни. Его странствующая миссия обеспечила ему нескольких преданных последователей из разных городов и деревень, в то время как эффект успеха для него самого заключался в усилении его собственного представления о важности своей работы. Умение римлян объединять подвластные расы подвело их в случае с евреями, чья вера в свое особое место в мире как “избранного народа” никогда их не покидала. Их несчастья также не ослабили их веры в то, что Мессия, предсказанный их пророками, явится, чтобы освободить их, и они наступят на шею ненавистному завоевателю. Иисус, как и подобает благочестивому еврею, разделял эту надежду, но это заставило его задуматься о более благородном, потому что более духовном представлении о ней, чем его соотечественники. В конце концов, это привело его к вере, поддерживаемой честолубием его ближайших учеников, которое, однако, было материальным в своих надеждах, что он был духовным Мессией. В этой вере он отправился в Иерусалим во время праздника Пасхи, когда город был переполнен преданными, чтобы перед первосвященниками и старейшинами обратиться со своим призывом к народу. Согласно этой истории, его смелость в очищении святого храма от менял и торговцев привела к его появлению перед Синедрионом, высшим судебным советом; его прямота речи вызвала ярость сектантов; и когда, мечтая о более чистой вере, он произнес злое слова о разрушении храма, против него было выдвинуто обвинение в богохульстве. Его вина стала ясна судьям, когда, отвечая на вопрос первосвященника, он объявил себя Мессией. Это, включавшее притязания на царствование над евреями и, следовательно, восстание против Империи, послужило поводом для того, чтобы он предстал перед римским правителем Понтием Пилатом для суда. Пилат, смотревший на все это как местный *эмигрант*, не был склонен к суровости, но ничто, кроме смерти Иисуса как богохульника (хотя его главным преступлением, по-видимому, был отказ от земного суверенитета), не удовлетворило разъяренную толпу. Под их насмешки и глумления он был доставлен на место под названием Голгофа и там предан смерти посредством мучительного процесса распятия, или, поскольку конкретный способ не ясен, пронзания на столбе.

Это трагическое событие, от которого, как до сих пор широко распространено мнение, зависят судьбы человечества до скончания времен, не привлекло никакого внимания за пределами Иудеи. В глазах римлян, холодных, презрительных и практичных, это была всего лишь казнь беспокойного фанатика, который связался со своими соотечественниками и добавил преступление подстрекательства к безумию богохульства. Сам Пилат, не мудрствуя лукаво, перешел к следующему исполнению своих обязанностей. Традиция, стремящаяся доказать, что за его преступным деянием последовало возмездие, каким оно было признано в последующие времена, рассказывает, как он в раскаянии бросился с горы, известной как Пилатус, с которой открывается вид на Люцернское озеро. Поразительный современный рассказ Анатоля Франса "Перламутровый путь" с более правдивой проницательностью заставляет Пилата, удалившегося в преклонном возрасте на Сицилию, таким образом упомянуть об инциденте в разговоре с другом-римлянином, который любил еврейскую девушку.

“Через несколько месяцев после того, как я потерял ее из виду, я случайно услышал, что она присоединилась к небольшой группе мужчин и женщин, которые следовали за молодым галилейским чудотворцем. Его звали Иисус, он был родом из Назарета, и он был распят за не знаю какое преступление. Понтий, ты помнишь этого человека? Понтий Пилат нахмурил брови и приложил руку ко лбу, как человек, который роется в своей памяти; затем, после нескольких минут молчания: ‘Иисус,’ пробормотал он, ‘Иисус из Назарета. Нет, я его не помню’.

Говорят, что на третий день после своей смерти Иисус восстал из могилы и явился нескольким верующим своим ученикам. Говорят, что на сороковой день после своего воскресения он вознесся на небеса. Оба эти утверждения основаны на авторитете биографий, которые были составлены через несколько лет после его смерти. Сам Иисус ничего не писал; следовательно, у “братьев”, как называли друг друга его близкие последователи, не было других священных книг, кроме Ветхого Завета. Они верили, что Иисус был Мессией, предсказанным в Книге Даниила и некоторых апокрифических писаниях, и они лелеяли определенные “логики”, или его высказывания, которые легли в основу первых трех Евангелий. Самое раннее из них, носящее имя Марка, вероятно, приняло ту форму, в которой мы его имеем (за исключением нескольких поддельных стихов в конце), около 70 г. н.э. Четвертое Евангелие, которое традиция приписывает Иоанну, обычно считается написанным на полвека позже Евангелия от Марка. Представляется вероятным, что важность придания словам Иисуса какой-либо постоянной формы не приходила в голову тем, кто их слышал, потому что вера в его скорое возвращение была среди них всемогущей, и их жизнь и отношение ко всему формировались соответствующим образом.

Не имея священных книг, священства или организации, эти первые ученики, чья судьба их лидера на некоторое время загнала в подполье, собирались группами для общения и богослужения. “В Иерусалимской церкви,” говорит Селден в своей Застольной беседе (xiv), - христиане были всего лишь еще одной иудейской сектой, которая действительно верила в пришествие Мессии”. Из этого священного города пошли проповедники этого простого учения по землям, где издавна селились грекоязычные евреи, известные как евреи Рассеяния. Они составляли очень важный элемент Римской империи, будучи разбросанными от Малой Азии до Египта, а оттуда по всем землям, омываемым Средиземным морем. Поскольку их расовая изоляция и национальные надежды делали их наименее довольными среди подвластных народов, их римские хозяева предусмотрительно предоставили ряд терпимых мер, гарантирующих им определенные привилегии при условии лояльного поведения. Новое учение распространилось из Антиохии в Александрию и Рим. Но в начале дальнейшего развития движения среди непосредственных учеников Иисуса произошло разделение, которое закончилось длительным разрывом. Выдающийся новообращенный был обращен в веру в лице апостола Павла. Он является настоящим основателем христианства как более или менее систематизированного вероучения, и все последующее развитие догмы является неотъемлемой частью созданной им структуры. Он превратил его из местной религии в широко распространенную веру. С самого начала это произошло из-за его поражения от более узкой группы, возглавляемой Петром, который заставил бы всех новообращенных неевреев пройти обряд обрезания.

Единство Империи дало христианству шанс. Благодаря соединению великолепными дорогами Евразии от Евфрата до Атлантики общение между народами шло по линиям наименьшего сопротивления. К счастью для будущего христианства, первые миссионеры двинулись на запад, вслед за рассеянными евреями, вдоль побережья Средиземного моря, и таким образом его судьба стала отождествляться с цивилизованной частью человечества. Если бы они отправились на восток, это могло бы смешаться с буддизмом или, как показывают его гностические фазы, раствориться в восточном мистицизме. История прогресса протекала гладко до 64 года нашей эры, когда мы впервые слышим о “христианах” — ибо под таким именем они стали известны — в “мирской” истории, как ее когда-то странно называли. Тацит, писавший много лет спустя после этого события, рассказывает, как в ночь на 18 июля

шестьдесят четвертого года нашей эры в Риме вспыхнул сильный пожар, уничтоживший великолепные здания, возведенные Августом, и бесценные произведения греческого искусства. Подозрение пало на Нерона, и он, как предполагалось, был подстрекаем своей женой Поппеей Сабиной, беспринципной женщиной и, согласно некоторым источникам, обращенной в иудаизм, “чтобы положить конец общим разговорам, приписав поджог другим, подвергнув изощренному наказанию тех отвратительных преступников, которые назывались христианами”. Автором этой деноминации был Христос, казненный во времена Тиберия прокуратором Понтием Пилатом”. Далее Тацит описывает христианство как “пагубное суеверие”, а его приверженцев - как виновных в “ненависти к роду человеческого”. Обвинительный акт, на первый взгляд, кажется странным, но у него есть объяснение, хотя христиане были зверски убиты по обвинению в поджоге, а не из-за суеверия. Что касается религиозных преследований, то они пострадали первыми от рук евреев, Империя вмешалась, чтобы защитить их. Вообще говоря, римской нотой была терпимость. Во всей Империи религия была национальным делом, потому что она начиналась и заканчивалась сохранением государства. В этой связи обязательным долгом —*religio*— каждого гражданина было воздавать должное почести богам-покровителям, от благосклонности которых зависела безопасность государства. Сделав это, человек может верить в то, что он выбрал. Политеизм по своей природе легок на подъем и терпим; до тех пор, пока не было открытой оппозиции разрешенному общественному богослужению, верующий мог объяснять это любым способом, который он выбирал. В Греции человек “мог верить или не верить в то, что Мистерии учат доктрине бессмертия; главное, чтобы он должным образом принес в жертву свою свинью”. В Риме, этом огромном Космополисе, “обычному язычнику было наплевать, поклоняется ли его сосед двадцати богам или двадцати одному”. Почему его это должно волновать?

Теперь, вопреки всему этому, христиане сурово отвернулись, и в результате их стали считать антипатриотичными и асоциальными. Их успех среди низших классов был стремительным. Христианство нивелировало все различия: оно приветствовало господина и его рабыню, отверженных и непорочных; оно относилось к женщине как к духовной равной мужчине; оно давало каждому надежду на будущую жизнь. До сих пор все шло к лучшему, хотя старая митраистская религия сделала почти столько же. Но христианство держалось в стороне от обычной социальной жизни, оторвавшись от многообразной деятельности Рима. Она стремилась буквально применять некоторые принципы Иисуса; она не поощряла брак, вносила разлад в семейную жизнь; она советовала избегать службы в армии или занимать какую-либо государственную должность. Такое общее отношение было полностью вызвано верой в то, что с возвращением Иисуса конец света был близок. Ибо Иисус предсказал свое второе пришествие, и самые ранние послания апостолов призывали верующих готовиться к нему. Здесь не было постоянного города; гражданство было на небесах, ибо царство Христа было не от мира сего. Следовательно, думать о земном и мимолетном было глупостью и нечестием, ибо кто захотел бы накапливать богатство, бороться за место, или преследовать удовольствия, или искать то, что люди называют “мудростью”, когда это подвергало опасности душу и преграждало путь на небеса?

Предубеждение, порожденное этой верой, выражавшееся в таких прямых действиях, как отказ поклоняться богам-хранителям и “гению” императора, усугублялось уродливыми, хотя и безосновательными слухами о жестоких и аморальных поступках, совершаемых христианами на их тайных собраниях. И так случилось, что Тацит говорил о христианстве в процитированных выражениях; что Эпиктет и Марк Аврелий (который ссылается на него только один раз в своих

Размышлениях) отвергли его с презрением; что простые люди называли его атеистическим; и что, в конце концов, оно стало запрещенной и преследуемой религией.

Далее этого нет необходимости продолжать ее карьеру до тех пор, пока, с полностью изменившейся судьбой, мы не встретим ее как терпимую религию при так называемом христианском императоре. Цель прослеживания этого до сих пор состоит в том, чтобы показать, как энтузиасты, наполненные таким образом антимирским духом, становились и оставались сдерживающей силой на пути развития исследования и, следовательно, знания; и как по мере того, как их религия набирала силу и сама становилась мирской в политике, она все сильнее утверждала превосходство над разумом. Ибо интеллектуальная деятельность привела бы к исследованию притязаний и авторитета Церкви, а исследование, следовательно, должно было быть запрещено. Кроме того, перевод плавающих биографий Иисуса в письменную форму и объединение их вместе с посланиями апостолов в одно более или менее полное собрание, которое впоследствии будет названо Новым Заветом (собрание, которое, по мере формулирования теории богодухновенности, должно охватывать все, что необходимо знать человеку), создало бы дополнительный барьер для интеллектуальной деятельности. Затем, по мере того как христианство все ближе соприкасалось с ослабевшими остатками греческой философии и с другими иностранными влияниями, формирующими его догмы, активизировались дискуссии о личности Христа. Простое и беглое вероучение первых христиан приняло жесткую форму в тонкостях Никейского символа веры, и как “Истинный Бог Истинного Бога” последнее обращение, по логике вещей, было к словам Иисуса. Отсюда еще одно препятствие на пути расследования.

Никогда не возникало противоречий по поводу этических высказываний Иисуса, которые, принимая во внимание непрактичность некоторых из них, ставят его высоко среди мудрецов древности. Сравнивая их учение с его собственным, легко сгруппировать максимы, которые не уступают более известным примерам из Нагорной проповеди в качестве руководства к поведению или вдохновения на высокие идеалы. “Золотое правило” предвосхищается словами Платона “Ты не должен брать то, что принадлежит мне, и пусть я поступаю с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали со мной” (перевод Джоуэтта, v, стр. 483). И этому соответствует Исократ, современник Платона, в словах, сказанных царем Никоклом, обращаясь к своим правителям: “Вы должны быть для других тем, кем, по вашему мнению, я должен быть для вас”. Но если в том, чему учил Иисус, не было ничего нового, то в методе была свежесть. Конфликт разгорается только из-за заявлений, характер и пределы которых можно было бы ожидать, исходя из места и возраста, когда они были произнесены. Те, кто считает, что Иисус был Богом-Сыном Вечным и, следовательно, неспособным ошибаться, могут, насколько это в их силах, примирить его веру с пагубными заблуждениями своего времени. Если они говорят, что многое из того, что может быть сообщено в записях о его жизни, является ложью, они бросают все содержание Евангелий в плавильный котел критики.

Принимая повествования в том виде, в каком они у нас есть, документы, отмеченные клеймом веков, “провозглашающие”, как недавно провозгласила группа священнослужителей, “неопровержимую историческую истину во всех записях, как о прошлых событиях, так и о предсказаниях, которые впоследствии сбудутся”, мы узнаем, что Иисус признавал точность священных писаний своего народа; что он говорил о Моисее как об авторе Пятикнижия; что он ссылаясь на его легенды как относящиеся к историческим личностям и передающие реальные события. Все эти верования опровергаются современной критической наукой. Нам нет

необходимости ехать в Германию за вердиктом; его поддерживают выдающиеся гебраисты, официальные лица Англиканской церкви. Каноник Драйвер, профессор иврита в Оксфорде, говорит, что “подобно другим народам, евреи создали теории, объясняющие происхождение земли и человека”; что “они либо сделали это для себя, либо позаимствовали у своих соседей”, и что “из теорий, распространенных в Ассирии и Финикии, сохранились фрагменты, которые демонстрируют сходство с библейскими повествованиями, достаточное для того, чтобы сделать вывод, что обе они происходят из одного и того же цикла традиций”. Следовательно, если космогонические и другие легенды вдохновлены, то должен быть вдохновлен и общий оригинал этих и соответствующих им историй. Этот вопрос можно было бы продолжить с патриархальной эпохи до кануна Исхода, показав, что и здесь доминирует мифический элемент; существование самого Авраама растворяется в решении “высшей критики”. Что касается Пятикнижия, то большее число ученых относят его состав в том виде, в каком мы его имеем, — с добавлением более старых документов — примерно к шестому и пятому векам до нашей эры

Иисус говорил о земле так, как если бы она была плоской и самым важным среди небесных тел. Знание активных спекуляций, которые велись за столетия до его появления на ионическом побережье; предвидение того, какие тайны люди вырвут у звезд столетия спустя — они о том, ни о другом он и не мечтал. Что воспевали Гомер и Вергилий; что проповедовал Платон; что Будда основал религию, с которой он, когда западная активность столкнулась с пассивностью Востока, тщетно соперничал; это и многое другое, что двигало огромный внешний мир, были неизвестны сирийскому учителю.

Иисус верил в архидемона, которому Всемогушество, Всемогушество, против которого он восстал, позволило выпустить на свободу бесчисленное количество злых духов, чтобы они сеяли хаос среди людей и животных. Иисус также верил в ад вечных мук для нечестивых и в небеса бесконечного счастья для добрых. Нет более верного показателя интеллектуального уровня любого народа, чем степень, в которой вера в сверхъестественное и, особенно, в деятельность сверхъестественных агентов управляет их жизнью. Чем ниже мы спускаемся, тем более подробным и знакомым является предположение о знании поведения этих агентов и природы мест, откуда они приходят или которые часто посещают. Средневековые рассуждения о демонологии и современные книги по антропологии приводят множество примеров этого. Здесь нас интересует только тот важный факт, что вера в демоническую деятельность пронизывает Новый Завет от начала до конца, и, следовательно, дает основание для неопишуемых жестокостей, которыми эта вера запятнала анналы христианского мира. Джон Уэсли был последователен, когда писал, что “Отказ от веры в колдовство фактически означал отказ от Библии”, и можно добавить, что отказ от веры в дьявола означает отказ от веры в искупление — центральное учение христианской веры. Под этим подписались бы ранние христиане; так же поступил бы и великий Августин, который сказал, что “ничто не должно приниматься, кроме авторитета Писания, поскольку этот авторитет выше всех сил человеческого разума”; так поступили бы все, кто следовал за ним в древних исповеданиях веры. Это всего лишь аморфная форма той веры, которая, оставаясь неизменной, анемичной и бескостной, отрицает уклончиво.

Но те, кто отказывается от веры во вредных демонов и ведьм, а также, как отсюда следует, в благотворных агентов в виде ангелов, оказываются перед серьезной дилеммой. Ибо к этому так привержены. Если Иисус, который пришел, “чтобы разрушить дела дьявола”, и о котором сообщается, среди других доказательств его божественного служения, что он изгонял демонов

из “одержимых” людей и, в одном случае, позволил толпе адских агентов проникнуть в стадо свиней; если он действительно верил, что действительно делал все это; и если это правда, что вера является суеверием, ограниченным невежественным или варварским умом; *какую ценность можно придать любому заявлению, которое, как сообщается, Иисус сделал о духовном мире?*

Итак, здесь (1) в отношении первых христиан ко всем мирским делам, которые ни на минуту не шли ни в какое сравнение с теми, которые влияли на спасение их душ; (2) в предполагаемом авторитете Священного Писания как полного откровения как земных, так и небесных вещей; и (3) в предполагаемой непогрешимости слов Иисуса, изложенных в нем; мы имеем три фактора, которых достаточно, чтобы объяснить, почему великое движение к открытию упорядоченных взаимосвязей явлений было приостановлено на столетия, а теории капризного управления вселенной укрыты и поддерживаются.

В то время как, как уже было сказано, единство Империи обеспечило христианству его счастливое начало; многообразные элементы, из которых состояла Империя — философские и языческие, — постепенно впитываясь христианством, обеспечили ему признание среди различных подвластных народов. Распад Империи обеспечил ее господство.

Поглощение христианством иностранных идей и практик, в основном под влиянием евреев-эллинов, стало дополнительной причиной прекращения расследования. Принятие языческих обрядов и обычаев, покоившихся, как это было раньше, на фундаменте варварства, опустило его на более низкий уровень. Вторжение философских тонкостей привело к тому, что термины были ошибочно приняты за объяснения: как говорит Гиббон, “гордость профессоров и их учеников была удовлетворена наукой о словах”. Зарождающийся и подвижный характер христианства в течение первых трех столетий дал возможность обоим влияниям — языческому и философскому — проявить себя. В течение долгих лет обращенные, рассеянные по всей Империи, были связаны друг с другом в более или менее правильную федерацию признанием Христа Господом и ожиданием его второго пришествия. Официального священства не было, только надзиратели — “episkopoi” — для социальных целей, которые не претендовали на апостольскую преемственность; не было сформулированного свода доктрин; не было апостольского символа веры; не было догм о возрождении при крещении или о реальном присутствии; не было поклонения или апофеоза Марии как Божьей Матери; не было поклонения святым или реликвиям.

Что касается философии, то именно греческое влияние в лице более образованных новообращенных сформировало догмы Церкви и стремилось смешать их с оккультными и таинственными элементами восточных систем, слабой пародией на которые является современная “теософия”. Эта старая греческая привычка задавать вопросы, стремиться докопаться до причины вещей, которая, как мы видели, дала великий импульс научным исследованиям, была столь же активна, как и прежде. Апелляции к Ветхому Завету затронули греков не так сильно, как иудео-христиан, и Канон Нового Завета был еще не устоявшимся. Каким бы странным это ни казалось ввиду предполагаемого божественного происхождения Евангелий и Посланий, человеческое суждение взяло на себя решение, какие из них были, а какие нет, неотъемлемой частью сверхъестественного откровения. Окончательный вердикт, насколько это касалось Западной церкви, был вынесен Карфагенским собором в начале пятого века. Там возникла школа апологетов, основателей теологии, которые, по словам Гиббона,

“оснастили христианскую религию для завоевания римского мира, превратив ее в философию, подтвержденную Откровением. Они смешали воедино метафизику платонизма, учение о Логосе, пришедшее от стоиков, мораль, частично платоническую, частично стоицистскую, методы аргументации и интерпретации, почерпнутые у Филона, с содержательными сентенциями Иисуса и религиозным языком христианских конгрегаций”. Таким образом, была открыта дорога для дополнений к догматическому богословию, доктринам о Троице, о Непорочном Зачатии и всему остальному, что можно было логически извлечь из Священных Писаний и смешать с иностранными идеями. Растущая сложность символа веры требовала его толкования, и это, очевидно, ложилось на плечи надзирателей или епископов, избранных за их особые дары “благодати истины”. Они встречались, когда того требовал случай, чтобы обсудить темы, влияющие на веру и дисциплину нескольких групп. Среди них приоритет, как само собой разумеющееся, был бы отдан надзирателю самого важного христианского общества в Империи; и отсюда известность и авторитет римского епископа с раннего периода. В простом и деловом акте его избрания председателем собрания лежал зародыш дерзких и абсурдных притязаний папства.

Что касается язычества, то ход развития проследить не так-то легко. Определить, когда и где возник тот или иной обычай или обряд, сейчас невозможно; более того, мы можем сказать без преувеличения, что он вообще никогда не возникал, потому что условия для его принятия присутствовали во всех человеческих тенденциях. Первыми учениками христиан были евреи, и ритуал, которому они следовали, был прямым следствием идей, общих для всех варварских религий, так что некоторые языческие обряды и церемонии, с которыми они соприкасались во всех частях Империи, соответствовали обычаям, традициям и желаниям. И это с большей силой относится к новообращенным, рассеянным от Эдессы, к востоку от Евфрата, до самых западных пределов Империи в Британии. Более того, мы знаем, что политика адаптации и примирения мудро управляла правящими умами Церкви, в которых, если отбросить все словоблудие о них как о полувдохновенных преемниках апостолов, существовало глубоко укоренившееся суеверие. Язычество, в свою очередь, могло быть подавлено императорским эдиктом, но у него было слишком много общего с более поздними формами христианства, чтобы не выжить фактически, каким бы измененным ни было название.

Можно принять за прописную истину, что в церемониях высших религий нет изобретений, только пережитки. Этот факт подтолкнул мыслителей, подобных Гоббсу, и торговцев литературными древностями типа Бертона, епископа Ньютона и, что примечательнее всего, Коньерса Миддлтона, к поиску параллелей, которые получили удивительное подтверждение в наши дни. Бертон видит имитацию “главного обманщика в странных таинствах, священниках и жертвоприношениях”, подобно тому, как римские миссионеры в Тибете видели такую же дьявольскую пародию на свои обряды в буддийских храмах. Но Гоббс с пронизательностью, которой от него можно было ожидать, признает преемственность идей: “*mutato nomine tantum*; Венера и Купидон (Гоббс мог бы добавить Исиду и Гора) появляются как “Дева Мария и ее сын”, и *αποθεωσις* язычников, сохранившихся при канонизации Святых. Вынос пап “швейцарцами под балдахином” - это “Реликвия о Божественных почестях, оказанных цезарю”; вынос Изображений в *процессии* - “реликвия греков и римлян”. ... - У язычников тоже была своя *Aqua Lustralis*, то есть *Святая Вода*. Римская церковь подражает им также в их *Святых днях*. У них были свои *вакханалии*, и у нас есть свои *Поминки* в ответ на них; У них свои *Сатурналии*, а у нас свои Карнавалы и масленичная свобода слуг по вторникам; У них - Шествие Приапа, у нас - привоз, возведение и танцы вокруг *Майских шестов*; а Танцы - это один из видов

богослужения; У них свое Шествие называлось *Амбарвалия*, а у нас - Шествие по Полям внеделю *Рогацци*".

Миддлтон изучил этот вопрос на месте и в своем знаменитом Письме из Рима приводит многочисленные примеры "точного соответствия между папством и язычеством". Поскольку у нас дни мало кто читает его книгу, некоторые из них можно привести, потому что их присутствие во многом объясняет, почему конгломератная религия, которой стало христианство, была устойчива к идеям, отвергаемым как язычниками, так и церковниками. Посетив это место для изучения классической литературы и "чтобы не обращать внимания на щегольство и нелепые церемонии нынешней религии", Миддлтон вскоре обнаружил, что "все еще находится в старом языческом Риме" с его ритуалами первобытного язычества, которые как будто передаются по непрерывной преемственности от жрецов древности к жрецам нового Рима. "Дым благовоний" в церквях переносит его в храм Пафосной Венеры, описанный Вергилием ("Энеида", I, 420); мальчик в стихаре, прислуживающий священнику с кадилом, напоминает ему скульптуры на древних барельефах, изображающие языческие жертвоприношения, с одетым в белое служителем при священнике, держащим в руке маленький сундучок или шкатулку. Использование святой воды наводит на многочисленные параллели. У входа в языческие храмы стояли вазы со священной жидкостью, смесью соли и обычной воды; а на барельефах вырезан аспергиллум, или кисточка для церемонии окропления. На ежегодном фестивале благословения лошадей, когда животных отправляли в монастырь Святого Антония для окропления (Миддлтон таким образом благословлял своих собственных лошадей "примерно за восемнадцать пенсов из наших денег"), сохранилась церемония цирковых игр. Лампады и восковые свечи перед святилищами Мадонны и Святых напоминают ему отрывок из Геродота об использовании светильников в египетских храмах, в то время как мы знаем, что светильники Мадонне заменили светильники перед изображениями Ларов, чьи часовни стояли на углах улиц. Синод Эльвири (305 год н.э.) запретил зажигать восковые свечи в течение дня на кладбищах, чтобы не тревожить духов святых, но этот обычай слишком глубоко укоренился, чтобы его можно было отменить. Что касается жертвоприношений по обету, Миддлтон действительно говорит, что "ни один древний обычай не упоминается так часто всеми их авторами" ... "но наиболее распространенными из всех подношений были картинки изображающие историю чудесного исцеления или избавления, дарованного по обету дарителя". Из этих подношений Пресвятая Дева так уверена, что всегда забирает наибольшую долю, что о ней можно поистине сказать то, что Ювенал говорит о богине Исиде, религия которой была в то время в наибольшей моде в Риме, что "художники получали от нее средства к существованию". Миддлтон рассказывает историю из Цицерона, которую не без скрытого сочувствия цитирует Монтень в своем эссе о предсказаниях. Диагора, прозванного Атеистом, однажды нашли в храме, и к нему обратился друг с такими словами: "Ты, считающий, что боги не заботятся о человеческих делах, разве ты не видишь здесь, на этом количестве изображений, сколько людей, ради своих обетов, были спасены во время штормов на море и благополучно добрались до гавани?" "Да," ответил Диагор, "я вижу, как это бывает; ибо никогда не рисуются те, кому случилось утонуть". Нет ничего нового под солнцем. Гораций ("Оды", Bk. I, v) повествует о потерпевшем кораблекрушение моряке, который повесил свою одежду в качестве благодарственного приношения в храме морского бога, спасшего его; Полидор Вергилий, живший в начале шестнадцатого века, то есть примерно через 1500 лет после Горация, подробно описывает классический обычай жертвоприношений *ex voto*, в то время как Пеннант антиквар, описывая колодец Святой Уинифред во Флинтшире в прошлом

веке, рассказывает о жертвоприношениях по обету в виде костылей и других предметов, которые были развешаны по всему дому. Это. По сей день в магазин поступают дополнения. Толпа больных направляется туда, как в старину они толпились в храмах Эскулапа и Сераписа; матери приводят своих больных детей, как в Императорском Риме водили их в Храм Ромула и Рема. За глотком воды из бассейна рядом с ванной или погружением в саму ванну следуют молитвы у алтаря часовни, которая окружает колодец. Когда проводится праздник святой, страждущие собираются, чтобы поцеловать реликварий, в котором хранятся ее кости. Возможно, одно из самых трогательных зрелищ в католических церквях, особенно в отдаленных деревнях, - это алтари, на которых развешаны жертвоприношения по обету, грубая мазня, изображающая болезнь или опасность, от которой был избавлен верующий.

Что касается образов, облаченных в причудливые одежды и безделушки, Миддлтон "не мог не вспомнить картину, которую старый Гомер рисует *Q. Гекуба Троянская*, простирающаяся ниц перед чудесным образом *Паллады*", в то время как его восхищение изображением "Царицы Небесной" из Лоретто с "лицом черным, как у Негуса" напоминает ему упоминание в "Барухе" об идолах, черных от "вечного дыма ламп и благовоний". В своих лекциях по Хибберту профессор Рис ссылается на церкви, посвященные Нотр-Дам, на основании легенд об обнаружении изображений Богородицы на этом месте. Обычно они были деревянными, которые почернели в почве. Такая черная "Мадонна" была найдена недалеко от Гренобля, в коммуне Ла-Зуш. Тогда в титулах новых божеств Миддлтон правильно видит титулы старых. Царица Небес напоминает ему Астарту или Милитту; Божественную Мать Великой Матери, "великую мать" восточных культов. В других атрибутах Марии, прямого потомка Исиды, сохранились атрибуты Венеры, Люцины, Кибелы или Марии. Он приводит забавные примеры мифов и неверных толкований, благодаря которым определенные "святые" занимают место в римском календаре. Очевидно, он ничего не знал о странной путанице, из-за которой Будда фигурирует в нем под титулом святого Иосафата; но он рассказывает, как из-за неправильного толкования пограничного камня *Proefectus Viarum*, надзиратель за дорогами, стал Святым Виаром; как Святая Вероника добилась канонизации благодаря ошибке в словах "Икона Веры": еще забавнее, что агиология включает в себя и гору, и мантию!

Следы рук или ног на камнях, которые, как говорят, были оставлены появлением какого-то святого или ангела, напоминают "отпечаток ступни Геркулеса на камне в Скифии"; изображение Богородицы, сошедшее с небес, наводит на мысль о спуске щита Нумы "из облаков"; изображение плачущей мадонны - статуи Аполлона, которая, по словам Ливия, плакала три дня и ночи подряд; в то время как периодическое чудо разжижения крови святого Януария, очевидно, имеет параллель с происшествиями, перечисленными Горацием во время его путешествия в Египет. Брундузиум, когда жрецы храма в Гнатиі пытались убедить его, что "раньше ладан чудесным образом растворялся и таял без помощи огня" (Сб., v, 97-100).

Миддлтон и представители его школы думали, что они были близки к первичным образованиям, когда наткнулись на эти наводящие на размышления классические или языческие параллели с христианскими верованиями и обычаями. Но на самом деле они исследовали сравнительно недавний слой; поскольку далеко под ним лежали неожиданные доисторические отложения варварских идей, которые совпадают с самыми ранними размышлениями человека о себе и своем окружении и состоят из них. Однако, когда мы заимствуем иллюстрацию из геологии, следует помнить, что наши подразделения, подобные тем, на которые разделены слои земного шара, являются искусственными. Реальной обособленности нет. Разница между прежними и

нынешними методами исследования заключается в том, что в настоящее время мы продвинулись дальше в поиске общих материалов, из которых составлены варварские, языческие и цивилизованные идеи. Они возникают из сравнения, которое существует в уме дикаря между живым и неживым, и из приписывания сходных качеств вещам, внешне похожим друг на друга; отсюда вера в их действенность, которая принимает активную форму в том, что обычно можно назвать магией. Например, обряд крещения объясняется, когда мы связываем его с варварскими очищениями и водопоклонством в целом; также как и обряд Евхаристии, ссылаясь на жертвенные праздники в честь богов; праздники, на которых они считались как едоками, так и съедаемыми. Миддлтон, сам священник, выражает недоумение, наблюдая за возвышением воинства во время мессы. Ему не хватало тех знаний о происхождении сакраментальных обрядов, которые с тех пор дало изучение варварских обычаев. В “Золотой ветви” мистера Фрейзера, “центральной идеей” которой является “концепция убитого бога”, он показывает, на какой ранней стадии своих размышлений человек сформулировал концепцию божества, воплощенного в нем самом, или в растении, или в животном, и как впоследствии убитого, причем и воплощение, и смерть совершаются на благо человечества. Бог - это его собственная жертва, и, возможно, в самой поразительной форме, на чем настаивает мистер Фрейзер, он, как дух зерна, убит в лице своего представителя; переход в этом способе воплощения к обычаю священного поедания хлеба очевиден. Фундаментальная идея этого сакраментального акта, как далее показывает масса примеров, собранных мистером Фрейзером, заключается в том, что при употреблении в пищу чего-либо приобретаются его физические и умственные качества. Так рассуждает варварский разум и распространяет это понятие на все существа. Прочитую мистера Фрейзера: “Поедая тело бога, он разделяет его атрибуты и силы. И когда бог является богом зерна, зерно - это его истинное тело; когда он является богом виноградной лозы, сок винограда - это его кровь; и поэтому, вкушая хлеб и выпивая вино, верующий приобщается к настоящему телу и крови своего бога. Таким образом, распятие вина в обрядах бога виноградной лозы, подобного Дионису, - это не акт разгула; это торжественное таинство”. Возможно, нет необходимости указывать, что то же самое объяснение применимо к обрядам, связанным с Деметрой, или добавлять, какие дальнейшие параллели напрашиваются в вере в то, что Дионис был убит, воскрес и спустился в Аид, чтобы воскресить из мертвых свою мать Семелу. Это, однако, кстати. Что следует подчеркнуть, так это то, что в только что приведенной цитате мы имеем пресуществление, явно предвосхищенное как варварская идея поедания бога. В доказательство лежащей в основе этой идеи преемственности можно привести двух свидетелей — католика и протестанта.

Римская церковь, и в этом Греческая церковь с ней заодно, так определяет термин пресуществление в Каноне Тридентского собора:

“Если кто—либо скажет, что в пресвятом таинстве Евхаристии остается субстанция хлеба и вина вместе с телом и кровью Господа нашего Иисуса Христа, и будет отрицать это чудесное и исключительное превращение всей субстанции хлеба в тело, а всей субстанции вина в кровь, при этом остаются только виды хлеба и вина — обращение, которое Католическая Церковь наиболее уместно называет Пресуществлением, - да будет предан анафеме”.

Англиканская церковь посредством письма в хорошо известную газету “Британский еженедельник” (29 августа 1895 г.) приводит следующую иллюстрацию положения своей

"Высшей" части, и это, интересно отметить, относится к церкви, настоятелем которой является сын мистера Гладстона и в которой сам выдающийся государственный деятель часто читает уроки:

“Несколько воскресений назад — 8-часовое празднование Святого Причастия. Настоятель, исполняющий обязанности священника (церковь Хаварден).

“Когда пришло время причащаться, среди прихожан были розданы карточки с гимном, который нужно было спеть после Причастия. Этот гимн начинался следующим куплетом: —

Иисус, могучий Спаситель,
Ты в нас.

И мое внимание привлекла звездочка, указывающая на сноску. Слово "в" во второй строке было выделено курсивом, и в примечании указывалось, что те, кто *не общался*, должны петь "с" вместо "в", то есть те, кто принял освященные элементы, чтобы спеть "Ты в нас сейчас", а те, кто этого не сделал, должны спеть "Ты с нами сейчас"".

Таким образом, независимо от того, является ли культ варварским или цивилизованным, мы находим теорию и практику идентичными. Бога вкушают, чтобы причастник, таким образом, стал “причастником божественной природы”.

В жестах, обозначающих *священническое благословение* мы, вероятно, имеем дело с древней формой отвода дурного глаза; в акте *дыхания* на епископа во время службы посвящения сохранилась вера в передачу духовных качеств, поскольку душа, как свидетельствует язык, почти повсеместно отождествляется с дыханием. Современный спиритуалист, описывающий привидения как имеющие “консистенцию сигарного дыма”, солидарен с неграми Конго, которые на время оставляют дом умершего неубранным, чтобы пыль не повредила нежную субстанцию призрака. Вдыхание последнего вздоха умирающего римлянина его ближайшим родственником имеет параллель с дыханием воскресшего Иисуса на его учеников, чтобы они могли получить Святого Духа (Иоанна хх, 22). В вознесении *молитв за умерших*; в *канонизации и заступничестве святых*; в *молитвах и подношениях у святынь Богородицы и святых*, а также у *могил мучеников*; существуют разнообразные формы того великого культа усопших, который встречается по всему миру. С этим может быть связана *вера в ангелов*, добрых или злых, или в хранителей, потому что общим для всего этого является анимистический элемент, населяющий небеса вверху, а также землю внизу, бесчисленным сонмом духовных существ, влияющих на судьбы людей. Евреи и мусульмане вполне могли бы упрекать христиан, как они делали вплоть до восьмого века, в том, что они наполнили мир большим количеством богов, чем они ниспровергли в языческих храмах; в то время как у нас Эразм в своем “*Encomium Moriae*”, перечисляя имена и функции святых, добавляет, что “сколько вещей мы пожелаем, столько богов мы и создали”. Тесно связанным с этой группой верований является *поклонение реликвиям*, жизненная сила которых слишком глубоко укоренилась в человеческой природе, чтобы быть полностью уничтоженным, носим ли мы с собой что-либо еще, независимо от того, что мы носим с собой. прядь волос какого-нибудь умершего любимого человека, или прочитать о останках святых или мучеников, которые лежат под каждым католическим алтарем, или о черепных костях своего предка, которые дикарь повсюду носит с собой в качестве талисмана. Далее следует длинный список *церковных праздников*, отсылка которых к языческим

прототипам - всего лишь шаг к их окончательному объяснению в поклонении природе; есть *процессии*, которые являются преемниками корибантических безумств и, более отдаленно, диких танцев и других форм возбуждения; есть та, ныне несколько обыденная вера в *Второе пришествие*, которая является частью широко распространенной группы, в которой человеческие надежды устремлены на возвращение героев, уснувших долгим сном; Артура и Ольгера Данских, Вяйнэмейнена и др. Кецалькоатль, Карл Великий и Барбаросса, погибший Марко Сербский и погибший король Себастьян. Мы говорим об этом как о “случайном”, потому что среди двухсот восьмидесяти с лишним сект, перечисленных в “Альманахе Уитекера”, любопытствующие при таком расследовании заметят только три отличительные группы адвентистов.

Все изменения в народных верованиях были и практически остаются поверхностными; старый анимизм пронизывает высшие вероучения. На нашем собственном острове, например, кельтское и докельтское язычество оставалось пресным от старой римской религии. Легионы вернули Риму богов, которых привезли с собой. Имена Митры и Сераписа встречаются на многочисленных табличках, поклонение одному из них — тому “Солнцу непобедимому”, день рождения которого в день зимнего солнцестояния стал (см. стр. 42) годовщиной рождения Христа — распространилось на запад до Южного Уэльса и Нортумберленда; в то время как фундаменты храма другого были обнаружены в Йорке. Главные кельтские боги, в силу общих атрибутов божеств элементарной природы, отождествлялись с определенными *dii majores* римского пантеона, а *божьи матери* приравнялись к милостивым или злонамеренным духам местной веры. Но старые названия не были вытеснены. Ранние христианские миссионеры также не произвели каких-либо органических изменений в народных верованиях, в то время как во время погружения христианства под волны варварского нашествия в старую религию были привнесены родственные элементы из-за моря, которые придали ей еще более энергичную жизнь. Проницательный Гиббон обнаружил этот постоянный элемент в действии, когда описывал продолжение тщетных усилий Феодосия искоренить язычество. Культ предков, который лежал в основе большей части этого, сформировался среди обращенных в христианство язычников в поклонении мученикам и в борьбе за их мощи. Тела пророков и апостолов были обнаружены по самым странным совпадениям и перевезены в церкви по Тибру и Босфору, и хотя запасы этих наиболее важных останков вскоре были исчерпаны, не было предела производству реликвий их личности или имущества, таких как опилки от цепей Святого Петра и от решетки Святого Лаврентия. В катакомбах было найдено огромное количество тел мучеников, и Рим превратился в огромную фабрику по удовлетворению потребностей в чудотворных реликвиях со всех концов христианского мира. Претензии дюжины аббатств на обладание настоящим терновым венцом, с помощью которого высмеивалось величие страдающего Христа, могли вызвать скептическое чувство, но многочисленные фрагменты его креста заставили его замолчать, поскольку, по расчетам изобретателей, в нем должно было содержаться по меньшей мере сто восемьдесят миллионов кубических миллиметров, тогда как общий кубический объем всех известных реликвий составляет всего пять миллионов. “Это должно быть”, - замечает Гиббон (“Упадок и низвержение”, конец главы. xxviii), “следует гениально признать, что служители католической церкви подражали нечестивой модели, которую они были бессильны разрушить. Самые почтенные епископы убедили себя, что невежественные крестьяне с большей радостью отреклись бы от языческих суеверий, если бы нашли какое-то сходство, какую-то компенсацию в лоне христианства. Религия Константина

менее чем за столетие окончательно покорила Римскую империю, но сами победители были незаметно покорены искусством своих поверженных соперников”.

Достаточно было сказано по теме, которой придается большое значение, потому что она делает более наглядным тот факт, что в религии, апологеты которой заявляют о божественном происхождении и руководстве “до конца света”, мы сталкиваемся с тем же вторжением обрядов и обычаев низших культов, которое характерно для других передовых верований. Отсюда то, что наука и суеверие являются смертельными врагами, объясняет то враждебное отношение к исследованию и тот страх перед его результатами, которые отличали христианство до наших дней. Хотя вторжение разлагающих элементов создает трудности, которые создает сама теория сверхъестественной истории христианства, это согласуется со всем, что можно было бы предсказать о религии, успех которой был обусловлен ее ранним выходом из узких рамок иудаизма; и ее удачному контакту с предприимчивыми народами, которым обязана цивилизация Европы и Нового Света.

2. От Августина к лорду Бэкону.

400- 1600 гг. н.э.

Приведенный выше краткий очерк причин, веками действовавших против свободы человеческого разума, лишает необходимости следить за историей развития христианской политики и догматики — за временностью одного и кристаллизацией другого. И все же одно выдающееся действующее лицо в этой истории требует краткого упоминания из-за влияния, которым пользовалось его учение с пятого по пятнадцатый века. В летописях церкви Африки, вдоль северных берегов которой христианство распространилось рано и быстро, встречаются известные имена, но ни одно из них не было столь выдающимся, как имя Августина, епископа Гиппонского с 395 по 430 год н.э. Этот величайший из Отцов Церкви стремился, как уже отмечалось, привести систему Аристотеля, величайшего из естествоиспытателей древности, в соответствие с христианской теологией. Диапазон его исследований был почти таким же широким, как у знаменитого Стагирита, но нас здесь интересует лишь та его часть, которая имеет отношение к попытке привить теорию развития к догме особого сотворения. Августин, принимая космогонию Ветхого Завета как откровение, верил, что мир был сотворен из ничего, но, приняв этот первоначальный парадокс, он утверждал, что Бог наделил материю определенными способностями к саморазвитию, которые оставили свободным действие естественных причин при производстве растений и животных. При этом, однако, как уже отмечалось, он придерживался, как и предшествующие философы и его коллеги-теологи, доктрины самопроизвольного зарождения. Это объяснило ему существование таких, казалось бы, бесцельных существ, как мухи, лягушки, мыши и т.д. “Некоторые очень маленькие животные, - говорит он, - возможно, были созданы не на пятый и шестой дни, а могли возникнуть позже из разлагающейся материи”. Только в семнадцатом веке эксперименты Реди опровергли доктрину, которая занимала часть биологического поля более двух тысяч лет и у которой до сих пор есть приверженцы. Конечно, Августин, как и современные католические биологи, исключал человека из-под действия вторичных причин и считал, что его душа была создана прямым вмешательством Творца. Таким образом, уступки Августина являются скорее кажущимися, чем реальными, и, более того, мы находим, что он отрицает существование антиподов на том основании, что Писание умалчивает о них, а также на том основании, что если бы Бог поместил туда какие-либо расы, они не смогли бы увидеть нисхождение Христа при его

втором пришествии. Для Августина воздух был полон дьяволов, которые являются причиной “всех болезней христиан”. Другими словами, он не опережал иллюзии своего времени. Кроме того, он демонстрирует тот аллегорический дух, который был проявлен в Греции тысячу лет назад; дух, который читает скрытые значения у Гомера, Горация и Омара Хайяма; и который в руках современных гностиков, в основном фантастов или неграмотных каббалистов, превращает простые повествования Ветхого и Нового Заветов в носители таинственных образов и эзотерических символов. Именно в таком аллегорическом ключе Августин объясняет внешнюю и внутреннюю качку ковчега как символ безопасности Церкви от проникновения ереси; в то время как ужасное применение символической экзегетики просматривается в его цитировании слов Иисуса “Заставь их войти” как Божественного ордера на истребление еретиков.

Мы не встретим другой такой выдающейся фигуры в истории Церкви до тех пор, пока не пройдет девятьсот лет, пока не появится Фома Аквинский, “Ангел Школ”, но, хотя этот период не знаменует собой смещения Церкви с ее центрального положения, он стал свидетелем изменений в ее судьбе из-за вторжения чужого народа на ее территорию и святилища.

Пожалуй, в истории мало событий более впечатляющих, чем обращение диких и невежественных арабских племен седьмого века от каменного культа к монотеизму. Последовавшая за этим серия завоеваний также имела, в качестве косвенного и непредвиденного результата, огромное значение для возрождения и распространения греческой культуры от Тигра до Гвадалквивира. Нелегко, да и исследование не входит в нашу нынешнюю цель, обнаружить особые побуждения, которые побудили Мухаммеда, лидера движения, проповедовать новую веру, единственным кредо которой, лишенным всяких тонкостей, было единство Бога. Большое количество евреев и христиан поселилось в Аравии задолго до него, и он познакомился с ограниченностью одних и с причинами разногласий других, расколотых, как и эти последние, на секты, ссорившиеся из-за природы Личности Христа. Все это, а также фетишизм его соотечественников, возможно, побудили его начать крестовый поход, мандат, в который он, в фанатичном порыве, верил, был ниспослан с небес. Результат хорошо известен. Доселе необузданные кочевники стали ревностными орудиями пророка. Под его руководством и руководством умелых халифов, сменивших его, флаг ислама пронесли с Востока на Запад, пока в течение ста лет после бегства Мухаммеда из Мекки (622 г. н.э.) он не развеялся от Индийского океана до Атлантического. С завоеванием Сирии был достигнут один из величайших и наиболее значимых триумфов - взятие Иерусалима и захват мест, освященных для христиан в связи с распятием, погребением и воскресением Иисуса. Всего за несколько лет до этого (614 год н.э.) священный город был взят Хосровом; священные здания, возведенные над почитаемой гробницей, были сожжены, а крест — поддельная реликвия — унесен персидским царем. Эти места были, так сказать, центром христианского мира со времен осады Иерусалима при Тите до Крымской войны, когда кровь лилась рекой в конфликте, вызванном ссорами между латинскими и греческими христианами из-за обладания ключом от церкви Рождества Христова в Вифлееме. В храме Гроба Господня этим сектантам до сих пор не дают вцепиться друг другу в глотки мушкеты мусульманских солдат.

Арабское завоевание Персии последовало за завоеванием Сирии. Вскоре настал черед Египта: город Александрия был взят в 640 году, через семь лет после смерти пророков. После потери

греческой свободы и упадка интеллектуальной жизни в Афинах это знаменитое место стало, особенно при Птолемах, главным пристанищем науки и философии. Благодаря пропаганде христианства среди эллинизированных евреев, которых, как и греков, там поселилось большое количество, это было также местом рождения догматического богословия и, следовательно, источником, из которого били ключом споры о том, чьи логомахии были сплетнями на улицах Константинополя и причиной кровавых преследований. После нескольких лет перерыва сарацины (арх., *sharkiin*, восточные народы) возобновили свой завоевательный поход. Они захватили и сожгли Карфаген, еще один известный центр христианства, а затем переправились в Испанию. В “Прекрасном и плодородном острове Андалусия” готский король Родерик оторвался от своей роскошной жизни в Толедо, чтобы возглавить свою армию в доблестной, но тщетной попытке дать отпор неверным захватчикам. Их продвижение было настолько быстрым, что за шесть лет они покорили всю Испанию, за исключением северной и северо-западной частей, поскольку отважные баскские горцы сохранили свою независимость от арабов, как они сохранили ее от кельтов, римлян и готов. Только у стен Тура захватчики встретили отпор со стороны Карла Мартелла и его франков, что остановило их продвижение в Западную Европу; как и в более важном поражении Льва III под Константинополем. в 718 году, четырнадцатью годами ранее, поток мусульманских завоеваний был впервые остановлен.

Однако достаточно о сарацинских войнах и их разрушительной деятельности, которая, если не врет традиция, включала сожжение остатков обширной александрийской библиотеки. “Богооткровенная догма всегда противостоит свободному исследованию, которое может ей противоречить”, а ислам всегда был худшим врагом науки, чем христианство. Ее связь как религии с возрождением знаний была настолько же совершенно случайной, насколько интересна сама история о ней.

При Сасанидских царях Персия стала активным центром интеллектуальной жизни, достигнув апогея своей августовской эпохи в правление Хосрова. При его дворе были одинаково рады евреям, грекам и христианам, а переводы трудов индийских мудрецов дополняли эклектичность этого просвещенного монарха. Затем пришел безжалостный араб, и философия и наука были затмены. Но с приходом к власти халифов-аббасидов, среди которых был знаменитый Гарун аль-Рашид, наступило возрождение широчайшей веротерпимости и, как следствие, возвращение интеллектуальной активности. Багдад возник как резиденция империи. Расположенный на большой дороге восточной торговли, по которой путешествовали иностранные идеи и иностранная культура, этот город стал также Оксфордом своего времени. Арабский был языком завоевателей, и на этот поэтический, но не философский язык были переведены греческая философия и наука. Под властью этих халифов, говорит Ренан, “нетолерантных, невозмутимых преследователей”, развивалась свободная мысль; *Motecallenim* или “спорщики” проводили дебаты, на которых все религии рассматривались в свете разума. Аристотель, Евклид, Гален и Птолемей были учебниками в колледжах, репутация преподавателей которых привлекала в Багдад и Найшапур (дорогие для любителей “старого” Хайяма) студентов на запад из Испании и на восток из Трансоксианы.

Таким образом, “арабская” философия - это всего лишь название. Ее хорошо описали как “систему греческой мысли, выраженную на семитском языке; модифицированную восточными влияниями, вызванную к существованию покровительством более либеральных правителей и поддерживаемую живым усердием небольшой группы мыслителей”. В основном она начиналась и заканчивалась изучением Аристотеля, комментарии к которому стали главным

трудом ученых, во главе которых стоит великое имя Аверроэса. Через них — горстку евреев и мусульман — знания греческой науки, астрономии, алгебры, химии и медицины были перенесены в Западную Европу. Ко второй половине десятого века, через сто пятьдесят лет после перевода Аристотеля на арабский, Испания стала серьезным соперником Багдада и Каира. Были основаны школы; леди-директрисы открывали колледжи, в которые девушки-гиртоны того периода могли ходить изучать математику и историю; поощрялись мануфактуры и сельское хозяйство; а прекрасные и величественные дворцы и мечети украшали Севилью, Кордову, Толедо и Гранаду, над городом с последним названием до сих пор возвышается знаменитая Альхамра, или Красная крепость. За семьсот лет до того, как в Лондоне появился общественный фонарь, и когда Париж был городом с заболоченными дорогами, окаймленными жилищами без окон, в Кордове были мили хорошо освещенных, мощеных улиц; и постоянное использование ванны "неверными" контрастировало со святой грязью и тряпьем, которые были гордостью приверженцев умерщвления плоти, и внешними и пахучими признаками их религии. Страницы наших словарей в знакомых математических и химических терминах, в названиях основных "неподвижных" звезд и в словах "адмирал" и "сорочка" свидетельствуют о влиянии "арабов" на науку, войну и одежду.

В нашу историю не входит рассказывать о том, как вражда между соперничающими династиями и соперничающими сектами ислама, становившаяся с течением времени все более острой, позволила христианству восстановить утраченные позиции и, захватив Гранаду в 1492 году, положить конец мавританскому правлению в Испании. До этого события знания о греческой философии распространились по христианскому миру благодаря переводу трудов Авиценны, Аверроэса и других ученых на латынь. Это было примерно в середине двенадцатого века, когда Аристотель, переведенный на арабский язык примерно тремя столетиями ранее, также появился в латинском одеянии. Невообразимое отделение любой отрасли знания от теологии, глубокое почитание, с которым относились к стагириту его арабские комментаторы, в конечном счете привело к тому, что христиане стали "подозревать" его, поскольку то, что нравилось последователям Мухаммеда, должно, *ipso facto*, быть осуждено последователями Иисуса. Отсюда последовала реакция и обращение к Священным Писаниям как к единственному руководству как к светскому, так и к священному знанию; обращение к методу, который, как говорит Халлам, "не развязал ни единого узла и не добавил ни одной однозначной истины в область философии".

Насколько говорят скудные записи (ибо мы, возможно, никогда не узнаем, сколько всего было подавлено или кануло в лету из-за неодобрения и угроз церкви; ни сколько мыслителей трудились в тайне и страхе), никто, казалось, не обладал ни мужеством, ни желанием дополнить богооткровенное слово исследованием самих вещей. О том, чтобы вытеснить его, никто и не мечтал. Но в середине XIII века произошло одно заметное исключение в лице Роджера Бэкона, которого иногда называют монахом Бэконом в силу его принадлежности к ордену францисканцев. Он родился в 1214 году в Илчестере, в графстве Сомерсет, откуда впоследствии переехал в Оксфорд, а оттуда в Париж. Странно, что этот замечательный и многогранный человек, классик и арабист, математик и натурфилософ, не занимает более признанного места в анналах науки, хотя это, возможно, частично объясняется тем фактом, что его труды не переиздавались более трех столетий после его смерти. Ему приписывают ряд изобретений, право собственности на которые, однако, сомнительно, хотя это ни в коей мере не умаляет величия его имени. Он разделял современную веру в алхимию, но провел ряд химических экспериментов, указывающих на его знание свойств различных газов и

компонентов пороха. Если он не изобрел очки или микроскоп и телескоп, он был специалистом в оптике и знал принципы, на которых сделаны эти инструменты, как показывает следующий отрывок из его “Большого труда”: “Мы можем размещать прозрачные тела такой формы и положения между нашими глазами и другими объектами, что лучи будут преломляться и изгибаться в любое место, которое нам заблагорассудится, так что мы будем видеть объект вблизи или на расстоянии, под любым углом, который нам заблагорассудится; и, таким образом, с невероятного расстояния мы можем читать мельчайшие буквы и считать мельчайшие частицы песка, по причине их размера”. величие угла, под которым они появляются”. Он знал “мудрость древних” в составлении каталога звезд и предложил реформу календаря — вслед за неизвестным тогда поэтом-астрономом из Найшапура. Но он верил в астрологию, эту убогую науку, которая с древнейших времен управляла жизнью человека и которая по сей день имеет немалое число приверженцев среди нас. Непреходящее право Роджера Бэкона на славу основано, однако, на его настойчивости в необходимости эксперимента и на том, что он претворял это предписание в жизнь на практике. Как математик, он подчеркивал важность применения этой “первой из всех наук”; более того, как “предшественницей всем другим и располагающей нас к ним”. Его эксперименты, как по их природе, так и по уединению, в котором они проводились, сделали его открытым для обвинения в черной магии, другими словами, в сговоре с дьяволом. Это в руках “одержимого” таким образом богословия стало орудием ужасной пытки для человечества. Отрицание Роджером Бэконом магии только усугубило его преступление, поскольку в глазах церковников это было равносильно отрицанию деятельности, более того, самого существования сатаны. Итак, несмотря на определенное поощрение его научной работы со стороны старого друга, впоследствии ставшего папой Климентом IV, для информации которого он написал свой *Opus Majus*, после смерти этого властителя он был брошен в тюрьму, откуда, по преданию, вышел через десять лет только для того, чтобы умереть.

Теории средневековых схоластов — монотонный список непрогрессивных идей — нет необходимости перечислять здесь, тем более что мы приближаемся к периоду открытий, имеющих важное значение в их окончательном воздействии на мнения, которые сейчас обладают лишь ценностью, присущей истории дискредитированных концепций вселенной. Коммерция, в большей степени, чем научное любопытство, дала толчок открытию того, что земля - это глобус. Торговля с Востоком была разделена между Генуей и Венецией. Эти города были соперниками, и генуэзцы, встревоженные растущими успехами венецианцев, решили попытаться добраться до Индии с запада. Их планы были обоснованы сообщениями о признаках суши, доставленными моряками, которые прошли через “Геркулесовы столпы” в Атлантику. Продолжение хорошо известно. Колумб, после противодействия духовенства и отказов со стороны других государств, “предложивший”, как говорит м-р Пейн в своей превосходной Истории Америки, “хотя он и не знал этого, Новый Свет в обмен на три корабля и провизию на двенадцать месяцев”, наконец, заручился поддержкой испанского короля и отплыл из Кадиса 3 августа 1492 года. 11 октября он увидел окраину Нового Света и, полагая, что плыл из Испании в Индию, дал группе островов название Вест-Индия. Сама Америка была открыта кочующими скандинавами пятьсот лет назад, но этот факт был похоронен в исландских традициях. Вслед за Колумбом португалец Васко де Гама отправился в плавание в 1497 году и, взяв курс на юг, обогнул мыс Доброй Надежды. Двадцать два года спустя Фердинанд Магеллан отправился в путешествие более знаменитое, чем путешествие Колумба, поскольку его целью было обогнуть мир и таким образом завершить цепочку доказательств против теории о его

плоскостности. Ибо “хотя Церковь всегда на основании Священного Писания утверждала, что земля должна быть обширной равниной, окаймленной водами, все же он утешал себя, когда размышлял о том, что при лунных затмениях тень, отбрасываемая землей, круглая; и какова тень, такова и субстанция”. Обогнув мыс Горн через проливы, носящие его имя, Магеллан вошел в безбрежный океан, спокойная поверхность которого заставила его назвать его Тихим, и после ужасных страданий достиг островов Ладроне, где был убит либо взбунтовавшейся командой, либо дикарями. Его старший лейтенант Себастьян д'Элиано продолжил плавание и, обогнув мыс Доброй Надежды, 7 сентября 1522 года поставил "Сан-Витторию" — название "Счастливого предзнаменования" — на якорь в Сент-Лукаре, недалеко от Севильи. Принес также историю о кругосветном плавании и о новых группах звезд, которых никогда не видели на северном небе.

На какое-то время сцена переносится с земли на небеса. Церковь едва оправилась от удара, нанесенного ее авторитету в вопросах светского знания, когда был нанесен другой удар, и на этот раз священнослужителем Коперником, каноником Фрауэнбурга, в Пруссии. Но прежде чем продолжить это, необходимо упомянуть о восстании против Римской церкви, которое является великим событием шестнадцатого века, хотя бы для того, чтобы выяснить, оправдывало ли движение, известное как Реформация, свое название как освобождение интеллекта от теологического рабства. Какими бы далеко идущими ни были области, которые она охватывала, и последствия, которые она вызывала, ее ссора с Римской церковью произошла не из-за отношения этой Церкви к свободе мысли. На Континенте это был протест более благородных умов против коррупции, поощряемой папством; в Англии он имел личное и политическое происхождение, обеспечив народную поддержку своим анти-священническим характером и призывом к национальному раздражению против иностранного контроля. Но как здесь, так и за рубежом, он стремился скорее исправить положение, чем положить конец; “ни на йоту не отклоняться от католической веры”. В нем оспаривались притязания Церкви быть единственным толкователем Священного Писания и утверждалось, что такое толкование является правом и обязанностью человека. Но это не признавало бы права личности подвергать сомнению авторитет самой Библии: только к этой книге человек должен обращаться за знанием как о мирских, так и о духовных вещах. Так что Реформация была всего лишь заменой оков, или, как удачно выразился Хаксли, соскабливанием небольшого количества ржавчины с цепей, которые все еще сковывали разум. “Ученость погибла там, где царствовал Лютер”, - сказал Эразм, и в доказательство этого мы находим, что Реформатор соглашался со своим соадъютором Меланхтоном в том, что не допускал вмешательства в написанное Слово. Несмотря на Коперника, они не сомневались, что земля неподвижна и что солнце и звезды вращаются вокруг нее, потому что так сказано в Библии. Питер Мученик, один из первых обращенных в лютеранство, в своем Комментарии к Книге Бытия заявил, что ошибочные мнения о сотворении мира, изложенные в этой книге, обесценивают все обетования Христа. В чем он был прав. Что касается схоластов, то Лютер называл их “саранчой, гусеницами, лягушками и вшами”. Причина, по которой он называл Аристотеля “архиплудхой” и “невестой дьявола”, заключается в том, что Аристотель - “князь тьмы, ужасный самозванец, публичный и признанный лжец, чудовище и вдвойне отвратительный”. Достаточно последовательно Лютер яростно верил в личного дьявола и в ведьм; “Я бы сам сжег их, ” говорит он, “ даже если в Библии написано, что священники побивали преступников камнями”. Для него одержимость демонами была фактом, ясным как божий день: идиотизм, невменяемость, эпилепсия и все другие психические и нервные расстройства были вызваны этим. Следовательно, движение,

целью которого, по-видимому, было освобождение человеческого духа, еще крепче заклепало засовы, которые его удерживали; наложив арест на физическое объяснение психических заболеваний и то целебное лечение от них, которое является одной из бесчисленных услуг науки страдающему человечеству. Для Лютера сошествие Христа в ад, которое, как показали современные исследования, является вариантом орфической легенды о подземном мире, было реальным событием: Иисус отправился туда, чтобы победить сатану в рукопашной схватке.

Следовательно, у свободы мысли, как мы ее определяем, был злейший враг в лице Лютера, хотя в своем осуждении "дел" и фанатичной догме об "оправдании человека одной верой", которая заставила его отвергнуть Послание Иакова как "солому", недостойную места в Каноне, он невольно вбил тонкий клин рационализма. Реформаторы окружили канонические книги теориями словесного вдохновения, которые распространялись даже на пунктуацию предложений. Таким образом, они сделали невозможным разумное изучение Библии и нанесли серьезный ущерб собранию сочинений, имеющих огромную историческую ценность и представляющих неизменный интерес как свидетельства примитивных рассуждений человека и его духовного развития. Но применение Лютером права частного суждения к исключению или добавлению той или иной книги в канон, который был закрыт Церковным собором, ставило под сомнение всю позицию, поскольку никто не мог сказать, на чем это может закончиться.

Коперник ждал целых тридцать лет, прежде чем отважился обнародовать свою теорию. Система Птолемея, предполагавшая неподвижную землю с вращающимися над ней солнцем, луной и звездами, удерживала свое положение в течение около четырнадцати сотен лет. Это соответствовало Писанию; это было принято Церковью; и, более того, это было подтверждено чувствами, исправление которых все еще остается и надолго останется условием интеллектуального прогресса. Поэтому неудивительно, что Коперник не решался выдвинуть теорию, поддерживаемую таким образом, или что при публикации она была предложена в предварительной форме как возможное объяснение, более соответствующее явлениям. В предисловии, предположительно написанном дружеской рукой, папе Павлу III восхвалялись обращения Небесных тел. В нем говорилось, что "поскольку в прежние времена другим была предоставлена привилегия изображать круги, которые они выбирали, чтобы объяснить явления", Коперник "задумал, что он мог бы взять на себя смелость попробовать, возможно ли, исходя из предположения о движении земли, найти лучшие объяснения вращению небесных тел, чем древние". Экземпляр книги попал в руки ее автора всего за несколько часов до его смерти 23 мая 1543 года.

Этот "выскачка-астролог", этот "глупец, который хочет перевернуть всю науку астрономию", ибо "священное Писание говорит нам, что Иисус Навин приказал солнцу стоять на месте, а не земле" — таковы слова Лютера, — следовательно, был неподвластен Святой инквизиции. Но вскоре последовала замена. Джордано Бруно, доминиканский монах, добавил к некоторым неортодоксальным верованиям ересь коперниканства, которую он публично проповедовал от Оксфорда до Венеции. За эти совокупные преступления он был заключен в тюрьму и через два года приговорен к смертной казни "как можно милосерднее и без пролития крови" - католический эвфемизм для сожжения человека заживо. Убийство было совершено в Риме 17 февраля 1600 года.

1543 год знаменует собой эпоху как в биологии, так и в астрономии. Как показали исследования Галена, александрийского врача II века, изучение строения низших животных не представляло

никаких трудностей, но, подкрепленная как традицией, так и предрассудками, Церковь отказалась разрешить вскрытие человеческого тела, а во второй половине XIII века - Бонифация VIII. издана Булла о главном отлучении от церкви в отношении правонарушителей. Сухой закон, как обычно, привел к уклонению от уплаты налогов, и Везалий, профессор анатомии Падуанского университета, прибегал к различным ухищрениям, чтобы добыть “подопытных”, поскольку легче всего было добыть тела преступников. Цель оправдывала средства, поскольку он смог исправить некоторые ошибки Галена и *успокоить* старую легенду, основанную на мифе о сотворении Евы, о том, что у мужчины на одно ребро меньше, чем у женщины. Это было одним из открытий, о которых было объявлено в его книге "О корпорации человека", опубликованной, когда ему было всего двадцать восемь лет. Книга попала под запрет Церкви, потому что Везалий не поддерживал веру в нерушимую кость, ядро воскресающего тела, в человеке. Эта вера, без сомнения, имела близкое отношение к вере евреев в *os sacru* и может напомнить нам о причудливом расположении души у Декарта в крошечной конусообразной части мозга, известной как *conarium*, или шишковидная железа. По какому-то необоснованному обвинению в попытке вскрытия живого существа инквизиция отправила Везалия в тюрьму и предала бы его смерти “со всем возможным милосердием”, если бы не вмешательство короля Испании Карла V. Везалий был врачом. Возвращаясь в октябре 1564 года из паломничества, предпринятого, предположительно, во искупление своего предполагаемого проступка, он потерпел кораблекрушение у берегов Занте и умер от истощения.

В то время как еретический характер и тенденции открытий в астрономии и анатомии вызывали активное противодействие со стороны Церкви, работы людей типа Геснера, выдающегося швейцарского натуралиста, и Чезальпино, профессора ботаники в Падуе, не вызывали сомнений. Классификация растений и животных не поставила под угрозу ни одну догму. Но когда прошло несколько поколений после смерти Коперника, инквизиция нашла вторую жертву в лице знаменитого Галилея, родившегося в Пизе в 1564 году. Проведя несколько лет в механических и математических занятиях, он начал серию наблюдений в подтверждение теории Коперника, в истинности которой он был убежден в юности. С помощью грубого телескопа, сделанного его собственными руками, он обнаружил спутники Юпитера; луноподобные фазы Венеры и Марса; горы и долины на Луне; пятна на диске Солнца; и бесчисленные звезды, составляющие светящуюся полосу, известную как Млечный Путь. Ничто не мешало его наблюдениям, пока в работе о солнечных пятнах он не объяснил движения земли и небесных тел в соответствии с Коперником. При появлении этой книги власти ограничились предостережением автору. Но действия последовали за его дополнительным диалогом о системах Коперника и Птолемея. С помощью того удобного средства, которое подразумевается в названии, Галилей легко побеждает защитника теории Коперника, и за это он предстал перед инквизицией в 1633 году. После утомительного судебного разбирательства и угроз “строгого личного допроса”, эвфемизма для обозначения “пытки”, он был, несмотря на заявление — слишком благовидное, чтобы его можно было обмануть, — что он просто расставил *плюсы и минусы* между конкурирующими теориями, приговорен отречься от всего, чему учил. Существует история, вероятно, вымышленная, поскольку впервые она была рассказана в 1789 году, о том, что, когда старик поднялся с колен, он пробормотал о своем убеждении в том, что земля движется, словами “*e pur si muove*”. В качестве примера аргументов, использованных церковниками, когда они в качестве редкого исключения заменяли хворост ручкой, можно привести доводы, выдвинутые неким Сиззи против существования спутников Юпитера. “В жилище головы животным дано семь окон, через которые воздух поступает в жилище тела, а

именно: две ноздри, два глаза, два уха и один рот. И так, на небесах, как в макрокосме, или большом мире, есть две благоприятные звезды, Юпитер и Венера; две неблагоприятные, Марс и Сатурн; два светила, солнце и луна, и только Меркурий нерешителен и безразличен. Из этих и многих других явлений Природы, перечислять которые было бы утомительно, мы заключаем, что число планет обязательно равно семи. Более того, спутники невидимы невооруженным глазом и, следовательно, не могут оказывать никакого влияния на землю и, конечно, были бы бесполезны; и, следовательно, не существуют”.

В этом кратком изложении отношения Церкви к науке невозможно, а если бы и было так, то в этом нет необходимости, подробно ссылаться на вклад более умозрительных философов, которые, хотя и не совершили открытий, отстаивали те методы исследования и направления исследований, которые сделали открытия возможными. Среди них видным именем является имя лорда Бэкона, чья философская система, известная как индуктивная, исходит из сбора, изучения и сравнения любой группы взаимосвязанных фактов с целью соотнесения их с неким общим принципом. Таким образом, всеобщее объясняется частным. Но индуктивный метод не был изобретением Бэкона; везде, где наблюдение или проверка чего-либо предшествовали размышлениям о нем, как в случае с его более великим тезкой, там применялась бэконовская система. Более того, лорд Бэкон недооценивал греческую науку; он выступал против теории Коперника; и либо ничего не знал о важном открытии Харви о циркуляции крови, либо проигнорировал его. Более прославленное имя, чем его, принадлежит Рене Декарту, человеку, сочетавшему теорию с наблюдением; “тому, кто, - по словам Хаксли, - увидел, что открытия Галилея означали, что самые отдаленные части Вселенной управляются механическими законами, в то время как открытия Харвея означали, что те же законы руководят работой той части мира, которая находится ближе всего к нам, а именно нашего собственного тела”. Величие этого человека, доброго католика, которого иезуиты обвинили в атеизме, не в последнюю очередь объясняется его влиянием на не менее замечательного человека, Бенедикта Спинозу. Спиноза свел картезианский анализ явлений Бога, разума и материи к одному феномену, а именно к Богу, для которого материя и дух, протяженность и мысль являются всего лишь атрибутами. Его короткая жизнь пришлась на более длительный период жизни Ньютона, чья странная подверженность теологическим влияниям его эпохи видна в том, что этот бессмертный толкователь законов Вселенной тратит свои последние годы на попытки истолковать неисполненное пророчество. Эти и другие, такие как Локк, Лейбниц, Гердер и Шеллинг, подобно великому еврейскому лидеру, имели представление о прекрасной стране, в которую им самим не суждено было вступить. Но, возможно, в списке выдающихся людей, к которым пришло предвидение, никто не может больше претендовать на вечную память, чем Иммануил Кант. Ибо в своей Теории Неба, опубликованной в 1755 году, он предвосхищает ту гипотезу о происхождении нынешней вселенной, которая, связанная с последующими именами Лапласа и Гершеля, получила, с поправками, внесенными современной физикой, общее признание среди нас. Затем, как показано в следующем отрывке, Кант предвидит теорию развития жизни от бесформенной материи к высшим типам: “Желательно исследовать обширную область организованных существ с помощью методической сравнительной анатомии, чтобы выяснить, не можем ли мы найти в них нечто, напоминающее систему, и это также в связи с их способом зарождения, чтобы мы не были вынуждены останавливаться на простом рассмотрении форм как таковых — что не дает представления об их зарождении — и не отчаиваться в достижении полного понимания этой области природы. Согласие столь многих видов животных в определенном общем плане строения, которое, по-видимому,

просматривается не только в их скелетах, но также и в расположении других частей тела, так что удивительно простая типичная форма за счет укорочения или удлинения одних частей тела и подавления и развития других может привести к появлению огромного разнообразия видов, дает нам луч надежды, хотя и слабой, что здесь, возможно, могут быть получены некоторые результаты путем применения принципа механизма Природы; без которого, фактически, никакая наука существовать не может. Эта аналогия форм (в той мере, в какой они, по-видимому, были произведены в соответствии с общим прототипом, несмотря на их большое разнообразие) усиливает предположение, что у них есть действительное кровное родство, обусловленное происхождением от общего родителя; предположение, к которому приходят путем наблюдения за постепенным приближением одного класса животных к другому, начиная с того, в котором принцип целесообразности, по-видимому, наиболее заметен, а именно, человека, и распространяясь вплоть до полипов, а от них даже до мхов и лишайников, и, наконец, доходя до сырой материи, животного мира. низшая из наблюдаемых нами стадий Природы. Из этой сырой материи и ее сил весь аппарат Природы, по-видимому, был получен в соответствии с механическими законами (такими, как те, которые привели к образованию кристаллов); однако этот аппарат, наблюдаемый у органических существ, настолько непостижим для нас, что мы чувствуем себя вынужденными постичь для него другой принцип. Но, по-видимому, археолог Природы волен рассматривать великое Семейство созданий (ибо мы должны понимать его как Семью, если вышеупомянутые непрерывные и взаимосвязанные отношения имеют реальную основу) как возникшее из непосредственных результатов ее самых ранних революций, исходя из всех известных ему или предполагаемых им законов их механизмов”.

Вступая в эпоху этих провидцев, мы чувствуем игру более свободного, более чистого воздуха; затишье в миазматических потоках, которые приносят нетерпимость на своих крыльях. Приближающаяся терпимость обусловлена не отказом догматической теологии от своей основной позиции, а более широким восприятием разнообразия и сложности жизни, незнанием или умышленной слепотой к тому, что является секретом выживания жесткого мнения. Демонстрация круглости земли; открытие Америки; растущая концепция взаимосвязи между низшими и высшими формами жизни; медленное, но уверенное принятие теории Коперника; и, прежде всего, идея Космоса, нерушимого порядка, которому способствует каждый прогресс в знаниях, оправдывали и поощряли свободную игру интеллекта. Однако концепция включения самого Человека во вселенский порядок была еще чужда самым широким умам. Двойственность - Природа, побежденная сверхъестественным, — была неизменной нотой; сверхъестественное как часть Природы - вещь, о которой и не мечтали. Да и не могло быть иначе, пока вера в дьявольские силы все еще господствовала, отправляя несчастных жертв на костер по свидетельству добросовестных свидетелей и с согласия гуманных судей. Анимизм, корень всех олицетворений, будь то добра или зла, ничуть не утратил своего существенного характера и лишь немногую часть своей силы.

“Я льщу себя надеждой, - говорит Юм во вступительных словах ”Эссе о чудесах“ в своем исследовании о человеческом понимании, - что я обнаружил аргумент подобного рода (он имеет в виду аргумент архиепископа Тиллотсона о пресуществлении), который, если он справедлив, станет для мудрых и образованных людей вечным препятствием для всякого рода суеверных заблуждений и, следовательно, будет полезен до тех пор, пока существует мир”. Юм, конечно, не переоценивал силу удара, который он нанес по сверхъестественному, одной из серий атак, которые во Франции и Великобритании перенесли войну в лагерь врага и изменили

его тактику с агрессивной на оборонительную. Но, тем не менее, верно и то, что “суеверные заблуждения”, против которых он использовал свою логическую артиллерию, не были уничтожены ни аргументами, ни доказательствами. Заблуждения и ошибки не исчезают в противоречивой войне. Они погибают под действием медленных и безмолвных изменений, к которым они не в состоянии приспособиться сами. Меняется атмосфера: организм не может ни реагировать, ни дышать; следовательно, он умирает. Таким образом, за исключением тех мест, где скрывается невежество, являющееся дыханием его жизни, полностью погибла вера в колдовство; так же медленно погибает вера в чудеса, а вместе с ней и вера в чудесные события, в воплощение, воскресение и вознесение Иисуса, на которых основаны фундаментальные догматы христианства и в которых во многом кроется секрет его давней враждебности к знанию.

ЧАСТЬ III.

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАУКИ.

Начиная С 1600 года н.э.

“Хотя науку, как и Природу, можно изгнать вилами, церковными или иными, все же она обязательно вернется снова”. — Хаксли, Предисловие к Собранию сочинений, том v.

Проявление более терпимого духа, о котором уже говорилось, имело свои пределы. Это правда, что доктор Саут, известный богослов, осудил Королевское общество (основано в 1645 году) как нерелигиозную организацию; хотя доктор Уоллис, один из первых членов, особо заявил, что “вопросы теологии” были “исключены”: задача заключалась в том, чтобы “обсуждать и рассматривать философские исследования и все, что с ними связано; как физику, анатомию, геометрию, астрономию, навигацию, статистику, магниты, химию и естественные эксперименты; с состоянием этих исследований и их развитием в стране и за рубежом”. Независимо от Юга и таких, как согласившись с ним, Торричелли занимался гидродинамикой и открыл принцип действия барометра; Бойль исследовал закон сжимаемости газов; Мальпиги исследовал мельчайшие формы жизни и строение органов под микроскопом; Рэй и Уиллоби классифицировали растения и животных; Ньютон теоретизировал о природе света; а Ремер измерил его скорость; Галлей оценил расстояние до солнца, предсказал возвращение комет и наблюдал прохождение Венеры и Меркурия; Хантер препарировал образцы и заложил основы науки сравнительной анатомии; и многие другие выдающиеся деятели внесли свой вклад в мировой запас знаний “беспрепятственно”, поскольку во всем этом “вопросы теологии были исключены”.

Но старый дух сопротивления пробудился, когда по прошествии долгого времени возобновились исследования в области науки, которой, как следует заметить, не было особого места среди предметов, которыми изначально занималось Королевское общество. Этой наукой была Геология; наука, призванная в своих конечных масштабах оказаться гораздо более мощным разрушителем догм, чем любой из ее конкурентов.

Кажется странным, что за открытием истинной формы и движения земли раньше не последовало исследование ее содержимого, но эти и другие открытия не затронули старые идеи об особом сотворении, и более или менее подробного описания процесса сотворения, приведенного в книге Бытия, было достаточно, чтобы возбудить любопытство. В различных областях неорганической вселенной земля была последней, кто стал объектом научного исследования; как и при изучении органической вселенной, человек исключал себя, пока наука не вынудила его включить.

Спустя более чем две тысячи лет ионийские философы снова “приходят в себя”. Считается, что Ксенофан из Колофона за пять столетий до нашей эры пришел к истинному объяснению отпечатков растений и животных на камнях. Пифагор, живший до него, возможно, если верить Овидию, писавшему ближе к христианской эре, пришел к некоторым здравым выводам о действии воды на изменения суши и морей. Но мы вступаем на более верную почву, когда знакомимся с географом Страбоном, жившим во времена правления Августа. Описывая страны, в которых он путешествовал, он отмечает их различные особенности и объясняет причины землетрясений и связанных с ними явлений. Затем проходит тысяча сто лет, прежде чем мы находим какое-либо объяснение подобного рационального характера. Это было изложено арабским философом Авиценной, чья теория происхождения гор кажется тем более удивительной, если вспомнить, какая интеллектуальная тьма окружала его. Он говорит, что “горы могут возникать по двум разным причинам. Либо это последствия потрясений земной коры, подобных тем, которые могут произойти во время сильного землетрясения, либо это действие воды, которая, проложив себе новый маршрут, обнажила долины, причем слои были разного типа, некоторые мягкие, некоторые твердые. Ветры и воды разрушают одно, но оставляют нетронутым другое. Большинство возвышенностей земли имеют это последнее происхождение. Для осуществления всех таких изменений потребовался бы длительный период времени, в течение которого сами горы могли бы несколько уменьшиться в размерах. Но то, что вода была главной причиной этих эффектов, доказывается существованием ископаемых останков водных и других животных на многих горах” (ср. книгу Осборна “От греков к Дарвину”, стр. 76). Аналогичное объяснение окаменелостей было дано инженером-художником Леонардо де Винчи в пятнадцатом веке и гончаром Бернардом Палисси в шестнадцатом веке; но с тех пор, более ста лет, земля была для человека как запечатанная книга. Более ранние главы его истории, однажды вновь открытые, больше никогда не закрывались. Какими бы разнообразными ни были теории причин, вызвавших многообразные изменения на его поверхности, они сходились в том, что требовали гораздо более длительной временной истории, чем Церковь была готова допустить. Если рассуждения геологов были здравы, то повествование в Книге Бытия было мифом. Отсюда возобновление борьбы между христианской церковью и Наукой, которая велась сначала в течение шести дней Творения.

То тут, то там, в давно минувшие дни раздавались голоса скептиков, отрицавших авторство Пятикнижия Моисея. Так было с Ла Пейрером, который в 1655 году опубликовал часть работы, в которой он предвосхитил то, что принято сегодня, но что тогда было сродни богохульству. Ибо он не только сомневается в том, приложил ли Моисей какую-либо руку к писаниям, приписываемым ему: он отвергает ортодоксальный взгляд на страдания и смерть как на наказание за непослушание Адама; и дает рационалистическую интерпретацию появления Вифлеемской звезды и тьмы при Распятии. Но Ла Пейрер стал католиком и, конечно же, отрекся от своих убеждений. Затем, ближе к тому времени, когда активизировались споры об историческом характере Священных Писаний, некто Астру, французский врач, предположил в

работе, опубликованной в 1753 году, что Моисей, возможно, использовал более древние материалы при составлении ранних частей Пятикнижия.

Но практически считалось, что пять книг, включенных под этим названием, были написаны Моисеем под божественным руководством. Утверждение в Книге Бытия о том, что Бог сотворил вселенную и ее содержимое, как живое, так и неживое, за шесть дней по двадцать четыре часа в каждом, было недвусмысленным. Истолкованный таким образом, как того требует их ясный смысл, архиепископ Ашер произвел свой знаменитый расчет времени, прошедшего между сотворением мира и рождением Христа. Доктор Уайт в своей важной книге "Война науки с теологией" приводит забавный пример применения метода Ашера в деталях. Богослов семнадцатого века, доктор Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета, вычислил, что "человек был сотворен Троицей 23 октября 4004 года до нашей эры, в девять часов утра". Тот же богослов, который, кстати, был очень выдающимся знатоком иврита, следуя толкованию великих Отцов Церкви, "провозгласил в результате глубокого и исчерпывающего изучения Священных Писаний, что "небо и земля, центр и окружность, а также облака, наполненные водой, были созданы все вместе, в одно и то же мгновение".

Считалось, что история о Всемирном потопе дает достаточное объяснение органических остатков, оставленных горными породами, но, поскольку этого не произошло, появилось множество фантастических теорий, объясняющих окаменелости. Говорили, что они возникли из-за "формирующего свойства" почвы; из-за ее "пластической силы"; из-за "гранильного сока"; из-за "брожения жирового вещества"; из-за "влияния небесных тел", или, как серьезно предположил покойный выдающийся натуралист Филипп Госсет в своей причудливой книге "Омфалос: попытка развязать геологический узел", они были всего лишь симулякрами, с помощью которых насмешливое Божество осудило любопытство человека. У каждого объяснения, кроме правильного и очевидного, были свои защитники, потому что было важно поддержать какую-то теорию, чтобы опровергнуть свидетельства, представленные останками животных, о существовании смерти в мире до грехопадения Адама. В противном случае утверждения Ветхого Завета, на которых основывались рассуждения Павла, были безосновательными, и дискредитировать их означало подрывать авторитет Священных Писаний от Книги Бытия до Апокалипсиса. Поэтому неудивительно, что теология взялась за оружие или что она увидела в геологии более смертоносного врага, чем астрономия в прошлые века. Сорбонна, или теологический факультет, в Париже сожгла книги геологов, изгнала их авторов, а в случае с Бюффеном, знаменитым натуралистом, осудила его отречься от ужасной ереси, которая была объявлена "противоречащей вероучению Церкви" и содержалась в следующих словах: "Воды моря породили горы и долины суши; воды небес, низводя все до уровня, в конце концов, передадут всю землю морю, и море, последовательно господствующее над сушей, оставит новые засушливые континенты, подобные тем, что были раньше". который мы населяем". Итак, старик повторил заявление Галилея и опубликовал свое отречение: "Я заявляю, что у меня не было намерения противоречить тексту Священного Писания; что я твердо верю во все, что в нем говорится о сотворении мира, как в отношении порядка времени, так и в отношении сути дела. Я отказываюсь от всего, что в моей книге касается образования земли, и вообще от всего, что может противоречить повествованию Моисея". Это было в 1751 году.

Если английские богословы не могли передать еретиков типа Бюффона в руки светских властей, они использовали все средства, которыми располагало разоблачение, для передачи их сатане.

В их адрес сыпались эпитеты; в их адрес выдвигались аргументы, почерпнутые из мира, проклятого Богом. Святой Иероним, живший в четвертом веке, указывал на потрескавшиеся и покореженные камни как на доказательство божественного гнева: теперь Уэсли и другие видели в “грехе моральную причину землетрясений, какой бы ни была их естественная причина”, поскольку до грехопадения Адама никакие конвульсии или извержения не нарушали спокойствия Рая. Тем временем зондирование земной коры продолжалось; среди всей кажущейся путаницы искаженных и метаморфизованных горных пород обнаружилась неизменная последовательность слоев и залегающих в них окаменелостей. Были названы различные причины огромных изменений, происходивших в течение обширных периодов; одна школа верила в действие вулканических и подобных катастрофических факторов; другая - в действие водных агентов, более последовательно видя в нынешних действиях объяснение причин прошлых изменений. Но не было никакого расхождения во мнениях относительно продления временной истории Земли и истории жизни на миллионы и миллионы лет.

Итак, когда этому больше нельзя было сопротивляться, теологи искали какую-то основу для компромисса по таким неосновным вопросам, как шесть дней творения. Было высказано предположение, что, возможно, они означали не седьмую часть недели, а периоды, или зоны, или что-то столь же гибкое; и что если бы повествование Моисея рассматривалось как поэтическое откровение общей последовательности явлений, начиная с развития порядка из хаоса и заканчивая сотворением человека, было бы обнаружено, что Священное Писание предвосхитило или раскрыло то, что подтверждает наука. Теологи утверждали, что между божественными произведениями и писаниями, которые, как предполагалось, имели божественное происхождение, не могло быть ничего иного, кроме гармонии. Наука не могла противоречить откровению, и все, что казалось противоречивым, было вызвано неправильным пониманием либо естественного факта, либо неправильным прочтением написанного слова. Но хотя история сотворения мира может быть облечена, как того требует столь возвышенная и волнующая тема, в поэтическую форму, историю грехопадения Адама и гибели его потомков, за исключением восьми человек, следует воспринимать во всей ее ужасающей буквальности. Подтверждение истории о Всемирном потопе было найдено в ископаемых раковинах на вершинах высоких гор; в то время как что касается гигантов допотопных времен, то доказательством были огромные кости. Некоторые из этих реликвий мастодонта и мамонта действительно были развешаны в церквях как свидетельство того, что “в те дни были гиганты”! Жоффруа Сент-Илер рассказывает о некоем Анрионе, который в 1718 году опубликовал книгу, в которой рост Адама оценивается в сто двадцать три фута девять дюймов, а Евы - в сто восемнадцать футов девять дюймов, при этом Ной был несколько меньшего роста. Но переговоры с наукой губительны для теологии. Более того, аргументы, которые высмеивают поддерживаемую ими причину, могут быть предоставлены самим себе для опровержения. И пока теология колебалась, как в забавном примере, приведенном Библейским словарем доктора Уильяма Смита (опубликованном в 1863 году), в котором читатель, открывая статью “Потоп”, обращается к “Потопу”, а оттуда к “Ною”, археология предоставила халдейский оригинал легенды, откуда происходит история о потопе. С искренностью, столь же похвальной, сколь и редкой, преподобный профессор Драйвер, цитата из которого уже приводилась, признает, что “прочтенное без предубеждения повествование Первой книги Бытия создает впечатление, расходящееся с фактами, открытыми наукой”; все попытки примирения являются лишь “различными способами стирания характерных черт Книги Бытия, и вычитания из нее точки зрения, которую она не выражает”.

В то время как аргументы в пользу буквального толкования Книги Бытия оспаривались, вторгающаяся сила, набиравшая силу с годами, продвигалась вперед в лице биологической науки. Работники там делятся на два класса: одни, представленные Линнеем и его школой, занимались классификацией и наименованием растений и животных; другие, представленные Кювье и его школой, изучали структуру и функции. Анатомия прояснила механизм, физиология - работу, которую он выполнял, и условия, при которых эта работа выполнялась. Затем, благодаря сравнению соответствующих органов и их функций у различных форм жизни, пришло растущее понимание их единства. Но лишь до немногих доходили проблески этого единства как доказательства общего происхождения растений и животных, ибо, за исключением разрозненных намеков на взаимосвязь между видами, которые встречаются со времен лорда Бэкона и далее, теория их неизменности была доминирующей еще сорок лет назад.

Четыре человека составляют главный авангард биологического движения. "Современный метод классификации и номенклатура в значительной степени выросли из работ Линнея; современная концепция биологии как науки и ее связи с климатологией, географией и геологией в значительной степени основаны на трудах Бюффона; сравнительная анатомия и палеонтология в огромном долгу перед результатами Кювье; в то время как зоология беспозвоночных и возрождение идеи эволюции тесно зависят от результатов работ Ламарка. Другими словами, основные результаты биологии до первых лет этого столетия можно найти в работах этих людей или вытекают из них".

Линнею, сыну лютеранского пастора, родившемуся в шведском городе Эшульте в 1707 году, едва минуло двадцать пять лет, как он заложил основу системы классификации, носящей его имя, системы, которая с тех пор претерпела изменения с развитием знаний. Основываясь на внешнем сходстве, его формулировка была возможна только для ума, сосредоточенного на мельчайших и точных деталях и менее внимательного к общим принципам. Короче говоря, работа Линнея была конструктивной, а не интерпретирующей. Отсюда, возможно, в сочетании с распространенными в то время теологическими идеями причина, по которой более широкий вопрос о постоянстве видов не входил в его компетенцию. Для него каждое растение и животное сохраняли отпечаток Творческой руки, сформировавшей их "в начале", и на протяжении всей своей трудовой жизни он лишь незначительно отступал от плана, с которого начинал, а именно "подсчитывал столько видов, сколько было выведено парами" по Всемогущему указу.

Не так обстоит дело с Бюффоном, родившимся в поместье своего отца в Бургундии в тот же год, что и Линней, которого он пережил на десять лет и умер в 1788 году. Его мнения, вступавшие в противоречие с ортодоксальными верованиями, были высказаны в пробной, вопрошающей манере, так что там, где обрушивалось церковное порицание, отступить было легче. Как было видно из его поступления в Сорбонну, он не был сделан из того материала, из которого делают мучеников. Возможно, он чувствовал, что окончательная победа его взглядов была достаточно обеспечена, чтобы сделать самопожертвование ненужным. Но под прикрытием притворства при расследовании его убеждения достаточно ясны. Он не верил в постоянную стабильность видов и отметил, в качестве доказательства этого, необъяснимое иным образом наличие абортированных или рудиментарных структур. Например, он говорит: "свинья, по-видимому, не была сформирована по оригинальному, особому и совершенному плану, поскольку она представляет собой соединение других животных; у нее есть явно бесполезные части, или, скорее, части, которыми она не может никак воспользоваться, пальцы ног, все кости которых

идеально сформированы и которые, тем не менее, не приносят ей никакой пользы. Природа далека от того, чтобы подчинять себя конечным причинам при формировании своих созданий”. Затем, далее, демонстрируя свою убежденность в неустойчивости видов, он говорит, как много из них, “совершенствуясь или вырождаясь под воздействием больших изменений на суше и на море, благосклонности или немилости Природы, пищи, длительных влияний климата, противоположных или благоприятных, уже не те, какими они были раньше”. Но он пишет с оглядкой на Сорбонну, когда, намекая на возможного общего предка лошади и осла, обезьяны и человека, лукаво добавляет, что, поскольку Библия учит обратному, этого не может быть. Таким образом, он атаковал скрытно; скрытно, а не прямым нападением; и тем, кто читал между строк, был дан ключ, с помощью которого можно было отпереть дверь к решению многих биологических проблем. Следовательно, Бюффон был самым вдохновляющим и наводящим на размышления натуралистом восемнадцатого века. Между ним и Ламарком, как по времени, так и по последовательности идей, стоит Эразм Дарвин, выдающийся дед Чарльза Дарвина.

Родившийся в Итоне, недалеко от Ньюарка, в 1731 году, он обошел больницы Лондона и Эдинбурга и на несколько лет поселился в Личфилде, в конце концов переехав в Дерби. Со времен Лукреция ни один научный писатель не облакал свои космогонические размышления в стихи, пока доктор Дарвин не создал "героический метр", в стереотипную форму которого была облечена поэзия его времени, средство риторических описаний любви цветов и эволюции большого пальца. Любовь к растениям, высмеянная в "Любви к треугольникам" в "Антиякобинском", не может быть названа на одном дыхании *De rerum Natura* из-за величественной дикции и величественных движений. Но и прозаическое произведение "Зоономия", и поэма "Храм природы" (опубликована после смерти автора в 1802 году) претендуют на признание как зрелое выражение выводов, к которым дальновидный, вдумчивый и, вместе с тем, эксцентричный доктор пришел в последние годы своей жизни. Книга Краузе "Жизнь и изучение трудов Эразмуса Дарвина" дает прекрасное представление о содержании книг, которые сейчас редко снимают с полок, и ясно показывает, что корень проблемы лежал в их авторе. Его наблюдения и чтение, поскольку влияние Бюффона и других очевидно в его трудах, привели его к отказу от существующей веры в раздельное сотворение видов. Он увидел, что эта теория совершенно не в состоянии объяснить существование аномальных форм, приспособление структуры органов к их работе, различия между живыми существами и другие особенности, несовместимые с доктриной “пусть будут львы, и львы были”. Был процитирован его пронизательный комментарий к предформационному понятию развития (стр. 20). Суть его аргументации в поддержку “физической основы жизни” такова: “Когда мы прокручиваем в уме метаморфозы животных, например, превращение головастика в лягушку; во-вторых, изменения, вызванные искусственным выращиванием, как в породах лошадей, собак и овец; в—третьих, изменения, вызванные климатическими условиями и временем года, как в том, что овцы в странах с теплым климатом покрываются шерстью вместо шерсти, а зайцы и куропатки в северных странах зимой становятся белыми; когда, далее, мы наблюдаем изменения структуры, вызванные привычкой, мы обнаруживаем, что овцы в теплом климате становятся белыми зимой”. как это особенно заметно людям разных профессий; или изменения, вызванные искусственным увечьем и пренатальными влияниями, как при скрещивании видов и появлении чудовищ; в-четвертых, когда мы наблюдаем существенное единство плана у всех теплокровных животных, мы приходим к выводу, что они были одинаково произведены из сходной живой нити”. Заключительные слова этого отрывка представляют собой замечательный подход к современной теории происхождения жизни в сложной желеобразной протоплазме, или, как

некоторые называют ее, нуклеине или нуклеоплазме. И по этому поводу Эразм Дарвин далее замечает: “Поскольку земля и океан, вероятно, были заселены растительными растениями задолго до существования животных, а многие семейства этих животных задолго до появления других животных из них, должны ли мы предположить, что один и тот же вид живых нитей является и был причиной всей органической жизни?” Он также не делает никаких исключений из этого закона органического развития. Он цитирует Бюффона и Гельвеция по этому поводу— “многие особенности анатомии человека указывают на прежнее четвероногое положение и указывают на то, что он еще не полностью приспособлен к прямохождению; что, кроме того, человек, возможно, произошел от одного семейства обезьян, у которых случайно противоположная мышца прижала большой палец к кончикам пальцев, и что эта мышца постепенно увеличивалась в размерах за счет использования в последующих поколениях”. В то время как мы, живущие в наши дни более полного познания факторов вариации, можем обнаружить *минус* во всех предыдущих предположениях, наш интерес возрастает при мысли об их близком приближении к кардинальному открытию. Беглый просмотр более поздних работ доктора Дарвина показывает, что едва ли найдется хоть одна сторона великой теории Эволюции, которая ускользнула бы от его внимания или наводящих на размышления комментариев. Грант Аллен в своей превосходной небольшой монографии о Чарльзе Дарвине говорит, что теория “естественного отбора была единственной кардинальной в эволюционной системе, по которой Эразм Дарвин фактически не опередил своего более знаменитого тезку. Для полного восприятия открытие Мальтуса должно было быть сопоставлено с рассуждениями Бюффона”.

В Историческом очерке о развитии мнения о происхождении видов, которым Дарвин снабдил свою книгу, он называет Ламарка “первым человеком, чьи выводы по этому вопросу привлекли большое внимание”, оказавшим “выдающуюся услугу по привлечению внимания к вероятности того, что все изменения в органическом, так же как и в неорганическом мире, являются результатом закона, а не чудесного вмешательства”. Ламарк родился в Безантене, в Пикардии, в 1744 году. Предназначенный для церкви, он выбрал армию, но травма, полученная в результате розыгрыша, прервала его карьеру солдата. Затем он стал банковским клерком, и этим занятием обеспечил себе досуг для своего любимого занятия естественной историей. Под влиянием Бюффона он получил государственную должность и в конечном итоге стал коллегой Кювье и Жоффруа Сент-Илера в Музее естественной истории в Париже. О Кювье здесь будет достаточно сказать, что он до конца своей жизни оставался верующим в особое творение, или, что то же самое, в серию особых творений, которые, по его мнению, последовали за катастрофическим уничтожением предшествующих растений и животных. Хотя по убеждениям он был ортодоксален, его исследования противоречили его принципам, потому что его важная работа по реконструкции скелетов давно вымерших животных заложила основы палеонтологии.

Ламарку, говорит Геккель, “всегда будет принадлежать бессмертная слава того, что он впервые разработал Теорию происхождения как независимую научную теорию первого порядка и как философскую основу всей науки биологии”. Он учил, что на заре жизни возникли только самые простые и низшие животные и растения; из них развились растения более сложного строения; сам человек произошел от обезьяноподобных млекопитающих. Аристотелевскую механическую фигуру жизни как лестницы с ее отдельными ступенями он заменил более подходящей фигурой дерева как взаимосвязанного организма. Он утверждал, что ход развития земли, а также всей жизни на ней, был непрерывным и не прерывался насильственными революциями. В этом он следовал Бюффону и Хаттону. Бюффон в своей Теории Земли

утверждает, что “чтобы понять, что происходило в прошлом или что произойдет в будущем, нам нужно всего лишь наблюдать за тем, что происходит в настоящем”. Это лейтмотив современной геологии. “Жизнь, - добавляет Ламарк, - это чисто физическое явление. Все его явления зависят от механических, физических и химических причин, которые присущи природе самой материи”. Он верил в форму самопроизвольного зарождения. Отвергая теорию Бюффона о прямом действии окружающей среды как факторов изменений в живых существах, он резюмирует причины органической эволюции в следующих положениях:

1. Жизнь стремится с помощью присущих ей сил увеличивать объем каждого живого тела и всех его частей до предела, определяемого ее собственными потребностями.
2. Новые потребности у животных порождают новые движения, которые производят органы.
3. Развитие этих органов пропорционально их занятости.
4. Новые разработки передаются потомству.

Второе и третье положения были проиллюстрированы примерами, которые не без оснований вызвали насмешки. Ламарк объясняет длинную шею жирафа тем, что этот орган постоянно вытягивается, чтобы дотянуться до листьев на верхушках деревьев; длинный язык муравьеда или дятла - тем, что эти существа высовывают его, чтобы добраться до пищи в канаве или расщелине; перепончатые лапы водных животных - тем, что перепонки между пальцами ног растягиваются при плавании; а вертикальное положение человека - постоянными усилиями его обезьяноподобных предков держаться вертикально. Безногое состояние змея, которое в легенде об Эдемском саде объясняется моральными соображениями, Ламарк объясняет так: “Змеи произошли от рептилий с четырьмя конечностями, но, усвоив привычку передвигаться по земле и прятаться среди кустов, их тела, вследствие неоднократных попыток удлиниться и пройти через узкие пространства, приобрели значительную длину, совершенно непропорциональную своей ширине. Поскольку длинные лапы были бы совершенно бесполезны, а короткие лапы были бы неспособны двигать телом, результатом стало прекращение использования этих частей, что в конечном итоге привело к их полному исчезновению, хотя изначально они были частью плана организации у этих животных”. Открытие действенной причины модификаций, которую Ламарк относит к усилиям самих существ, поместило его размышления в музей биологических диковинок; но по сей день бушуют острые споры по поводу вопроса, поднятого в четвертом предложении Ламарка, а именно о передаче потомству признаков, приобретенных родителем при жизни. Этот животрепещущий вопрос Вейсмана и его оппонентов, касающийся серьезной проблемы наследственности, останется нерешенным до тех пор, пока длинный ряд наблюдений не предоставит материал для суждений.

Ламарк, бедный, заброшенный и слепой в преклонном возрасте, умер в 1829 году. И Кювье, который высмеивал его, и Гете, который никогда о нем не слышал, скончались три года спустя. Через год после его смерти, когда Дарвин был студентом Кембриджа, Лайелл опубликовал свои “Принципы геологии”, работу, призванную помочь проложить путь к устранению одной трудности, сопутствующей решению теории происхождения видов, а именно, огромного периода времени для истории жизни на земном шаре, которого требует эта теория. Однако, поскольку Лайелл в то время верил — хотя, как и некоторые другие люди его времени, колебался — в постоянство видов, он преследовал иные цели, чем те, которым способствовала его книга.

Но он писал непредвзято, не будучи, как говорит Герберт Спенсер о Хью Миллере, “теологом, изучающим геологию”. Следуя теориям единообразия действия, изложенным Хаттоном, Бюффоном и тем трудолюбивым геодезистом Уильямом Смитом, который объехал вдоль и поперек Англию, составляя карты последовательности горных пород и сводя в таблицу окаменелости, характерные для каждого слоя, Лайель подробно продемонстрировал, что формирование и особенности земной коры объясняются действием все еще действующих причин. Он был одним из многих, каждый из которых работал независимо в разных областях исследований; каждый, сам того не желая, собирал доказательства, которые помогли бы опровергнуть старые идеи и поддержать новые теории.

Через год после появления "Принципов геологии" в мир незамеченным прокрался трактат некоего Патрика Мэтью о морской древесине и лесоводстве, под неинтересным названием которого предвосхищалась теория Дарвина. Об этом, однако, как о еще более раннем ожидании, чуть позже. Примерно в этот период фон Бэр, исследуя эмбрионы животных, показал, что существа, столь непохожие друг на друга во взрослом состоянии, такие как рыбы, ящерицы, львы и люди, настолько похожи друг на друга на ранних стадиях своего развития, что между ними невозможно обнаружить никаких различий. Но самого фон Бэра предвосхитил Меккель, написавший в 1811 году следующее: “Нет ни одного хорошего физиолога, которого случайно не поразило бы наблюдение, что первоначальная форма всех организмов одна и та же, и что из этой одной формы все, как низшие, так и высшие, развиваются таким образом, что последние проходят через постоянные формы первых как переходные стадии” (Осборн "От греков к Дарвину", стр. 212). В области ботаники Конрад Шпренгель, живший в восемнадцатом веке, показал работу насекомых по оплодотворению растений. После своих исследований Роберт Браун прояснил способ развития растений, а сэр Уильям Хукер проследил их привычки и географическое распространение. Фон Мол открыл материальную основу как растений, так и животных, которую он назвал “протоплазмой”. В 1844 году, за девять лет до того, как Фон Мол рассказал историю возникновения жизни из, казалось бы, бесструктурного желе, появилась книга, которую критики того времени обвинили в том, что она “отравляет источники науки и подрывает основы религии”. Это были некогда знаменитые "Следы творения", признанные после его смерти работой Роберта Чемберса, в которой происхождение и движение солнечной системы объяснялись как определяемые едиными законами, которые сами по себе являются выражением Божественной силы. Организмы, “от простейших и древнейших до самых высоких и новейших”, были результатом “врожденного импульса, переданного Всемогущим, как для продвижения их по нескольким ступеням, так и для изменения их структуры в зависимости от обстоятельств”. Хотя сейчас эта книга упоминается только как “топчущаяся на месте” в истории теории эволюции, она произвела сенсацию, которая угасла всего через несколько лет после ее публикации. Дарвин отмечает по этому поводу в своем Историческом очерке, что, хотя в более ранних изданиях было представлено мало точных сведений и большой недостаток научных знаний, оно оказало отличную услугу в этой стране, привлекая внимание к предмету, устраняя предрассудки и, таким образом, подготавливая почву для восприятия аналогичных взглядов “.

Через три года после обнаружения Остатков произошло, хотя тогда никто этого не знал или, зная этот факт, не признал бы этого, еще большее “подрывание основ” ортодоксальной веры, когда мсье Буше де Перт продемонстрировал несколько кремневых орудий грубой формы, которые время от времени находили в нетронутых до сих пор отложениях песка и гравия — старых руслах рек — в долине Соммы, недалеко от Аббевиля, в Пикардии. Ибо эти грубые каменные орудия и оружие, сделанные человеком, свидетельствовали о существовании диких

рас людей в Европе в смутном и не знающем дат прошлом и далеко продвинулись в опровержении теорий о его райском состоянии в тот памятный “23 октября 4004 года до нашей эры”, когда, согласно подсчетам доктора Лайтфута (см. стр.103), был сотворен Адам. В то время как кирка в виде тревожащих кремневых ножей и наконечников копий, пролежавших бесчисленные века, вызвала еще больше беспокойства, английские и немецкие философы формулировали внушительную теорию, которая под названием Сохранения энергии проясняет неразрушимость как материи, так и движения. Затем, чтобы завершить подготовительную работу, вызванную открытиями, которые теперь кратко изложены, в ныне несуществующей газете "Лидер" в номере от 20 марта 1852 года появилась статья Герберта Спенсера о гипотезе развития, в которой встречается следующий поразительный пассаж: “Те, кто бесцеремонно отвергают Теорию эволюции как недостаточно подтвержденную фактами, похоже, совершенно забывают, что их собственная теория вообще не подкреплена никакими фактами. Подобно большинству людей, рожденных с определенной верой, они требуют самых строгих доказательств любой противоположной веры, но предполагают, что их собственная в этом не нуждается. Здесь мы находим разбросанные по земному шару растительные и животные организмы, насчитывающие, по одному виду (согласно Гумбольдту), около 320 000 видов, а по другому - около 2 000 000 видов (см. Карпентер); и если к ним мы добавим количество видов животных и растений, которые вымерли, мы можем с уверенностью оценить количество видов, которые существовали и существуют на земле, не менее чем в *десять миллионов*. Итак, какая теория наиболее рациональна относительно этих десяти миллионов видов? Наиболее вероятно ли, что существовало десять миллионов особых творений? или, скорее всего, в результате постоянных модификаций, вызванных изменением обстоятельств, было выведено десять миллионов разновидностей, которые производятся до сих пор?... Даже если бы сторонники гипотезы развития просто показали, что возникновение видов в процессе модификации возможно, они были бы в лучшем положении, чем их оппоненты. Но они могут сделать гораздо больше. Они могут показать, что процесс модификации произвел и производит решительные изменения во всех организмах, подверженных модифицирующим воздействиям.... Они могут показать, что в последующих поколениях эти изменения продолжают до тех пор, пока, в конечном счете, новые условия не станут естественными. Они могут показать, что у культурных растений, одомашненных животных и у нескольких человеческих рас происходили такие изменения. Они могут показать, что степени производимых таким образом различий часто, как у собак, больше, чем те, на которых в других случаях основаны различия видов. Они также могут показать, что изменения, ежедневно происходящие в нас самих, — легкость, сопутствующая длительной практике, и потеря способностей, которая начинается, когда практика прекращается, — усиление страстей, которые обычно удовлетворяются, и ослабление тех, которые обычно обуздываются, — развитие каждой способности, физической, моральной или интеллектуальной, в зависимости от того, как ее использовать, — все это можно объяснить по этому же принципу. И таким образом они могут показать, что во всей органической природе действует модифицирующее влияние того типа, который они считают причиной этих специфических различий; влияние, которое, хотя и действует медленно, со временем, если того требуют обстоятельства, производит заметные изменения — влияние, которое, по всей видимости, произвело бы за миллионы лет и при большом разнообразии условий, которые предполагают геологические записи, любые изменения”.

Эта цитата показывает, как, возможно, не могла бы показать никакая другая ссылка, что к середине нынешнего столетия наука была на грани открытия того “модифицирующего

влияния”, о котором говорит м-р Спенсер. Это открытие ясно показало, как все, что ему предшествовало, не только способствовало этому, но и приобрело значение и ценность, которые без него невозможно было бы обеспечить. Когда связь нескольких частей с целым стала очевидной, каждая встала на свое место, как кусочки детской карты-головоломки.

Ведущие деятели науки.

С 800 По 1800 год Н.Э.

Имя.	Место и дата рождения.	Умер.	Специальность.
Гебер (Джафер).	Месопотамия, 830 год.		Самый ранний известный химик.
Авиценна (Ибу Сина).	Бухара, 980.	1037	Толкователь Аристотеля; врач и геолог.
Аверроэс (Ibu Roshd).	Испания, 1126.	1198	Переводчик и комментатор Аристотеля.
Роджер Бэкон.	Илчестер, 1214.	1292	Первый английский экспериментатор.
Христофор Колумб.	Генуя, 1445.	1506	Первооткрыватель Америки, 1492.
Васко де Гама.	Синес, 1469. (Португалия.)	1525	Плавал вокруг Юга Африки, 1497.
Фердинанд Магеллан.	Вилле де Саброза, 1470.	1521	Кругосветный мореплаватель, 1519.
Николай Коперник.	Торн, 1473 год. (Пруссия.)	1543	Первооткрыватель Солнца как центра нашей Солнечной системы.
Andreas Vesalius.	Брюссель, 1514.	1564	Анатом человека.
Конрад Геснер.	Цюрих, 1516.	1565	Классификация растений и животных.
Эндрю Чезальпино.	Arezzo, 1519. (Тоскана.)	1603	Ботаник-сравнитель.
Тихо Браге.	Кнудstrup, 1546 год. (Швеция.)	1601	Собиратель астрономических данных.
Giordano Bruno.	Нола, 1550.	1600	Изложитель системы Коперника и философ.
Фрэнсис, лорд Бэкон.	Лондон, 1561.	1626	Толкователь индуктивной

Галилео Галилей.	Пиза, 1564.	1642	философии. Многочисленные астрономические открытия.
Johann Kepler.	Вюртембург, 1571.	1630	Первооткрыватель Трех законов движения планет.
Томас Гоббс.	Малмсбери, 1588.	1679	Один из основоположников современной этики.
René Descartes.	La Haye, 1596. (Турень.)	1650 г.	Сведение всех явлений к понятиям материи и Движения. (Дуализм.)
Бенедикт Спиноза.	Амстердам, 1632.	1677	Сведение всех Явлений к понятиям Субстанции= Бога. (Монизм.)
Джон Локк.	Ринг, 1632. (Сомерсет.)	1704	Философ-моралист.
Gottfrid Wilhelm Leibnitz.	Лейпциг, 1646.	1716	Философ и математик.
Сэр Исаак Ньютон.	Вулсторп, 1642 год. (Линкольн.)	1727 г.,	Толкователь Закона всемирного тяготения.
Эдмунд Галлей.	Лондон, 1656.	1741	астроном.
Дэвид Хартли.	Иллингворт, 1705.	1757	Психология человека.
Carl von Linnaeus.	Рошульт, 1707 год. (Швеция.)	1778	Систематическая ботаника и зоология.
Граф де Бюффон.	Бургундия, 1707.	1788	Вклад биологии в теорию эволюции и геологию.
Дэвид Хьюм.	Эдинбург, 1711.	1776	Философия анти-сверхъестественного; вся наука, сходящаяся в человеке.
Иммануил Кант.	Кенигсберг, 1724.	1804	Сформулировал теорию туманностей.
Джеймс Хаттон.	Эдинбург, 1726.	1797	Геолог: униформист.
Эразм Дарвин.	Элтон, 1731 год. (Линкольншир.)	1802	(См. Буффона.)
Сэр Уильям Гершель.	Ганновер, 1738.	1822	Астроном.

Жан Батист Ламарк.	Базантий, 1744.	1829	Биолог: Вклад в борьбу с постоянством видов.
Маркиз де Лаплас.	Бомон-ан-Анж, 1749.	1827	Изложитель теории туманностей.
Conrad Sprengel.	Померания, 1766.	1833	ботаник.
Джон Далтон.	Иглсфилд, 1767 год. (Камберленд.)	1844 г.,	Создатель современной атомной теории.
Барон Кювье.	Монбельяр, 1769.	1832	Палеонтолог и анатом.
Джефф. Сент-Илер.	Этамп, 1772.	1844	зоолог.
Alexander von Humboldt.	Берлин, 1769.	1859	Исследователь.
Уильям Смит.	Черчилль, 1769 год. (Оксон.)	1840	геолог: нанес на карту слои Великобритании.
Буше де Перт.	1788	1868	гг. Первооткрыватель свидетельств древности человека.
Сэр Уильям Хукер.	Норвич, 1785.	1865	Ботаник.
Сэр Чарльз Лайелл.	Киннорди, 1797. (Форфаршир.)	1875	геолог: разработал теорию Хаттона.
Ernst von Baer.	Эстония, 1792.	1876	Эмбриолог: закон органического развития.
Сэр Ричард Оуэн.	Ланкастер, 1804.	1892	палеонтолог.
Hugo von Mohl.	Германия, 1805.	1872	Первооткрыватель протоплазмы.
Theodor Schwann.	Neuss, 1810. (Пруссия.)	1882	Основатель клеточной теории.
Hermann von Helmholtz.	Потсдам, 1821.	1894	Сформулировал доктрину сохранения энергии.

ЧАСТЬ IV.

СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.

1. Дарвин и Уоллес.

Мы должны иметь дело с Человеком как продуктом Эволюции; с обществом как продуктом Эволюции; и с моральными явлениями как продуктами Эволюции. Герберт Спенсер, "Принципы этики", § 193.

Чарльз Роберт Дарвин (второе имя он использовал редко) родился в Шрусбери 12 февраля 1809 года. Он происходил из длинного рода линкольнширских йоменов, чьи предки произносили это имя по-разному, как Дарвин, Дервент и Дарвинн, возможно, производя его от реки с родственным названием. Его отец был добрым, преуспевающим врачом с достаточной научной репутацией, чтобы обеспечить себе избрание в Королевское общество, хотя тогда эту желанную честь было получить легче, чем сейчас. О более знаменитом дедушке, Эразме Дарвине, достаточно напомнить, что и его проза, и поэзия были проводниками наводящих на размышления рассуждений о развитии форм жизни. Обращаясь к простым фактам и датам, для прояснения дальнейшего, можно добавить, что Чарльз Дарвин получил образование в начальной школе своего родного города; что он перешел оттуда в Эдинбургский и Кембриджский университеты; работал добровольцем-натуралистом на борту "Бигля" с декабря 1831 по октябрь 1836 года; что он опубликовал свою эпохальную книгу "Происхождение видов" в ноябре 1859 года; и что он был похоронен рядом с сэром Исааком Ньютоном в Вестминстерском аббатстве 26 апреля 1882 года.

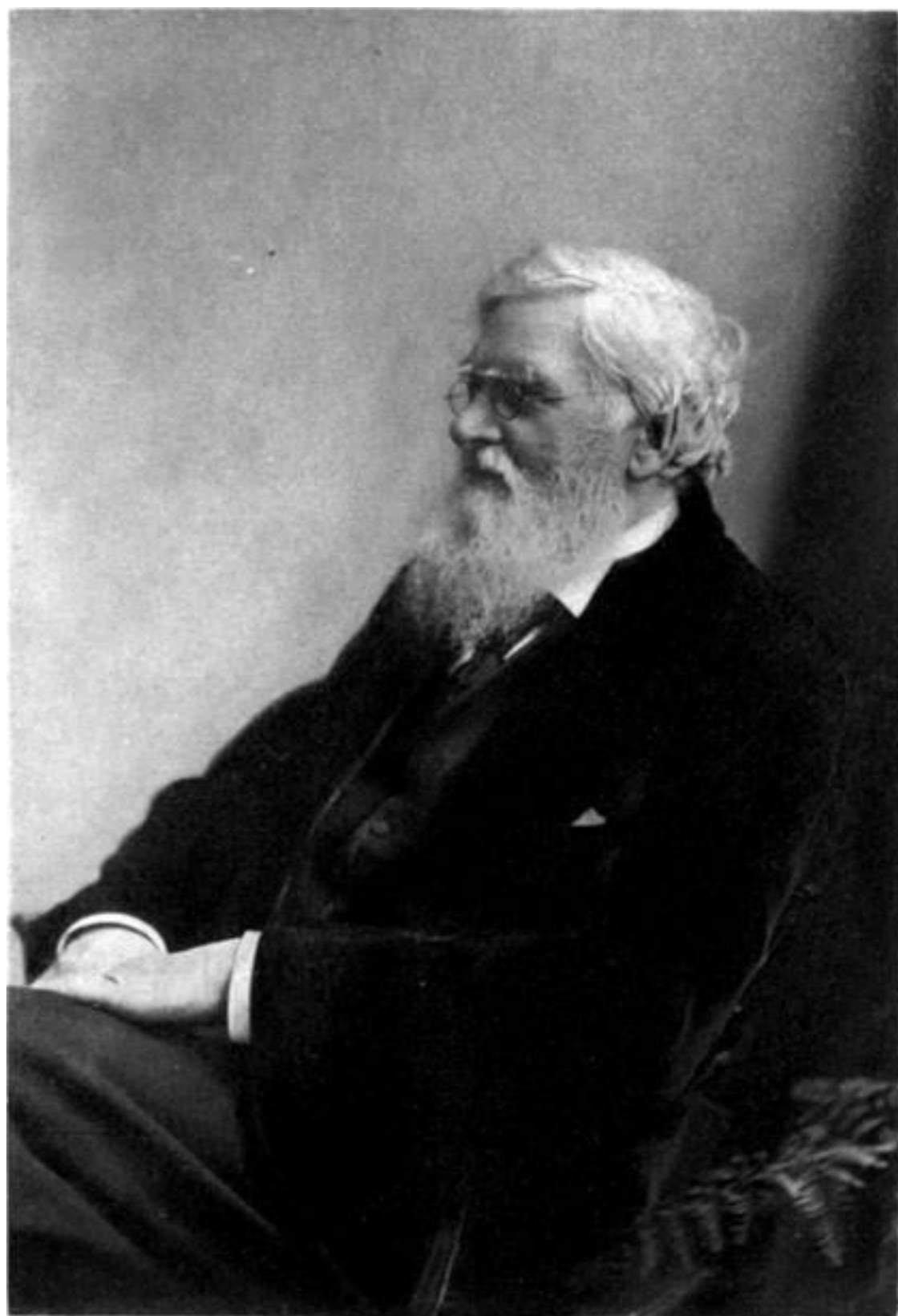

Photo by London Stereoscopic Co.

From Darwin's biography by C.

Alfred R. Wallace

Как и многие другие люди "света и руководства", ни школа, ни университет ничего особенного для него не сделали, и его отрочество не предвещало будущего величия. В своих ответах на серию вопросов, адресованных различным ученым в 1873 году его выдающимся кузеном Фрэнсисом Гальтоном, он говорит: "Я считаю, что все, что я узнал сколько-нибудь ценного, было получено самоучкой", и добавляет, что его образование не способствовало развитию методов наблюдения или рассуждения. О средней школе Шрусбери, куда после смерти своей матери (дочери Джосайи Веджвуда, знаменитого гончара) на девятом курсе он был помещен в качестве пансионера до шестнадцати лет, он рассказывает нам в скромной и откровенной автобиографии, опубликованной в журнале *Life and Letters*: "ничто не могло быть хуже для развития моего ума". Все, чему его учили, - это классика и немного древней географии и истории; никакой математики и никаких современных языков. К счастью, он унаследовал вкус к естественной истории и коллекционированию, и его трофеи включали не только раковины и растения, но также монеты и печати. Когда доктору Батлеру, директору школы, стало известно о том, что он помогал своему брату в химических экспериментах, этот иссушенный педагог публично упрекнул его "за то, что он тратит время на такие бесполезные предметы". Тогда его отец, разозлившись, обнаружив, что он плохо учится в школе, упрекнул его в том, что он не интересуется ничем, кроме стрельбы, собак и ловли крыс, и заявил, что он будет позором семьи! Он отправил его вместе с братом изучать медицину в Эдинбургский университет, но Дарвин находил скучные лекции невыносимыми, а вид крови вызывал у него тошноту, как и у его отца. Хотя эффект от "невероятно" сухих лекций по геологии заставил его — будущего секретаря Геологического общества! — поклясться никогда не читать книг по этой науке или каким-либо образом изучать ее, его интерес к биологическим предметам рос, и его первые плоды были продемонстрированы в докладе, прочитанном перед Плинианским обществом в Эдинбурге в 1826 году, в котором он сообщил о своем открытии, что так называемые яйцеклетки *Flustra*, или морского коврика, были личинками.

Но его отцу пришлось смириться с тем фактом, что Дарвину не нравилась идея стать врачом, и, опасаясь, что он выродится в праздного спортсмена, предложил ему стать священником! Дарвин говорит по этому поводу:

Я попросил немного времени на размышление, поскольку из того немногочисленного, что я слышал или думал по этому поводу, я не решался заявить о своей вере во все догмы Англиканской церкви, хотя в остальном мне нравилась мысль стать сельским священником. Соответственно, я внимательно прочитал "Пирсон о символе веры" и несколько других книг по богословию; и, поскольку я тогда ни в малейшей степени не сомневался в строгой и буквальной истинности каждого слова в Библии, я вскоре убедил себя, что наше вероучение должно быть полностью принято. Учитывая, с какой яростью я подвергался нападкам со стороны ортодоксов, кажется нелепым, что я когда-то намеревался стать священнослужителем. От этого намерения и желания моего отца никогда официально не отказывались, но я умер естественной смертью, когда, покинув Кембридж, присоединился к "Биглю" в качестве натуралиста. Если верить френологам, то в одном отношении я вполне подходил на роль священнослужителя. Несколько лет назад секретари немецкого психологического общества настойчиво просили меня в письме о моей фотографии; и некоторое время спустя я получил протокол одного из собраний, на котором, казалось, форма моей головы была предметом публичного обсуждения, и один из выступавших заявил, что у меня достаточно развита шишка благоговения для десяти священников.

Результатом стало то, что в начале 1828 года Дарвин отправился в Кембридж, три года, проведенные в котором, были “потрачены впустую с точки зрения академических исследований”. Его страсть к стрельбе и охоте привела его в спортивную компанию, где играли в карты и выпивали, но наука стала его спасением. Ни одно занятие не доставляло ему такого удовольствия, как коллекционирование жуков, примером его усердия в этом является следующее: “Однажды, сдирая старую кору, я увидел двух редких жуков и схватил по одному в каждую руку; затем я увидел третий, новый вид, потерять который я не мог, поэтому отправил в рот того, которого держал в правой руке. Увы! он выбросил какую-то очень едкую жидкость, которая обожгла мне язык, так что я был вынужден выплюнуть жука, который пропал, как и третий”.

К счастью для своей будущей карьеры и, следовательно, для интересов науки, Дарвин сблизился с такими людьми, как Уэвелл, Хенслоу и Седжвик, в то время как чтение личного повествования Гумбольдта и “Введения в натурфилософию” сэра Джона Гершеля пробудило в нем “горячее рвение внести даже самый скромный вклад в благородную структуру естествознания”. Обет сторониться геологии был быстро нарушен, когда он попал под влияние Седжвика, но именно дружба с Хенслоу определила его дальнейшую карьеру и помешала ему стать “преподобным”. Чарльз Дарвин.” Ибо, вернувшись из геологической поездки по Уэльсу с Седжвиком, он обнаружил, что его ждет письмо от Хенслоу, смысл которого заключен в следующем отрывке:

“Пикок (Лоундский профессор астрономии в Кембридже) попросил меня порекомендовать ему натуралиста в качестве компаньона капитана Фиц-Роя, нанятого правительством для исследования южной оконечности Америки. Я заявил, что считаю вас самым квалифицированным человеком из всех, кого я знаю, кто мог бы взяться за подобную ситуацию”.

В связи с этим представляет интерес следующая запись из записной книжки Дарвина за 1831 год: “Вернулся в Шрусбери в конце августа. Отказался от предложения отправиться в путешествие”.

Этот отказ был дан по просьбе его отца, который возражал против этого плана как “дикого и тревожного, а также подрывающего его репутацию священника”; но вскоре он уступил по совету своего шурина Джосайи Веджвуда и по просьбе Дарвина, который “должен быть чертовски умен, чтобы тратить больше, чем ему полагается, находясь на борту “Бигля””. На это его отец ответил с улыбкой: “Но они говорят мне, что ты очень умен”. Забавно обнаружить, что Дарвин едва избежал отказа Фиц-Роя, который, будучи учеником Лафатера, сомневался, что человек с таким нюхом, как у Дарвина, “может обладать достаточной энергией и решимостью для путешествия”.

Подробности этого путешествия, первого из двух запоминающихся событий в жизни Дарвина, в остальном лишенной приключений, изложены в восхитительном повествовании в его “Кругосветном путешествии натуралиста”, и будет достаточно процитировать отрывок из автобиографии, посвященный значению материалов, собранных за время его пятилетнего отсутствия.

Во время плавания на “Бигле” я был глубоко впечатлен открытием в пампейской формации крупных ископаемых животных, покрытых панцирем, подобным панцирю существующих

броненосцев; во-вторых, тем, как близкородственные животные сменяют друг друга при продвижении на юг по континенту; и, в-третьих, южноамериканским характером большинства видов Галапагосского архипелага, и особенно тем, как они слегка различаются на каждом острове группы, ни один из островов не кажется очень древним в геологическом смысле. Было очевидно, что подобные факты, как и многие другие, могут быть объяснены только на основе предположения, что виды постепенно модифицируются; и эта тема не давала мне покоя. Но столь же очевидно было и то, что “ни одна из эволюционных теорий, имевших тогда хождение в научном мире”, не могла объяснить бесчисленные случаи, когда организмы всех видов прекрасно адаптировались к своему образу жизни.... Меня всегда сильно поражали подобные приспособления, и до тех пор, пока они не могли быть объяснены, мне казалось почти бесполезным пытаться доказать косвенными доказательствами, что виды были модифицированы.... В октябре 1838 года, то есть через пятнадцать месяцев после того, как я начал свои систематические исследования, мне случилось ради развлечения прочитать Мальтуса о народонаселении, и, будучи хорошо подготовленным к пониманию борьбы за существование, которая повсюду продолжается, на основе длительных наблюдений за повадками растений и животных, мне сразу пришло в голову, что при таких обстоятельствах благоприятные вариации имели бы тенденцию сохраняться, а неблагоприятные - уничтожаться. Результатом этого стало бы образование новых видов.

Вскоре после своего возвращения он поселился в Лондоне, подготовил свой журнал и рукописи наблюдений к публикации и открыл, по его словам, под датой июля 1837 года “мою первую записную книжку для фактов, относящихся к происхождению видов, над которыми я долго размышлял и не переставал работать в течение следующих двадцати лет”. В течение двух лет он был одним из почетных секретарей Геологического общества, что сблизило его с Лайеллем, и, поскольку его здоровье тогда позволяло ему бывать в обществе, он встречался со многими выдающимися современниками литературы и науки.

Осенью 1842 года, через два года и восемь месяцев после женитьбы на своей двоюродной сестре Эмме Веджвуд, которая умерла в октябре прошлого (1896) года, Дарвин уехал из Лондона, воздух и социальные требования которого были одинаково неподходящими для его здоровья, и в конце концов поселился в доме в уединенной деревушке Даун, недалеко от Бекенхема, где и провел остаток своих дней. Отныне жизнь Дарвина изложена в книгах, в которых он время от времени излагал результаты своих долгих лет терпеливых наблюдений и исследований, от эпохального "Происхождения" до монографии о дождевых червях. С плохим здоровьем, очевидно, из-за склонности к подагре, усугубленной хронической морской болезнью во время его путешествия; с ночами, которые никогда не давали непрерывного сна; и днями, которые никогда не проходили без мучительной боли; он вполне мог бы чувствовать себя оправданным в бездействии вообще. Но он был спасен от проклятого однообразия жизни богатого инвалида своим ненасытным восторгом в поисках того решения проблемы изменчивости видов, которое не преминуло бы принести время. При этом, по его словам, он забывал о своем “ежедневном дискомфорте” и таким образом избавлялся от болезненного самоанализа.

Дарвин работал над своими черновыми заметками об изменчивости животных и растений при одомашнивании, добавляя факты, собранные в результате “печатных исследований, бесед с опытными селекционерами и садовниками и обширного чтения”, по мере того, как появлялись проблески света, пока он не сказал, что он “почти убежден, что виды не являются

неизменяемыми (это все равно что признаться в убийстве)”. Но он все еще блуждал в потемках относительно применения отбора к диким растениям и животным, пока, как отмечалось выше, случайное прочтение Мальтуса не подсказало работающую теорию. Краткий набросок этой теории, набросанный карандашом в 1842 году, был переработан в 1844 году в эссе объемом в двести тридцать страниц. Важность, придаваемая этому, была показана в письме, которое Дарвин затем адресовал своей жене, в котором просил ее в случае его смерти покрыть расходы на публикацию в размере 400 фунтов стерлингов. Он также назвал некоторых компетентных людей, из которых можно было бы выбрать редактора, отдав предпочтение сэру Чарльзу (тогда мистеру Лайеллу, по совету которого Дарвин начал излагать свои взгляды в масштабе, в три-четыре раза превышающем тот, в котором они были изложены в "Происхождении видов"). Их публикация в абстрактной форме была ускорена получением в июне 1858 года статьи, содержащей “точно такую же теорию”, от мистера Альфреда Рассела Уоллеса из Тернате на Молуккских островах. Эта ссылка на этого выдающегося исследователя, прежде чем продолжить рассказ о совпадающем открытии, уместно представить краткий очерк его карьеры.

Альфред Рассел Уоллес родился в Уске, в Монмутшире, 8 января 1823 года. Он получил образование в Херефордской средней школе, а на четырнадцатом году жизни начал изучать землеустройство и архитектуру под руководством старшего брата. Сообразительный и наблюдательный, он гораздо больше изучал за свой счет в своих путешествиях по Англии и Уэльсу, результаты которых нашли отражение в широком спектре тем - научных, политических и социальных, — которыми он активно занимался с раннего детства и по сей день.

Примерно в 1844 году он сменил теодолит на ферулу и стал преподавателем английского языка в университетской школе в Лестере, в этом городе он нашел близкого друга в лице своего будущего попутчика Генри Уолтера Бейтса. Бейтс тогда работал на чулочно-носочном складе своего отца, откуда он сбегал, насколько позволял тогдашний продолжительный рабочий день, в поле со своим ящиком для сбора пожертвований. И школьный учитель, и продавец были страстными натуралистами, мистер Уоллес, по его словам, в то время “в основном интересовался ботаникой”, но позже он занялся любимым занятием своего друга - энтомологией. Писатель, готовя свои мемуары о Бейтсе (которые предваряют переиздание первого издания "Восхитительного натуралиста об амазонках"), узнал от мистера Уоллеса, что в молодости он не хранил писем от Бейтса и других корреспондентов. Но, к счастью, среди бумаг Бейтса нашлась пачка интересных писем Уоллеса, написанных между июнем 1845 и октябрём 1847 года из Нита в Южном Уэльсе, в который он переехал. В одном из них, датированном 9 ноября 1845 года, Уоллес спрашивает Бейтса, читал ли он "Остатки естественной истории творения", а последующее письмо указывает на то, что у Бейтса сложилось неблагоприятное мнение об этой книге. Более позднее письмо интересно тем, что дает оценку Дарвину. “Сначала я,” говорит Уоллес, “прочитал дневник Дарвина трех- или четырехлетней давности, а недавно перечитал его. Как дневник научного путешественника, он уступает только Личному повествованию Гумбольдта; как произведение, представляющее общий интерес, возможно, поддерживающее его. Он горячий поклонник и самый способный сторонник взглядов мистера Лайелла. Я очень восхищаюсь его стилем письма, таким свободным от всякого труда, жеманства или эгоизма, но в то же время таким интересным и оригинальным”.

Но еще более важным является письмо, в котором Уоллес сообщает Бейтсу, что он начинает “чувствовать неудовлетворенность простой местной коллекцией. Я хотел бы взять какое-нибудь

одно семейство для тщательного изучения, главным образом с точки зрения теории происхождения видов”. Двое друзей часто обсуждали планы поездки за границу для исследования какого-нибудь девственного региона, и их скудные средства не могли помешать осуществлению плана, который обогатил как науку, так и литературу о путешествиях. Выбор страны для исследования был обусловлен прочтением Уоллесом небольшой книги американского туриста У. Х. Эдвардса "Путешествие вверх по реке Амазонка, включая резиденцию в Пара", опубликованной в семейной библиотеке Мюрреев в 1847 году. Осенью того же года Уоллес предложил совместную экспедицию к реке Амазонка с целью изучения естественной истории ее берегов; план состоял в том, чтобы собрать коллекцию предметов, избавиться от дубликатов в Лондоне, чтобы оплатить расходы, и собрать факты, как выразился мистер Уоллес в одном из своих писем, “для решения проблемы происхождения видов”.

Выбор был удачным, поскольку, за исключением немецкого зоолога фон Спикса и ботаника фон Марциуса в 1817-20 годах, а впоследствии графа де Кастельно, никто не пытался исследовать регион, столь богатый и интересный для биолога. В начале 1848 года Бейтс и Уоллес встретились в Лондоне, чтобы изучить южноамериканских животных и растения из основных коллекций, а затем отправились в Чатсуорт, чтобы получить информацию об орхидеях, которые они предложили собрать во влажных тропических лесах и отправить домой.

26 апреля 1848 года они сели в Ливерпуле на барку водоизмещением всего 192 тонны, одно из немногих судов, которые в то время ходили в Пара, в этот морской порт региона Амазонок быстрый переход, “прямой как стрела”, привел их 28 мая.

Путешественники вскоре поселились в *росинье*, или загородном доме, в полутора милях от Пара, недалеко от леса, который подступал к их дверям. Как и другие города на берегах Амазонки, Пара стоит на земле, расчищенной от раскинувшихся лесов, почти непроходимых джунглей с пышной первобытной растительностью, на две тысячи миль вглубь материка. В этом раю натуралиста коллекционеры собирали партии товаров, которые легко продавались в Лондоне, и таким образом провели пару лет, занимаясь умеренно прибыльным и вполне приятным делом, пока, достигнув Барры, в устье Рио-Негро, в тысяче миль от Пара, в марте 1850 года Бейтс и Уоллес, которых сопровождал его младший брат, не расстались, “сочтя более удобным исследовать отдельные районы и собирать коллекции независимо”. Уоллес выбрал северные районы и притоки Амазонки, а Бейтс придерживался главного течения, которое, судя по направлению, которое оно принимает у развилки Риу-Негру, называется Верхней Амазонкой или Солимоэнсом. Отличаясь по характеру и климатическим условиям от Низовой Амазонки, она протекает по “обширной равнине около тысячи миль в длину и пятисот или шестисот миль в ширину, покрытой одним однородным, высоким, непроходимым и влажным лесом”. Бейтс оставался в стране до июня 1859 года, но Уоллес уехал в 1852 году, а в следующем году опубликовал отчет о своем путешествии под названием "Путешествия по Амазонке и Рио-Негро". Эта книга была написана в условиях серьезного недостатка, заключавшегося в уничтожении большей части записей и образцов в результате пожара на корабле, на котором мистер Уоллес плыл домой. О том, что она остается одним из избранных туристических произведений, спрос на которое сохраняется, свидетельствует переиздание, появившееся в 1891 году. Хотя это дает мало намеков на склонность автора к вопросу о происхождении видов, это показывает, какой интерес вызывала у него смежная тема географического распределения растений и животных, которую мистер Уоллес должен был сделать своей собственной.

В 1854 году он отправился на Малайский архипелаг, где почти восемь лет исследовал регион от Суматры до Новой Гвинеи. Масштабные и разнообразные результаты этого труда нашли отражение в многочисленных статьях, разосланных в ученые общества и научные журналы, а также в серии замечательных книг "От Малайского архипелага", впервые опубликованных в 1869 году, "До жизни на островах", опубликованных в 1880 году. Среди второстепенных результатов его обширных путешествий — ибо все остальное, что сделал Уоллес, меркнет перед великим открытием, связывающим его имя с именем Дарвина, — было установление линии, известной как "линия Уоллеса", которая делит Малайский архипелаг на две основные группы, "Индомалайзию и Австромалазию, отмеченные различными видами и группами животных". Эта линия проходит по глубокому каналу, разделяющему острова Бали и Ломбок; растения и животные, которые, хотя их разделяет всего пятнадцать миль воды, отличаются друг от друга даже больше, чем острова Великобритании и Японии. "Аналогичная линия, но несколько восточнее, в целом разделяет малайскую и папуасскую расы людей".

Среди наиболее беглых статей, отмечающих подход мистера Уоллеса к решению проблемы, в поисках которой они с Бейтсом отправились к Амазонкам, есть статья О законе, регулирующем интродукцию новых видов, опубликованная в "Анналах и журнале естественной истории" в 1855 году. В этом он показывает, что для объяснения геологических и географических фактов, примеры которых приведены, необходима та или иная форма эволюции одного вида от другого.

В интересном предисловии к переизданию знаменитой статьи О тенденциях разновидностей к неограниченному отклонению от исходного типа мистер Уоллес перечисляет несколько исследований, которые он провел в поисках этой "формы", пока, лежа с лихорадкой в Тернате в феврале 1858 года, что-то не навело его на мысль о "положительных проверках", описанных Мальтусом в его "Эссе о населении", книге, которую он прочитал несколькими годами ранее. Поэтому, как ни странно, честь оклеветанному преподобному профессору политической экономии Хейлибери принадлежит за то, что он дал Дарвину и Уоллесу ключ к разгадке. "Положительные проверки" — война, болезни, голод — по мнению Уоллеса, должны действовать даже более эффективно на низших животных, чем на человека, из-за их более быстрого размножения. И он рассказывает нам в предисловии к перепечатке своей статьи: "внезапно меня осенила идея о выживании наиболее приспособленных, и за два часа, прошедших до того, как у меня прошел приступ лихорадки, я продумал всю теорию, а в два последующих вечера написал ее полностью и отправил ближайшей почтой мистеру Дарвину", попросив его, если он хорошо отнесется к эссе, отправить его Лайеллю. Это Дарвин сделал со следующими замечаниями: "Ваши слова сбылись с лихвой — что меня следует опередить.... Я никогда не видел более поразительного совпадения; если бы Уоллес заказал мой набросок MS. sketch в 1842 году, он не смог бы составить лучшего краткого реферата! Даже его термины теперь стоят в качестве заголовков моих глав. Пожалуйста, верните мне рукопись, в которой он не говорит, что желает, чтобы я ее опубликовал; но я, конечно, сразу же напишу и предложу отправить в любой журнал. Таким образом, вся моя оригинальность, в чем бы она ни заключалась, будет уничтожена, хотя моя книга, если она когда-либо будет иметь какую-либо ценность, не пострадает, поскольку весь труд заключается в применении теории". Дарвин преуспел в этом деле. Ибо натолкнуться на теорию, которая интерпретирует такой важный вопрос, как происхождение и причины модификации форм жизни; продолжать прокручивать ее снова и снова в уме в течение долгих двадцати лет; тратить рабочие часы каждого дня на сбор и проверку фактов за и против нее; а затем увидеть, как другой человек запускает "гром среди

ясного неба” в виде статьи с точно такой же теорией, вполне может нарушить безмятежность даже философа типа Дарвина.

Однако и Хукер, и Лайелл прочитали его очерк дюжиной лет назад, и они договорились, что аннотация рукописи Дарвина будет прочитана вместе со статьей Уоллеса на заседании Линнеевского общества 1 июля 1858 года, не с учетом требований приоритета, которые слишком часто становились поводом для недостойных споров, а в “интересах науки в целом”. Полное название совместного сообщения было О Тенденции видов образовывать разновидности и об увековечении разновидностей и видов путем естественного отбора. Сэр Джозеф Хукер, описывая собрание, говорит, что “вызванный интерес был очень велик, но тема была слишком новой и слишком зловещей, чтобы представители старой школы могли попасть на ристалище до постановки на вооружение. После встречи об этом говорили, затаив дыхание. Одобрение Лайелла и, возможно, в некоторой степени мое, как его помощника в этом деле, внушило ребятам благоговейный трепет, которые в противном случае выступили бы против доктрины. У нас также было преимущество в том, что мы были знакомы с авторами и их темой.” Ничто не может лишить мистера Уоллеса чести, причитающейся ему как соавтору теории, которая, рассматриваемая в ее применении к происхождению, истории и предназначению человека, влечет за собой самые важные изменения в верованиях, и здесь уместно процитировать его собственную скромную и, несомненно, правильную оценку ограничений, которые никоим образом не умаляют его высоких притязаний. В предисловии к своему вкладу в теорию естественного отбора (1870) мистер Уоллес говорит, что книга докажет, что в то время он видел ценность и масштаб открытого им закона и с тех пор смог применить его для определенной цели в нескольких оригинальных направлениях исследований. “Но, ” добавляет он, “ здесь мои претензии прекращаются. Я всю свою жизнь испытывал и до сих пор испытываю самое искреннее удовлетворение от того, что мистер Дарвин приступил к работе задолго до меня и что мне не пришлось пытаться написать “Происхождение видов”. Я уже давно соизмерил свои силы и прекрасно знаю, что они были бы совершенно не в состоянии справиться с этой задачей. Гораздо более способные люди, чем я, могут признаться, что у них нет того неутомимого терпения в накоплении и того замечательного умения в использовании больших массивов фактов самого разнообразного рода — тех широких и точных физиологических знаний — той остроты в разработке и умения проводить эксперименты, и того замечательного стиля изложения, одновременно ясного, убедительного и рассудительного — качеств, которые в их гармоничном сочетании выделяют мистера Дарвина как человека, возможно, из всех ныне живущих людей, лучше всего приспособленного для великой работы, которую он предпринял и выполнил ”.

В письме Уоллесу от 20 апреля 1870 года Дарвин говорит: “Никогда не было в мой адрес, да и вообще ни в чей адрес, более высокой похвалы, чем ваша. Я хотел бы, чтобы я полностью заслужил это. Ваша скромность и искренность для меня далеко не в новинку. Я надеюсь, вам доставит удовольствие поразмыслить — и очень немногие вещи в моей жизни были для меня более приятными, — что мы никогда не испытывали никакой ревности друг к другу, хотя в каком-то смысле были соперниками. Я верю, что могу сказать это о себе с уверенностью, и я абсолютно уверен, что это верно и в отношении вас ”.

Но по одному вопросу, вокруг которого до сих пор бушует дискуссия, друзья разошлись во мнениях. Между ними была переписка относительно влияния теории естественного отбора на человека, и в апреле 1869 года Дарвин написал: “Как вы и ожидали, я сильно отличаюсь от вас, и я очень сожалею об этом. Я не вижу необходимости привлекать дополнительную и непосредственную причину в отношении человека”. В пятнадцатой главе своей всеобъемлющей книги о дарвинизме Уоллес признает действие естественного отбора на физическую структуру человека. Это строение относит его к позвоночным; способ вскармливания человека относит его к млекопитающим; его кровь, мускулы и нервы, строение его сердца с его венами и артериями, его легкие и вся его дыхательная и кровеносная системы - все это близко соответствует таковым у других млекопитающих и часто почти идентично им. Он обладает тем же количеством конечностей, заканчивающихся тем же количеством пальцев, которые в основном принадлежат млекопитающим. Его чувства идентичны их чувствам, и его органы чувств одинаковы по количеству и занимают одинаковое относительное положение. Каждая деталь строения, общая для млекопитающих как класса, обнаруживается также и у человека, в то время как он отличается от них лишь такими способами и степенями, какими различные виды или группы млекопитающих отличаются друг от друга. Он, как и они, рожден половым путем; как и они, развился из оплодотворенной яйцеклетки и в своем эмбриональном состоянии проходит стадии, повторяющие разнообразие чрезвычайно отдаленных предков, совершенным потомком которых он является. В зрелом возрасте он кажется наиболее близким родственником человекообразных обезьян; его скелет настолько похож на их скелет, что, сравнивая его с шимпанзе, мы обнаруживаем, за очень немногими исключениями, кость в кость, отличающуюся только размером, расположением и пропорциями.

Поэтому мистер Уоллес отверг идею особого сотворения человека “как совершенно не подкрепленную фактами, а также в высшей степени невероятную”. *Но он не допускал, что естественный отбор объясняет происхождение духовной и интеллектуальной природы человека.* Они, утверждает он, “должны были иметь другое происхождение, и для этого происхождения мы можем найти адекватную причину только в невидимой вселенной Духа”. Более подробная трактовка этого аргумента будет дана далее; здесь на него делается ссылка как на объяснение того, почему мистер Уоллес не сохранил свое “первое сословие” и выбыл из рядов пионеров Эволюции. Многие темы, как указывалось выше, занимали его поверхностное внимание — национализация земель, причины спада в торговле, наделы рабочих, вакцинация, *et hoc genus omne*; показывая, по крайней мере, то важное место, которое все социальные вопросы занимают в умах ведущих представителей теории эволюции. В связи с этим, как будет видно, и Герберт Спенсер, и Хаксли приводят убедительные примеры применения этой теории к человеческим интересам. Но именно как защитник, хотя и не вполне ортодоксальный, сверхъестественного, с сопутствующей верой в чудеса и более грубые формы спиритуализма, мистер Уоллес предстает в образе противника включения психической природы человека в качестве продукта Эволюции.

Захватывающее влияние этих взглядов, когда их поддерживают честные, искренние и выдающиеся люди типа мистера Уоллеса, а также когда их поддерживают несколько выдающихся деятелей науки, делает желательным показать, что современный психизм - это всего лишь дикий анимизм, “написанный в широком смысле” и полностью объяснимый теорией непрерывности. В своей книге “О чудесах и современном спиритуализме”, переработанное издание которой с главами о видениях и фантомах вышло в 1895 году, мистер Уоллес утверждает, что “спиритуализм, если он истинен, предоставляет такие доказательства

существования эфирных существ и их способности воздействовать на материю, которые должны произвести революцию в философии. Это демонстрирует реальность форм материи и способов бытия, существовавших до непостижимого; это демонстрирует разум без мозга и интеллект, отсоединенный от того, что мы знаем как материальное тело; и это, таким образом, устраняет все предположения против нашего дальнейшего существования после дезорганизации и распада физического тела. Более того, это демонстрирует настолько полно, насколько это вообще возможно, что так называемые мертвые все еще живы; что наши друзья все еще с нами, хотя и невидимые, и направляют и укрепляют нас, когда из-за отсутствия надлежащих условий они не могут заявить о своем присутствии. Таким образом, это дает *доказательство* будущей жизни, которой так многие жаждут и из-за отсутствия которой так много людей живут и умирают в тревожных сомнениях, а многие и в явном неверии. Она заменяет определенную, реальную и практическую убежденность смутной, теоретической и неудовлетворительной верой. Она дает действительное знание по вопросу, имеющему жизненно важное значение для всех людей, и относительно которого мудрейшие люди и самые передовые мыслители считали и продолжают считать, что никакое знание недостижимо”.

Это заявление, это грандиозное требование от имени феноменов спиритуализма дать ответ на “вопрос вопросов; установление отношения человека ко вселенной вещей; откуда произошла наша раса; к какой цели мы стремимся”, основывается на предположении, с которого начинает мистер Уоллес: “Спиритуализм, *если он истинен*”.

Эссе, из которого цитируются вышеприведенные отрывки, предваряют подробные ссылки на значительное количество случаев “появления нечеловеческих или духовных существ”, свидетельства о которых “насколько хороши и определены, насколько это возможно для любого свидетельства какого-либо факта”. Эти истории о привидениях, контрастирующие с насыщенными жуткими историями старины, слабо монотонны. Аппарат медиума ограничен: феномены в основном относятся к разряду “конных игр”. На протяжении всего сериала мы тщетно ищем какую-то облагораживающую и возвышающую концепцию потусторонней жизни, какие-то проблески “за вуалью”, только чтобы обнаружить, что тени - всего лишь размытые или вульгаризированные пародии на нас самих; или что “грязные все еще остаются грязными”, подобно ушедшему торговцу, чей “сообщающийся разум” (мы цитируем из недавней книги по спиритизму, озаглавленной “Великая тайна”) был таким же грубым, как и во плоти.

Рассматривая, если это будет сочтено целесообразным, доказательства подлинности событий, мы полагаемся не на честность, а на компетентность свидетелей. Наиболее выдающиеся из них проявляют себя людьми с недисциплинированными эмоциями. Выдающийся физик, профессор Оливер Лодж, которого близкий друг профессора описал автору как “страстно желающего во что-то поверить”, утверждает, что при работе с психическими явлениями лучше иметь дело с затуманенным состоянием ума, чем с умом, “бодрствующим” и “на месте” (см. Обращение к Обществу психических исследований, Труды, часть xxvi, стр. 14, 15). С этим можно сравнить мусульманский рецепт вызова духов, приведенный в книге Ключингера “Верхний Египет” (стр. 386): “Поститесь семь дней в уединенном месте и возьмите с собой благовония. Прочтите 1001 главу из Корана. В этом секрет, и вы увидите неопишуемые чудеса; рядом с вами будут бить в барабаны, над вашей головой поднимут флаги, и вы увидите духов”. Так мечтательный восточный мусульманин и самовнушенный западный профессор встретились вместе, чтобы извлечь истину из транса.

Что касается способности самого мистера Уоллеса непредвзято взвесить представленные ему доказательства, то достаточно привести случай с Эусапией Паладино, неаполитанским “медиумом”, которая, по словам одного из ее самых ярких обманщиков, стала “неожиданным инструментом вбивания убеждения в реальность психических проявлений невидимых существ в умы многих ученых”. Ряд выдающихся ученых свидетельствовали о подлинности выступлений этой женщины в коттедже профессора Рише на острове Рубан осенью 1893 года. Все они (Лодж, Рише, Охорович и другие) были серьезно и полностью убеждены в том, что “ни в одном случае во время описанного ими события рука Юзапии не была вольна проделать какой-либо трюк”. Мистер Маскелайн, несмотря на такие показания, заявил, что все это было “самым прискорбным из обманов”, и, к чести Общества психических исследований, оно взяло на себя расходы по доставке Юзапии в Англию с целью проверки подлинности ее поступков. Ее отвезли в дом в Кембридже и уличили в вульгарной самозванке. И все же мистер Уоллес в новом издании своей книги “Чудеса и современный спиритуализм” описывает все явления, происходящие в доме профессора Рише, как “необъяснимые в результате каких-либо известных физических причин”, а в последующем пояснительном письме в “Дейли Кроникл” от 24 января 1896 года выражает мнение, что “Кембриджские эксперименты, насколько они зафиксированы, доказывают только то, что Эвзапия могла обмануть, а не то, что она на самом деле и сознательно делала это”. Честность мистера Уоллеса не подлежит сомнению, но что становится с его компетентностью судить, когда предубеждение закрывает глаза на факты? Спиритуализм, если он верен, демонстрирует то или иное в отношении невидимого; но спиритуализму, доказавшему свою неправоту, недостает половины ловкости проницательного фокусника и всей его честности. Каждый ученый признает доктрину сохранения энергии как фундаментальный канон. Но для тех, кто считает спиритуалистические феномены “необъяснимыми” иначе, как сверхъестественными причинами, может показаться, что эта доктрина, как и не маловажные условия Времени и Пространства, ничего не значат. Когда мы читаем их отчеты о поведении медиумов, которые проецируют (конечно, в темноте) “ненормальные временные удлинения”, подобные псевдоподиям, мы бы чувствовали себя одинаково подавленными и сбитыми с толку, если бы не было обильных доказательств того, какими совершенно ненадежными наблюдателями могут быть научные специалисты за пределами своей области. Как автор уже отмечал в другом месте, разумы такого типа должны быть встроены в водонепроницаемые отсеки. Они показывают, как даже в высшей культуре сила доминирующей идеи может приостанавливать или наркотизировать разум и суждения и способствовать возникновению и распространению другой эпидемии бреда, предупреждающие примеры которой дает история.

Они также показывают, что чувства человека были его главными обманщиками, а его предвзятые представления - их пособниками на протяжении всей человеческой истории; что прогресс был возможен только тогда, когда человек благодаря дисциплине интеллекта избежал иллюзорных впечатлений о явлениях, которые передают чувства. По этому поводу можно процитировать слова покойного доктора Карпентера, слова тем более веские, что они высказаны человеком, на философию которого повлияли глубокие религиозные убеждения: “При всей склонности принимать факты, когда я мог однажды ясно убедиться, что это факты, я был вынужден прийти к выводу, что всякий раз, когда мне разрешали использовать такие тесты, которые я должен использовать в любом научном исследовании, имел место либо намеренный обман со стороны заинтересованных лиц, либо самообман со стороны людей, которые были очень трезвомыслящими и рациональными во всех обычных делах жизни”. Далее он добавляет:

“В последнее время моей обязанностью было расследовать психическое состояние некоторых людей, которые сообщили о наиболее примечательных происшествиях. Я не могу — это было бы несправедливо — сказать все, что я мог относительно этого психического состояния; но я могу только сказать, что все это прекрасно согласуется с результатом моих предыдущих исследований по этому предмету, а именно, что нет ничего слишком странного, во что могли бы поверить те, кто однажды отказался от своего суждения и принял как достоверные вещи, которые здравый смысл считает совершенно невероятными ”.

Факт остается фактом, что огромная масса верований в сверхъестественное, которые сохранились от низшей культуры до настоящего времени и которых все еще придерживается подавляющее большинство цивилизованного человечества, относятся к причинам, сопутствующим умственному развитию человека: причинам, действующим на протяжении всей его истории. Низкоинтеллектуальная среда его варварского прошлого была постоянной на протяжении тысячелетий, и его адаптация к ней была полной. Вторжение научного метода в его применение к человеку нарушило это равновесие. Но это, пока, только внешне. Подобно фораминиферам, обитающим в океанских глубинах, подавляющее большинство человечества сохранилось, но слегка, если вообще изменилось; таким образом, их психическая история иллюстрирует истинность доктрины эволюции. (Ибо эта доктрина не подразумевает всестороннего непрерывного продвижения. “Давайте никогда не забывать, — говорит м-р Спенсер в ”Социальной статике“, - что закон - это приспособление к обстоятельствам, какими бы они ни были”). Поэтому суеверия, которые все еще господствуют в жизни человека, даже в так называемых цивилизованных центрах, не являются для нас камнем преткновения. Они являются опорой на пути исследования, потому что мы объясняем их настойчивость. Мысль и чувство имеют общую основу, потому что человек - это единство, а не двойственность. Но применение первого было активным с самого начала его истории — на самом деле, мы не знаем, в какой момент назад мы можем классифицировать его как человеческое или квазичеловеческое, — в то время как другое, говоря сравнительно, было задействовано лишь недавно. Что касается его влияния на современный мир, не можем ли мы сказать, что оно началось, по крайней мере, в области научного натурализма с ионийских философов? Эмоционально нам сотни тысяч лет; рационально мы - эмбрионы.

Другими словами, человек задавался вопросом бесчисленные века, прежде чем начал рассуждать; потому что чувство движется по линии наименьшего сопротивления, в то время как мысль или вызов путем исследования — следовательно, предположение, что у вопроса могут быть две стороны, — должны следовать по пути, прегражденному господством обычаев, силой подражания, а также силой предрассудков и страха. Именно здесь антропология, особенно та ее психологическая ветвь, которая понимается под фольклором, берет на вооружение важную доктрину наследственности; объясняет живучесть примитива; и причины запоздалого избавления человека от иллюзий чувств, и общий консерватизм человеческой природы. “Рожденный к жизни! напрасно твердит упрямый разум те или иные мнения, неизменные для сохранения”, как в поразительной иллюстрации, приведенной в Путевых заметках Гейне. “Несколько лет назад Баллок откопал в Мексике древнего каменного идола, а на следующий день обнаружил, что ночью его увенчали цветами. И все же испанец уничтожил старую мексиканскую религию огнем и мечом и в течение трех столетий боронил их умы, насаждая семя христианства ”. Когда выясняются причины ошибок и заблуждений, а также духовных кошмаров древности, возникает великодушное сочувствие к тому, что эмпирические представления о человеческой природе приписывали своеволию или падению человека с

высокого положения. Суеверия, являющиеся результатом невежества, могут вызывать только жалость. Там, где отсутствует корректирующее знание, мы видим, что иначе и быть не могло. Там, где это исправление присутствует, но либо извращено, либо не осуществляется, жалость вытесняется обвинением. В любом случае мы узнаем, что искусство жизни в значительной степени состоит в том, чтобы контролировать эмоции и направлять их в полезное русло, которое может осуществить только интеллект, подкрепленный новейшими знаниями.

Следовательно, отбрасывая теории откровения, духовного озарения и других предполагаемых сверхмирских источников знания, достаточные причины ненормальных психических явлений обнаруживаются в ненормальной работе ментального аппарата. Исследование галлюцинаций (лат. *алюцинор*, "блуждать в уме") не оставляет сомнений в том, что они являются следствием болезненного состояния той сложной, тонко сбалансированной структуры нервной системы, при которой видны объекты и ощущаются ощущения, когда посредством органов чувств не было произведено соответствующего впечатления. Когда нервная система не в порядке, могут быть услышаны голоса, будь то божественные или умерших, и видны реальные фигуры. Ментальный образ становится зрительным образом; воображаемая боль становится реальной болью, как засвидетельствовал великий физиолог Джон Хантер, сказав: "Я уверен, что могу сосредоточить свое внимание на любой части тела до тех пор, пока у меня не возникнет ощущение в этой части". Шекспир изображает подобное состояние, когда Макбет пытается схватиться за кинжал, чтобы ударить Дункана:

Такого не существует;
Это кровавый бизнес, который
так предстает перед моими глазами.

Это ненормальное состояние, при котором вещи не существуют вне "мысленного ока", не уважает людей; дикарь и цивилизованный одинаково становятся его жертвами. Она может быть органической или функциональной. Органический, когда присутствует болезнь; функциональный, вызванный чрезмерной усталостью, недостатком еды или сна или расстройством пищеварительной системы, заставляющий пациента, как говорит Худ, "думать, что он набожный, когда у него всего лишь желчь". При таких условиях разумом овладевают галлюцинации всех видов; галлюцинации, от которых избавляется истинный язвенный больной, у которого, как говорит Карлейль, "нет системы". Только умственно анемичные, эмоционально перенапряженные, неуравновешенные и эпилептики становятся жертвами, будь то возвышенных иллюзий величественных видений, таких, которые приводили святого Павла, святую Терезу и Жанну д'Арк в присутствие святейшего; или галлюцинации об утонувшей кошке, худой и "истекающей водой", порожденной расстроенными нервами миссис Гордон Джонс. Процитируем лекцию доктора Гауэра Боумана (Nature, 4 июля 1895 г.) о субъективных зрительных ощущениях, таких как сопутствующие припадки, когда, например, ощущения зрения возникают без стимуляции сетчатки:

Спектры, воспринимаемые перед эпилептическими припадками, сильно различаются. Это могут быть звезды или искры, сферические светящиеся тела или просто вспышки света, белого или цветного, неподвижного или находящегося в движении. Часто это более сложные, отчетливые видения лиц, личностей, объектов, мест. Они могут сочетаться с ощущениями от других специальных органов чувств, таких как слух и обоняние. В одном случае

предупреждение, постоянное в течение многих лет, началось с глухого стука в груди, поднимающегося к голове, где оно превратилось в биение. Затем появились два огонька, приближающиеся с пульсирующим движением. Внезапно они исчезли и сменились фигурой пожилой женщины в красном плаще, всегда одной и той же, которая предложила пациенту что-то, пахнущее бобами Тонкин, после чего он потерял сознание. Такие предупреждения можно назвать психовизуальными ощущениями. Психический элемент может быть очень сильным, как у одной женщины, припадкам которой предшествовало внезапное отчетливое видение Лондона в руинах, реки Темзы, опустошенной для сбора мусора, и она единственная выжившая из жителей.

Если бы человек менее известный и умственного уровня, чем мистер Уоллес, бросил вес своего свидетельства на чашу весов в пользу спиритуализма, в этом отступлении не было бы ни необходимости, ни оправдания. Но оба эти довода берут верх, когда мы находим соавтора дарвиновской теории среди медиумов и их обманутых. Уважительное внимание, которое заслуживают его слова: громадные заявления, которые он делает в защиту феноменов на сеансах как доказательство существования души отдельно от тела после смерти и как раскрытие условий, в которых она живет, сделали актуальной предыдущую попытку указать, какие другие объяснения даются этим феноменам, показывая, как они согласуются со всем, что мы знаем о склонности человека к несовершенному наблюдению и самообману, и со всем, что история говорит о живучести анимистических идей.

Таким образом, преподается полезный урок использования воображения. То, что при разумном ограничении является инициативой и стимулом исследования, предприимчивости и благородных идей; неограниченное, ведет мечтателя и энтузиаста в затягивающие зыбучие пески иллюзий и заблуждений. Отсюда необходимость обуздания способности таким образом, чтобы в унисон с разумом она работала для достижения определенных целей в данной области, обозначая пределы служения человека. Как напоминает нам доктор Модсли в своей здравой и трезвой книге "О естественных причинах и кажущемся сверхъестественном", "не выделяясь из Природы в экстазе восторженного и чрезмерно напряженного идеализма любого рода, но широко, тесно и добросовестно общаясь с Природой и природой человека во всех их настроениях, аспектах и взаимоотношениях, закладывается прочная основа плодотворных идей и самого здорового умственного развития. Стремление стимулировать и напрягать любую психическую функцию для деятельности, находящейся за пределами досягаемости и необходимости физического аналога во внешней природе, и придать ей независимую ценность, безусловно, является попыткой прямо противоречить трезвому и благотворному методу, с помощью которого устойчивое развитие человека происходило в прошлом и происходит в настоящем".

Теперь следует возобновить рассказ о работе Дарвина. Вскоре после линнеевской встречи он подготовил серию глав, которые, которые он всегда считал "Конспектом", в конечном итоге приняли форму книги и были опубликованы под названием "Происхождение видов" 24 ноября 1859 года.

История восприятия этой работы превосходно рассказана Хаксли в главе, которую он посвятил "Жизни и письмам Дарвина", и ее можно оценить как полезное чтение для поколения, которое, впитавшее дарвинизм с самого его рождения, не сразу поймет, как могли возникнуть такие буря

и возмущение, которые сотрясают воздух как в научных, так и в канцелярских кругах.

“Фактически, - говорит Хаксли, - контраст между нынешним состоянием общественного мнения по дарвиновскому вопросу; между оценкой взглядов Дарвина в научном мире; между согласием или, по крайней мере, бездействием уважающего себя теолога в наши дни и вспышкой антагонизма со всех сторон в 1858-59 годах, когда новая теория о происхождении видов впервые стала известна старшему поколению, к которому я принадлежу, настолько поразителен, что, за исключением документальных свидетельств, - Иногда я был бы склонен думать, что мои воспоминания сняты”. Подобное размышление возникает, когда мы рассматриваем безразличие, с которым сегодня относятся к книгам самого смелого и революционного характера, как в богословии, так и в морали, в отличие от шума, который вызвал такой жестокий *фульмен*, как Эссе и рецензии. Что касается Пятикнижия Коленсо и книг подобного типа, ортодоксия уже давно приняла их в свое лоно.

Что касается большего числа натуралистов и интеллигентной публики, последовавшей их примеру, то к вопросу о мутации видов отношение было абсолютно непредвзятым. Как показали предыдущие разделы этой книги, потребовалось долгое время на подготовку и размышления. Мы, несомненно, находим лейтмотив Эволюции у Гераклита, и более чем через две тысячи лет после него Герберт Спенсер, прежде всех людей, вывел его из эмпирической стадии и поместил на более широкую базу, чем факты, которые его поддерживали. Но нужна была закваска человеческого и личностного, чтобы пробудить ее к жизни и затронуть человека в его различных интересах; и не все, что мистер Спенсер сделал в применении теории развития к социальным вопросам и институтам, могло принести большую пользу, пока теория Дарвина не придала ей практическую форму. Диссертации о переходе от “однородного к гетерогенному”; объяснения теории эволюции сложных звездных систем из рассеянных паров, казалось бы, простой текстуры, интересовали людей лишь смутно и с любопытством. Но когда Дарвин проиллюстрировал теорию модификации форм жизни знакомыми примерами, почерпнутыми из его собственных экспериментов и наблюдений, а также из общения с заводчиками голубей, лошадей и собак, это затронуло людей “до глубины души”, и если вульгарные интерпретировали дарвинизм, как некоторые, кто должен знать лучше, интерпретируют его даже сейчас, как объяснение происхождения человека от обезьяны или того, как медведь стал китом, начав плавать, то вдумчивые восприняли его как универсальный ключ, открывающий не тайну происхождения или причин вариаций, но тайну непрерывно меняющегося мира. действующий агент, который, воздействуя на благоприятные вариации, вывел мириады видов из простых форм.

Как напоминает нам Хаксли в процитированном выше отрывке, отношение духовенства к теории эволюции претерпело поразительные изменения. Доктор Уэвелл заметил, что каждое великое открытие в науке должно было пройти три стадии. Сначала люди сказали: “Это абсурд”; затем они сказали: “Это противоречит Библии”; наконец, они сказали: “Мы всегда знали, что это так”. Так было и с Эволюцией. В наши дни это спокойно обсуждается; даже провозглашается “защитником веры” на церковных съездах. В шестидесятые годы этого не было. То тут, то там раздавался единый голос квалифицированного сочувствия — Чарльз Кингсли проявил нечто большее, — но и в Старом, и в Новом Свете бил “церковный барабан”. Кардинал Мэннинг объявил дарвинизм “грубой философией, а именно, что Бога нет, а обезьяна - наш Адам”. Протестанты и католики согласились осудить его как “попытку свергнуть Бога”; как “огромный обман”, как “стремящийся вызвать неверие в Библию” и “покончить со всеми представлениями о Боге”, как “выставляющий Создателя за дверь”. Таковы прекрасные

образцы, которые можно взять из антологии оскорблений, которая была основным содержанием почти каждой “критики”. Иногда появляется некоторая пародия на рассуждения, когда выдвигается “аргумент” о том, что существует “более простое объяснение присутствия этих странных форм среди творений Бога при грехопадении Адама”, но даже такая псевдо-уступка логике встречается редко; и один богослов без колебаний предсказал судьбу Дарвина и его последователей в грядущем мире. “Если, ” сказал доктор Даффилд в “Принстон Ревью”, - теория развития, объясняющая происхождение человека, через некоторое время займет место — а это, несомненно, произойдет — других взорвавшихся научных спекуляций, то те, кто примет ее с надлежащими логическими следствиями, в будущей жизни разделят свою долю с теми, кто в этой жизни ‘не знает Бога и не повинуетсЯ Евангелию Его Сына’. Но самая заметная атака была нанесена Сэмюэлем Уилберфорсом, тогдашним епископом Оксфорда, в “Ежеквартальном обзоре” за июль 1860 года. “Это, - сказал Хаксли в своей рецензии на “Эволюцию человека” Геккеля, - произведение, которое любопытному собирателю книг следовало бы переплести в хорошую телячью, а еще лучше - ослиную кожу, вместе с нападками Броэма на волновую теорию света, когда она была впервые предложена Янгом”. Епископ объявил “принцип естественного отбора абсолютно несовместимым со словом Божьим” и “противоречащим богооткровенным отношениям творения к своему Создателю”. Если под “богооткровенными отношениями” и “словом Божьим” подразумевается Библия, эволюционист согласен с епископом. Но в это время суток вряд ли стоит отряхивать пыль со статей, которые прошли путь всех чисто спорных вопросов, и оправдание для ссылки на них заключается только в том факте, что соперничество между биологами и епископами еще не закончено.

В противовес всему этому и в доказательство компромисса, с помощью которого теология тщетно пытается оправдать себя, приводятся эти расплывчатые фразы из выступления архидьякона Уилсона на Церковном конгрессе в Шрусбери осенью 1896 года: “Едва ли будет преувеличением сказать, что теистический эволюционист не может быть иным, кроме практического сторонника Троицизма, и не может найти затруднений в Воплощении или в доктрине Святого Духа”. “Христианское учение, помимо изложения исторических фактов, является попыткой создать из учения Христа философию жизни, которая удовлетворяла бы этим потребностям (то есть потребностям человечества), и поэтому оно останется прежним по существу. Но форма, в которой будет представлена эта доктрина, должна меняться в зависимости от интеллектуального окружения человека. Следовательно, влияние Эволюции на христианскую доктрину заключается, одним словом, в изменении не самой доктрины, а формы, в которой она выражена”.

Откладывая рассказ о знаменитом споре между Уилберфорсом и Хаксли, можно отметить прием, оказанный Происхождению видов научными современниками Дарвина. Позиция Герберта Спенсера, как будет показано позже, уже была своеобразной: он был дарвинистом до Дарвина. Хукер, Хаксли, которые сказали, что готовы пойти на костер, если потребуется, в поддержку некоторых частей книги, Бейтс и Лаббок были немедленными новообращенными; так же как и Эйза Грей и Лайелл, но с оговорками, поскольку Лайелл, чье кредо было унитарным, никогда полностью не принимал включение человека, “тела, души и духа”, как результата естественного отбора. Хенслоу и Пикте прошли одну милю, но отказались пройти две; Агассис, Мюррей и Харви не потерпели новой ереси; так же как и Адам Седжвик, который написал Дарвину длинный протест, составленный в любовных выражениях и заканчивающийся надеждой, что “мы встретимся на небесах”. Позиция Оуэна, если в открытом разговоре он казался нейтральным или осторожным, то как анонимный критик был смертельно враждебен.

Хотя это не включено в список его сочинений, приведенный в книге "Жизнь" его внуком, известно, что он был автором критического анализа "Происхождения видов" в "Эдинбург Ревью" за апрель 1860 года.

В начале статьи он говорит о "соблазнении" Дарвином "нескольких, возможно, большинства наших молодых натуралистов" гомеопатической формой трансмутации видов, представленной им под названием естественного отбора.... "Оуэн давно заявлял о своей вере в то, что в осуществлении изменений действует какой-то predetermined закон или вторичная причина ... поэтому мы считаем кропотливое и тщательное сравнение Кювье остеологических и любых других признаков, которые можно было обнаружить в мумифицированном ибисе, кошке или крокодиле, с таковыми у видов, живших в его время; и столь же философское исследование полипов, участвовавших с интервалом в тридцать тысяч лет в строительстве коралловых рифов глубоким палеонтологом из Невшателя (здесь упоминается Агассис), имеющим гораздо большую ценность в отношении индуктивного решения вопроса о происхождении видов, чем рассуждения Демайера, Бюффона и других ученых. , Ламарк, "Пережитки", Баден Пауэлл или Дарвин" (стр. 532).

Запутавшись в сетях этой теории "предetermined закона", которая, по-видимому, имеет некоторое отношение к "принципу совершенствования" Аристотеля и находится в тесном союзе с учением великого Кювье, у ног которого стоял Оуэн, он до конца своей жизни оставался человеком с задержкой развития. В то время как Церковь ссылалась на него как на авторитет против дарвиновской теории, особенно в ее применении к происхождению человека, в памяти его брата Савантса осталось отсутствие у него искренности в том, что он никогда не отказывался от сделанного им и продемонстрированного Хаксли как неверного утверждения, что "малый гиппокамп" в мозге человека отсутствует в мозге обезьяны.

Что касается приема книги за границей, французские ученые были несколько застенчивы, но немцы во главе с Геккелем были полны энтузиазма. Дарвин, как и все пророки, пользовался большим почетом в других странах, чем в своей собственной, и Эволюция была переименована в *дарвинизм*. Перевод за переводом Оригинал следовал быстрыми темпами, и личный интерес, возникший вокруг центральной идеи, привел к прочтению книги людьми, которые никогда прежде не открывали научный трактат. Панч ухватился за это как за предмет карикатуры; и авторы легких стихов нашли желанный материал для "мякины", которую унесли ветры забвения, кое-где сохранились строфы, как, например, в аристофанических строках мистера Кортоупа:

Яйца откладывались по-прежнему, но с каждым разом боролись и выводились все новые и новые разновидности,

пока на одной чаше весов не отпал хвост предка, а на другой - голова.

Из клюва, вкратце, развились Птицы, если только наши ручные голуби и утки не лгут;

Из хвоста и задних ног, из яиц, отложенных вторыми, - обезьяны. — и профессор Хаксли!

Не обращая внимания ни на колкости, ни на сатиру, ни на проповедь, Дарвин в тиши своего дома в Кенте продолжал переставлять старые материалы, собирать новые и проверять и то, и другое, результатом чего стали его работы "Оплодотворение орхидей" и "Изменчивость растений и животных при одомашнивании", опубликованные в 1862 и 1867 годах

соответственно. Между этими датами появилась книга Хаксли "Место человека в природе" — логическое дополнение к "Происхождению видов". Но об этом позже.

Между тем, как уже упоминалось, мистер Патрик Мэтью в "Хронике садовника" от 7 апреля 1860 года обратил внимание на приложение к своей книге о морской древесине и лесоводстве, опубликованной в 1831 году, в котором он следующим образом предвосхитил теорию Дарвина и Уоллеса:

“Саморегулирующуюся адаптивную склонность организованной жизни можно частично объяснить чрезвычайной плодовитостью Природы, которая, как уже говорилось, обладает во всех разновидностях своего потомства плодотворной способностью, намного превышающей (во многих случаях в тысячу раз) то, что необходимо для заполнения вакансий, вызванных старческим увяданием. Поскольку поле существования ограничено и занято заранее, только более выносливые, более крепкие, лучше приспособленные к обстоятельствам индивиды способны продвигаться к зрелости, они обитают только в тех ситуациях, к которым они обладают превосходной адаптацией и большей способностью занимать место, чем любой другой вид; более слабые и менее приспособленные к обстоятельствам преждевременно уничтожаются. Этот принцип находится в постоянном действии; он регулирует цвет, фигуру, способности и инстинкты; те особи каждого вида, чей окрас и покров лучше всего подходят для сокрытия или защиты от врагов, или защиты от неблагоприятных условий или превратностей климата, чья фигура лучше всего соответствует здоровью, силе, защите и поддержке; чьи способности и инстинкты могут наилучшим образом регулировать физическую энергию для собственной выгоды в зависимости от обстоятельств - при такой огромной трате начальной и юношеской жизни те достигают зрелости только после строгого испытания, посредством которого Природа проверяет их адаптацию к ее стандарту совершенства и пригодности для продолжения рода. в своем роде путем размножения” (стр. 384, 385).

Говоря о трудностях в понимании некоторых отрывков в приложении м-ра Мэтью, Дарвин говорит, что в нем проявляется “вся сила принципа естественного отбора”, и, ссылаясь на это в письме Лайеллю, он добавляет, что “можно извинить себя за то, что я не обнаружил этот факт в работе о корабельной древесине!”

Через пять лет после этого был обнаружен еще один додарвинист, причем, как и Патрик Мэтью, в неожиданной компании. Доктор У. К. Уэллс прочитал доклад в Королевском обществе в 1813 году о белой женской части тела, кожа которой напоминает кожу негритянки, но он не был опубликован до 1818 года, когда стал частью тома, включающего два знаменитых эссе автора о роде и Одиночном видении. В своем Историческом очерке Дарвин говорит, что Уэллс “отчетливо признает принцип естественного отбора, и это первое признание, на которое было указано; но он применяет его только к человеческим расам и только к определенным признакам.... Из случайных разновидностей человека, которые могли бы возникнуть среди первых немногих и рассеянных обитателей средних регионов Африки, какая-то одна была бы лучше других приспособлена к переносу болезней страны. Эта раса, следовательно, размножилась бы, в то время как другие уменьшились бы; не только из-за их неспособности выдержать приступы болезни, но и из-за их неспособности бороться со своими более энергичными соседями ”.

Когда простота долго скрываемого решения становится очевидной, мы можем понять размышления Хаксли о постижении центральной идеи Происхождения: “Как невероятно глупо

не додуматься до этого!" Прошло двенадцать лет, прежде чем Дарвин опубликовал свою потрясшую мир книгу "Происхождение человека". Но почва для ее публикации была подготовлена в течение десятилетия между 1860 и 1870 годами. Цитирую компетентное резюме Гранта Аллена о развитии теории эволюции в его книге "Чарльз Дарвин": "Один за другим те немногие ученые, которые все еще держались, были подавлены весом доказательств. Геология продолжала поставлять новые примеры переходных форм; прогресс исследований в неизведанных странах продолжал пополнять наши знания осуществляющих промежуточных видах и разновидностях. За эти десять лет Герберт Спенсер опубликовал свои "Первые принципы", свою биологию и переработанную форму своей психологии; Хаксли раскрыл место человека в природе, Лекции по сравнительной анатомии и Введение в классификацию животных; Уоллес опубликовал свой труд "Малайский архипелаг" и свой вклад в теорию естественного отбора (Бейтс, мы можем здесь добавить к списку мистера Аллена, опубликовал свою статью о мимикрии в 1861 году и "Натуралист об амазонках" в 1863 году); а Гальтон написал свою замечательную работу о наследственной гениальности, которой так гордится его собственная семья. примечательный пример. Тиндалл и Льюис уже давно демонстрировали свою теплую привязанность. В Оксфорде Роллстон воспитывал новое поколение молодых биологов в новой вере; в Кембридже, старом университете Дарвина, начинала ощущаться и быть услышанной целая школа блестящих и точных физиологов. В области антропологии Тайлор приветствовал помощь новых идей, в то время как Лаббок был занят родственными исследованиями происхождения цивилизации и первобытного состояния человека. Все эти разнообразные направления мысли одновременно свидетельствовали о широком влиянии первой великой работы Дарвина и привели к подготовке его второй, в которой он рассматривал историю и развитие человеческой расы. И то, что было, таким образом, верно для Англии, было в равной степени верно и для цивилизованного мира, рассматриваемого в целом: везде великое эволюционное движение шло полным ходом, везде импульс, посланный из тихого дома в Кенте, пронизывал и ускорял весь пульс разумного человечества".

"Происхождение видов", как мы видели, задумывалось как черновик или предварительный набросок теории естественного отбора. Материалы, которые Дарвин собрал в поддержку этой теории, были огромны, и несколько книг, вышедших в период с 1859 по 1881 год, за год до его смерти, были дополнениями к намекам и частями книги первопроходцев. Последним, что появилось, было лечение образования растительной плесени с помощью червей. В нем воплотились результаты экспериментов, которые проводились более сорока лет, с тех пор как еще в 1837 году Дарвин прочитал доклад на эту тему в Геологическом обществе. Упоминание об этом напоминает историю, характерную для врожденной скромности Дарвина, рассказанную писателю нынешним Джоном Мюрреем. Дарвин зашел к старшему Мюррею (предположительно, где-то в 1880 году) и, пошарив в кармане его фрака, вытащил пакет, который протянул Мюррею с робостью неопытного автора, представляющего свою первую рукопись. "Я принес вам," сказал он, - свою небольшую статью о действии червей на почву", - а затем остановился, как будто сомневаясь, захочет ли Мюррей рискнуть и выпустить книгу! Одна история ведет к другой, и наша вторая связана с захоронением Дарвина в Вестминстерском аббатстве. Среди подписей членов парламента, просящих согласия дина Брэдли на погребение Дарвина там, была подпись мистера Ричарда Б. Мартина, партнера известного банка с таким названием, торгующего под вывеской "Кузнечик". В своей истории этого старого учреждения мистер Джон Б. Мартин приводит следующее письмо, полученное 27 апреля 1882 года, на следующий день после похорон Дарвина.

Господа— Сегодня мы выписали чек на сумму 280 фунтов стерлингов, который закрывает наш счет в вашей фирме. Причины, по которым мы таким образом закрываем счет, открытый так много лет назад, настолько исключительного характера, что мы вполне готовы обнаружить, что они сочтены совершенно неадекватными результату.... Они полностью связаны с присутствием мистера Р. Б. Мартина в Вестминстерском аббатстве, не просто как санкционирующего это как частное лицо, но выступающего как один из представителей Общества, которое особенно стало сторонником теорий мистера Дарвина. - & Co.

Назначение места упокоения останкам Дарвина среди прославленных усопших Англии в этой Валгалле было переходом от Теологии к тому, чьи теории, доведенные до логических выводов, сделали больше, чем какие-либо другие, для подрыва сверхъестественных предположений, на которых они построены. Не то чтобы Дарвин был человеком агрессивного типа. Если он говорит о высоких материях, вокруг которых, подобно планете, привязанной к солнцу, вращается дух человека по непреодолимому влечению, то делает это неуверенным голосом и без глубоких эмоций. Человек спокойного нрава, в котором наблюдательные способности были сильнее рефлексивных, он довольствовался сбором и согласованием фактов, предоставляя другим указывать на их значение и приспособлять их, насколько они могли, к той или иной теории. Было бы несправедливо сказать о нем то, что Джон Морли говорит о Вольтере, что “у него не было слуха к более тонким вибрациям духовного голоса”, но мы знаем из его собственных признаний, какие ограничения сдерживали его эмоциональную натуру. В “Жизни и письмах” говорится, что после завершения более серьезной работы и дневной переписки он был рад послушать романы, которые он очень любил, пока они заканчивались счастливо, и в них была “какая-нибудь особа, которую можно по-настоящему полюбить, если это красивая женщина, тем лучше”. Но, как ни странно, после тридцати лет он потерял всякое удовольствие от музыки, искусства и поэзии. В школе ему нравились Томсон, Байрон и Скотт; Шелли приводил его в восторг, и он любил Шекспира, особенно исторические пьесы; но в старости он находил его “таким невыносимо скучным, что меня это тошнило”.

Эта любопытная и прискорбная утрата высших эстетических вкусов тем более странна, что книги по истории, биографии и путешествия (независимо от любых научных фактов, которые они могут содержать) и эссе на самые разные темы интересуют меня так же сильно, как и прежде. Мой разум, кажется, превратился в своего рода машину для вытаскивания общих законов из больших массивов фактов, но я не могу понять, почему это должно было вызвать атрофию только той части мозга, от которой зависят высшие вкусы. Человек с более высокоорганизованным или лучше устроенным умом, чем мой, я полагаю, не пострадал бы таким образом; и, если бы мне пришлось жить своей жизнью снова, я бы взял за правило читать стихи и слушать музыку по крайней мере раз в неделю, поскольку, возможно, атрофированные части моего мозга таким образом сохраняли бы активность за счет использования. Потеря этих вкусов является потерей счастья и, возможно, может нанести вред интеллекту и, что более вероятно, моральному облику, ослабляя эмоциональную часть нашей натуры.

Часто говорят, что религия человека касается только его самого. Что касается ценности мнений большинства людей по таким высоким вопросам, то это верно; но это поверхностное высказывание применительно к людям, чьи слова имеют вес или чьи открытия заставляют нас задаться вопросом, какое отношение они имеют к более масштабным вопросам человеческих отношений и судеб, на которые прошлые века дали ответы, которые нас больше не

удовлетворяют или которые несовместимы с обнаруженными фактами. Какое бы молчание Дарвин ни хранил в своих книгах относительно своих религиозных взглядов, разумные читатели увидели бы, что каким бы неагрессивным ни был способ изложения его теории, он подрывал сложившуюся веру в особое провидение с его особыми творениями и ухищрениями и, следовательно, в периодическое вмешательство божества; таким образом, исключая то сверхъестественное действие, доказательством которого являются чудеса.

Они также не могли не задать вопрос, применима ли теория естественного отбора путем “происхождения с модификацией” к человеческому виду. И когда Дарвин, которого уже предвосхитили в этом применении его более смелые ученики, профессора Хаксли и Геккель, опубликовал "Происхождение человека" с откровенной главой о происхождении совести и развитии веры в духовные существа, веры, подлежащей периодическому пересмотру по мере роста знаний, стало очевидно, что все традиционные догмы о грехопадении и искуплении человека, о человеческом грехе и божественном прощении потерпели крах. Следовательно, то, во что верил сам Дарвин, было делом момента. Его ответы на запросы, которые были обнародованы при его жизни, сообщили нам, что, хотя меняющиеся обстоятельства и образ жизни заставляли его суждения часто колебаться, и что, хотя он никогда не был атеистом в смысле отрицания существования Бога, “Я думаю, - говорит он, - что обычно (и все больше по мере того, как я становлюсь старше), но не всегда, агностик был бы наиболее правильным описанием моего душевного состояния”. Глава о религии, хотя и является частью автобиографии, напечатана отдельно в журнале "Жизнь и письма". Как показывает следующая цитата, она интересна тем, что подробно описывает несколько шагов, с помощью которых Дарвин достиг этой приостановленной стадии.

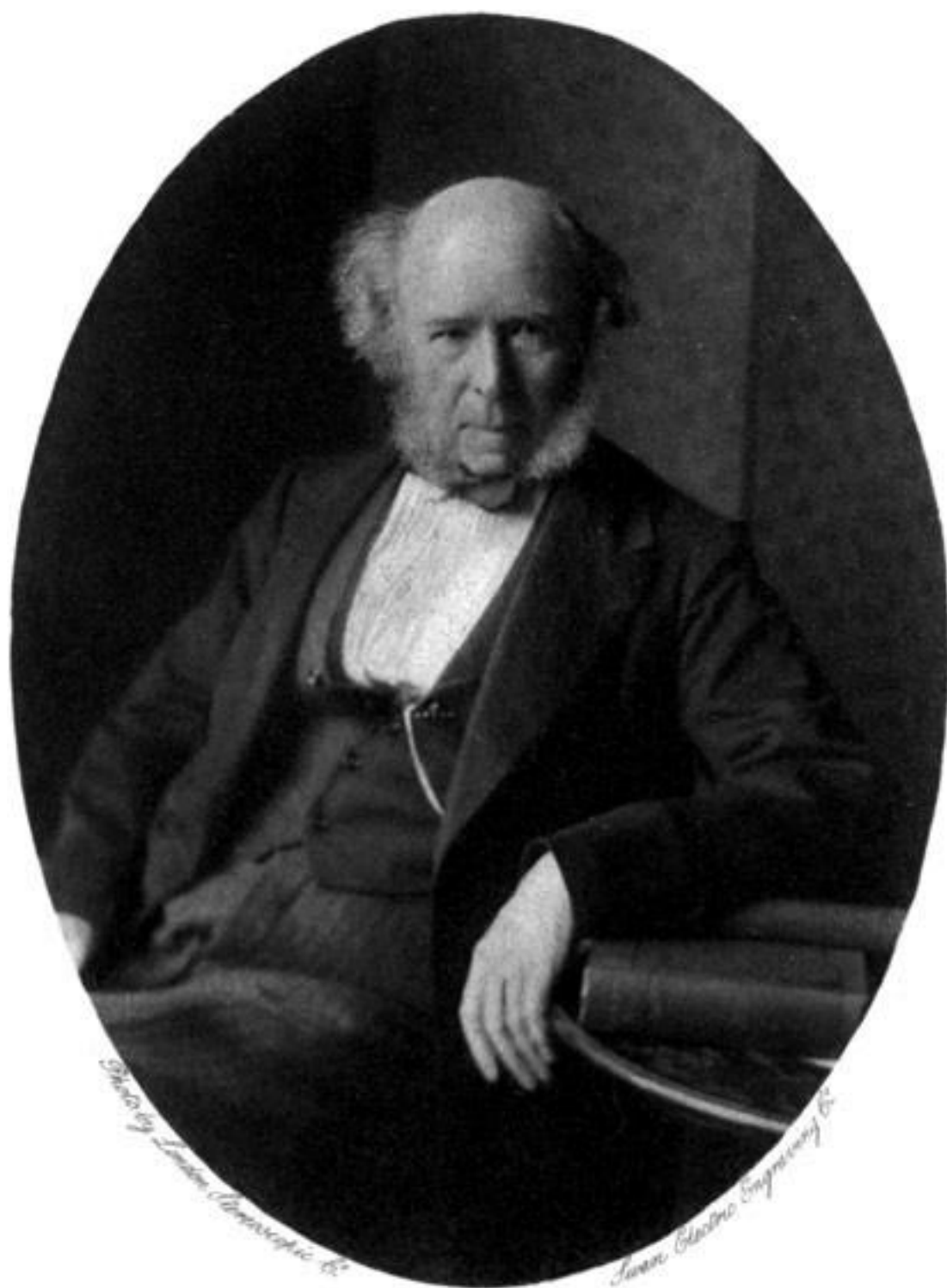
Находясь на борту "Бигля", я был вполне ортодоксальным, и помню, как несколько офицеров (хотя и сами ортодоксальные) от души смеялись надо мной за то, что я цитировал Библию как непререкаемый авторитет в некоторых вопросах морали. Я полагаю, что их позабавила новизна аргумента. Но к этому времени — то есть с 1836 по 1839 год — я постепенно пришел к пониманию того, что Ветхому Завету следует доверять не больше, чем священным книгам индусов. Таким образом, вопрос постоянно вставал перед моим умом, и от него нельзя было избавиться — правдоподобно ли, что если бы Бог сейчас сделал откровение индусам, он позволил бы связать его с верой в Вишну, Шиву и т.д., как христианство связано с Ветхим Заветом? Это показалось мне совершенно невероятным.

Размышляя далее о том, что для того, чтобы заставить любого здравомыслящего человека поверить в чудеса, которыми поддерживается христианство, потребовались бы самые ясные доказательства — и что чем больше мы узнаем о неизменных законах Природы, тем невероятнее становятся чудеса, — что люди того времени были невежественны и легковерны до почти непостижимой для нас степени, что нельзя доказать, что Евангелия были написаны одновременно с событиями, что они различаются во многих важных деталях, слишком важных, как мне кажется, чтобы признать их обычными неточностями очевидцев: такими размышлениями, как эти, которые я привожу не как имеющие ни малейшей новизны или ценности, но по мере того, как они влияли на меня, я постепенно перестал верить в христианство как в божественное откровение. Тот факт, что многие ложные религии распространились на большие территории земли подобно лесному пожару, имел для меня определенный вес.

Но я очень не хотел отказываться от своей веры; я уверен в этом, поскольку хорошо помню, как часто придумывал сны наяву о старинных письмах выдающихся римлян и обнаруженных в Помпеях или где-либо еще рукописях, которые самым поразительным образом подтверждали все, что было написано в Евангелиях. Но мне становилось все труднее, учитывая свободу моего воображения, выдумывать доказательства, которых было бы достаточно, чтобы убедить меня. Таким образом, неверие охватывало меня очень медленно, но, наконец, стало полным. Темп был настолько медленным, что я не испытывал никаких неудобств.

Хотя я мало задумывался о существовании личного Бога до значительно более позднего периода своей жизни, здесь я приведу расплывчатые выводы, к которым меня привели. Старый аргумент из "замысла в природе", приведенный Пейли, который раньше казался мне таким убедительным, теперь, когда открыт закон естественного отбора, терпит неудачу. Мы больше не можем утверждать, что, например, красивая петля двустворчатой раковины должна была быть сделана разумным существом, как дверная петля сделана человеком. По-видимому, в изменчивости органических существ и в действии естественного отбора не больше преднамеренности, чем в направлении, по которому дует ветер. Но я обсуждал эту тему в конце своей книги "Вариации домашних животных и растений", и, насколько я могу видеть, на приведенный там аргумент так и не был дан ответ.

Без сомнения, влияние выводов, выводимых из теории Эволюции, фатально для веры в сверхъестественное. Когда мы говорим "сверхъестественное", мы имеем в виду ту огромную совокупность предположений, на основе которых построены все теологии, существенным элементом которых является тесная связь между духовными существами, которым приписываются определенные качества, и человеком. Этим существам больше нет места в действенной вере разумных и непредубежденных людей, потому что обнаруживается, что они не соответствуют установленным действиям Природы.

Herbert Spencer

2. Герберт Спенсер.

Контакт со многими “видами и состояниями людей” приводит к необходимости постоянно вдалбливать им в уши тот факт, что *теория Дарвина имеет дело только с эволюцией растений и животных от общего предка. Она не имеет отношения ни к происхождению самой жизни, ни к тем предшествующим жизни условиям, которые охватываются общим термином* “Неорганическая эволюция”. Следовательно, она составляет лишь очень малую часть общей теории происхождения земли и других тел, “неисчислимых, как песок на морском берегу”, которые заполняют бесконечные пространства.

Мы видели, что спекуляции о Вселенной зародились в Ионии. После столетий уныния, запретов, а иногда и настоящих преследований, около трехсот лет назад она была возрождена для продвижения вперед без дальнейших серьезных ограничений. Обзор истории философских учений о происхождении космоса со времен возрождения исследований показывает, что великий Иммануил Кант не получил того, что ему причиталось по заслугам. Как уже отмечалось, он, по-видимому, был первым, кто придал форму тому, что известно как теория туманностей. В своей книге “Общая естественная история и теория небесных тел, или Попытка объяснить строение и механическое происхождение Вселенной на основе ньютоновских принципов”, опубликованной в 1775 году, он “представляет себе вселенную как некогда бесконечное расширение бесформенной и рассеянной материи. В какой-то момент он предполагает создание единого центра притяжения и показывает, как это должно привести к развитию огромного центрального тела, окруженного системами солнечных и планетарных миров на всех стадиях развития. Ярким языком он изображает великий мировой водоворот, расширяющий границы своего огромного водоворота в медленном развитии миллионов эпох, постепенно поглощающий все больше и больше молекулярных отходов и превращающий хаос в космос. Но то, что приобретает на периферии, теряется в центре; притяжение центральных систем сближает их составляющие, которые затем под действием выделяющегося тепла снова превращаются в молекулярный хаос. Таким образом, существующие миры лежат между руинами миров, которые были, и хаотическими материалами миров, которые будут; и, несмотря на все опустошения и разрушения, Космос расширяет свои границы за счет Хаоса”.

Предположения Канта были подтверждены знаменитым математиком Лапласом. Он показал, что “кольца” вращаются в том же направлении, что и центральное тело, от которого они были отделены; солнце, планеты и спутники (за исключением Урана) движутся в общем направлении и почти в одной плоскости. Вероятность того, что эти гармоничные движения являются следствием сходных причин, он подсчитал как 200 000 миллиардов к одному.

Наблюдения известного астронома сэра Уильяма Гершеля, которые привели к открытию двойных звезд, звездных скоплений и облакоподобных туманностей (как подразумевает этот термин), стали дальнейшим подтверждением теории Канта. И те изменения в этом, которые были внесены последующим прогрессом в знаниях, в частности доктриной сохранения энергии (гипотеза Канта и Лапласа основана только на гравитации), не влияют на общую теорию происхождения небесных тел из кажущейся бесформенной, нестабильной и сильно рассеянной материи. Предположение о примитивной нестабильности и непохожести согласуется с неравномерным распределением материи; с перемещениями ее масс в разных направлениях и с разной скоростью; и с непрерывным перераспределением материи и движения. Ибо все изменения состояний происходят из—за перегруппировки атомов, из которых состоит материя,

что приводит к эволюции кажущегося похожим в действительное отличие; из простого во все более и более сложное, пока - говоря о единственной планете, об истории жизни которой мы можем иметь знания, — с охлаждением земли до температуры, допускающей эволюцию живой материи, высочайшая сложность достигается в бесконечно разнообразных формах растений и животных. Следовательно, поскольку наши знания о материи ограничены изменениями, проводником которых мы предполагаем, что она является, может показаться, что наука сводит Вселенную к понятному понятию Движения.

После великого открытия Кирхгофом в 1859 году значения темных линий, пересекающих преломленные солнечные лучи, спектроскоп стал мощным доказательством в поддержку теории туманностей, в то время как фотопластинка является едва ли менее важным свидетелем. Первая продемонстрировала, что многие туманности, которые когда-то считались звездными скоплениями, представляют собой массы светящихся газов водорода и азота; что, цитируя поразительное сообщение, сделанное высшим авторитетом в этой области, доктором Хаггинсом, в его президентском обращении к Британской ассоциации в 1891 году: “в той части небес, которая нам известна, звезды, все еще находящиеся на ранней и средней стадиях эволюции, значительно превосходят по количеству те, которые, по-видимому, находятся в продвинутом состоянии уплотнения”. Другой, регистрирующий безошибочные вибрации на чувствительной пластинке и обеспечивающий точную регистрацию отпечатков, показывает, как на большой фотографии туманности Андромеды, сделанной доктором Робертсом, центральную массу, вокруг которой расположены отчетливые кольца светящейся материи, отделенные от основного тела темными трещинами или промежутками. Еще раз процитирую доктора Хаггинса: “Кажется, мы представили себе некую стадию космической Эволюции гигантского масштаба”.

Великим фактом, который лежит в основе всех этих подтверждений теории туманностей, является фундаментальная идентичность вещества, из которого состоит вселенная; факт, который вошел в предвидение ионийских космологов. Доктор Хаггинс говорит, что “если бы вся земля была нагрета до температуры солнца, ее спектр был бы очень похож на солнечный спектр”.

Ссылаясь на это, можно предположить, что “совы долетели до Афин”, но то, что иногда могут потребоваться повторные заявления, проиллюстрировано в Президентском обращении лорда Солсбери к Британской ассоциации в 1894 году, в котором предполагаемое отсутствие кислорода и азота в спектре солнца приводится в качестве аргумента против теории общего происхождения тел солнечной системы. Говоря о преобладающей доле кислорода в твердых и жидких веществах Земли и о преобладании азота в нашей атмосфере, его светлость спросил: “Если земля немного отделилась от массы Солнца, как любят говорить нам космогонисты, то как получилось, что, покидая солнце, мы настолько полностью очистили его от азота и кислорода, что не осталось ни следа этих газов, которые можно было бы обнаружить даже с помощью пронизательного зрения спектроскопа?” Если бы лорд Солсбери проконсультировался с доктором Хаггинсом или каким-нибудь иностранным астрономом такого же ранга, как Дюнер или Шайнер, он не задал бы вопрос, изобличающий его невежество и предубеждение. Эти авторитеты сказали бы ему, что при исследовании смеси раскаленных паров металлов и металлоидов (или неметаллических элементарных веществ, к классу которых относятся как кислород, так и азот) или их соединений с помощью спектроскопа спектры металлоидов всегда уступают спектру металлов. Отсюда отсутствие линий кислорода и других металлоидов, за

исключением углерода и кремния, среди огромного множества линий в солнечном спектре. Кроме того, при экстремальных состояниях разрежения поглощающего слоя солнца поглощение кислорода слишком мало, чтобы быть ощутимым для нас.

“В то время как происхождение Солнечной системы и бесчисленных других подобных ей систем, таким образом, становится понятным, окончательная тайна остается такой же великой, как и прежде. Проблемасуществования не решена: она просто отодвинута еще дальше назад. Гипотеза туманности не проливает света на происхождение рассеянной материи; и рассеянная материя нуждается в таком же учете, как и конкретная материя. Происхождение атома представить не легче, чем происхождение планеты. Более того, это не только не делает вселенную менее загадочной, чем раньше, но и делает ее еще большей загадкой. Создание путем производства - гораздо более низкая вещь, чем создание путем эволюции. Человек может собрать машину, но он не может заставить машину развиваться саму по себе. Изобретательный ремесленник, способный, как некоторые до сих пор, имитировать жизненную силу, создавая механического пианиста, может в некотором роде представить себе, как при большем мастерстве можно искусственно создать полноценного человека; но он неспособен представить, как такой сложный организм постепенно возникает из крошечного бесструктурного зародыша. То, что наша гармоничная вселенная когда-то потенциально существовала как бесформенная рассеянная материя и медленно выросла до своего нынешнего организованного состояния, является гораздо более удивительным фактом, чем было бы ее формирование с помощью искусственного метода, который вульгарно предполагается. Те, кто считает законным рассуждать от феноменов к ноуменам, могут справедливо утверждать, что гипотеза Туманности подразумевает Первопричину, в такой же степени превосходящую ”механического Бога Пейли“, как и фетиш дикаря”.

Эта цитата взята из эссе о небулярной гипотезе, которое появилось в "Вестминстер Ревью" в июле 1858 г. и которое, следовательно, должно было быть написано до знаменательной даты чтения памятного доклада Дарвина и Уоллеса в Линнеевском обществе. Автором этого эссе является мистер Герберт Спенсер, и приведенный выше отрывок из него может уместно предварить краткий отчет о работе его жизни по объединению разнообразных отраслей знания в синтетическое целое. Создавая законченную теорию эволюции на чисто научной основе, “его глубокие и энергичные труды, - цитируя Хаксли, - воплощают дух Декарта в знаниях наших дней”. Закладывая фундамент своего массивного сооружения в ранней зрелости, мистер Спенсер испытал редкое удовлетворение, поместив самый верхний камень в здание, которое изобрел его мозг и подняла его рука. В то время как листы этой небольшой книги сдаются в печать, выходит третий том "Принципов социологии", который завершает синтетическую философию мистера Спенсера. В предисловии к этой книге достопочтенный автор говорит:

“Оглядываясь назад на тридцать шесть лет, которые прошли с тех пор, как я начал заниматься Синтетической философией, я удивляюсь своей смелости взяться за нее, и еще больше удивляюсь ее завершению. В 1860 году мои скудные ресурсы были почти полностью растрочены на написание и публикацию книг, которые не окупили своих затрат; и я страдал хроническим заболеванием, вызванным перенапряжением мозга в 1855 году, которое полностью вывело меня из строя на восемнадцать месяцев, после чего моя работа ограничивалась тремя часами в день, а обычно и меньше. Насколько безумным, должно быть, казался мой проект сторонним наблюдателям, можно судить по тому факту, что еще до того, как

была закончена первая глава первого тома, один из моих нервных срывов вынудил меня отказаться от него.

Но опрометчивые действия не всегда приводят к неудаче. Иногда случай оправдывает слабую надежду. Хотя, наряду с другими сдерживающими факторами, многочисленные рецидивы, длящиеся то неделями, то месяцами, а когда-то и годами, часто приводили меня в отчаяние от того, что я достиг конца, и все же в конце концов конец достигнут. Несомненно, в прежние годы это вызвало бы некоторое ликование, но с возрастом чувства ослабевают, и теперь мое главное удовольствие - в моей эмансипации. И все же я испытываю удовлетворение от сознания того, что потери, разочарования и пошатнувшееся здоровье не помешали мне достичь цели моей жизни”.

Эти слова напоминают параллель, напрашивающуюся из записи Гиббона о его чувствах по завершении своего бессмертного труда, когда, прогуливаясь под акациями в своем саду в Лозанне, он размышлял о “возвращении себе свободы и, возможно, обретении славы”, но с “трезвой меланхолией” при мысли, что “он навсегда расстался со старым и приятным товарищем”.

Герберт Спенсер, духовный потомок —*лонго интервалло*— Гераклита и Лукреция, родился в Дерби 27 апреля 1820 года. Его отец был школьным учителем, человеком с научными вкусами и, интересно отметить, секретарем Философской ассоциации Дерби, основанной Эразмом Дарвином. В книге мистера Спенсера о воспитании есть намеки на унаследованную им склонность отца к наблюдению и любителю природы в замечании, что “тот, кто в юности не коллекционировал растения и насекомых, не знает и половины того ореола интереса, который могут создать дорожки и живые изгороди”. На семнадцатом году жизни он стал инженером-железнодорожником и занимался этой профессией до двадцати пяти лет. В этот период он написал различные статьи для журнала инженеров-строителей и архитекторов и, что важно отметить, серию писем к нонконформисту в 1842 году о надлежащей сфере управления (переиздана в виде брошюры в 1844 году), в которых “единственная точка соприкосновения с общей доктриной эволюции - это вера в возможность изменения человеческой природы путем адаптации к условиям и, как следствие, вера в прогресс человека”. Бросив инженерное дело, мистер Спенсер присоединился к сотрудникам журнала the Economist и, работая таким образом, опубликовал в 1850 году свою первую важную книгу "Социальная статика, или Уточненные условия, необходимые для человеческого счастья, и первое из них развито". В примечании к более поздним изданиям этой работы м-р Спенсер указывает на пару параграфов в главе, посвященной общим соображениям, в которых “можно видеть первый шаг к общей доктрине эволюции. Сославшись на аналогию между разделением труда, происходящим в человеческом обществе по мере его развития, и постепенным уменьшением числа сходных частей и умножением непохожих частей, которые наблюдаются у высших животных, м-р Спенсер говорит:

“Итак, точно такое же слияние сходных частей и разделение непохожих — точно такое же возрастающее разделение функций — имеет место в развитии общества. Древнейшие социальные организмы почти полностью состоят из повторения одного элемента. Каждый человек - воин, охотник, рыбак, строитель, земледелец, мастер инструментов. Каждая часть сообщества выполняет те же обязанности, что и любая другая часть; подобно тому, как каждая часть тела полипа похожа на желудок, мышцы, кожу и легкие. Даже вожди, в которых впервые

проявляется тенденция к разделению функций, все еще сохраняют свое сходство с остальными в экономическом отношении. Следующая стадия отличается разделением этих социальных единиц на несколько отдельных классов — воинов, жрецов и рабов. Дальнейший прогресс виден в разделении рабочих на различные касты, имеющие особые занятия, как у индусов. И, без дальнейших иллюстраций, читатель сразу поймет, что от этих низших типов общества до нашего собственного, сложного и более совершенного, прогресс всегда носил один и тот же характер. Хотя он также поймет, что это слияние сходных частей, проявляющееся в концентрации отдельных производств в определенных районах, и это разделение агентов, выполняющих отдельные функции, проявляющееся во все более и более мелком разделении труда, все еще продолжают.

Таким образом, мы обнаруживаем не только то, что аналогия между обществом и живым существом подтверждается в степени, совершенно неожиданной для тех, кто обычно ее проводит, но и то, что одно и то же определение жизни применимо к обоим. Это объединение многих людей в одно сообщество, эта возрастающая взаимная зависимость единиц, которые изначально были независимыми, это формирование целого, состоящего из непохожих частей, этот рост организма, одна часть которого не может быть повреждена без того, чтобы это не почувствовали остальные, — все это может быть обобщено в соответствии с законом индивидуации. Развитие общества, а также развитие человека и развитие жизни в целом, можно описать как тенденцию к индивидуализации — *превращению в вещь*. И в правильной интерпретации многообразные формы прогресса, происходящие вокруг нас, одинаково значимы для этой тенденции ”.

Homo sum: humani nihil a me alienum puto: “Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо”. Это часто цитируемое высказывание старого фермера из “Самоистязателя Теренса” можно было бы использовать в качестве девиза к работам Герберта Спенсера, начиная с трактата “О надлежащей сфере управления” и заканчивая заключительным томом “Принципов социологии”. Ибо мысль о человеческих интересах повсюду пронизывает их; социальные и этические вопросы повсюду остаются в центре внимания. Философия принесена с ее высокого трона, чтобы сочетаться с приятными удобствами дома, с дисциплиной лагеря, с соперничеством рынка; и связана с поведением. Поведение определяется как “действия, направленные на достижение цели”, при этом совершенствование приспособления является высшей целью, так что обеспечивается “наибольшая полнота жизни в себе, в потомстве и в ближних”, при этом предел эволюции поведения не достигается, “пока, помимо предотвращения прямых и косвенных травм другим, не предпринимаются спонтанные усилия по повышению благосостояния других”. Эмерсон облачает этот идеал в четкую форму, когда говорит о времени, когда человек будет больше заботиться о том, чтобы не причинять зла ближнему, чем о том, чтобы сосед причинял зло ему; тогда его “рыночная тележка станет колесницей солнца”.

То, что человечество является стержнем, вокруг которого вращается философская система мистера Спенсера, видно из самых ранних эссе, и особенно из того, что он сделал ментальную эволюцию предметом первой части своей Синтетической философии. Ибо в “Принципах психологии”, опубликованных в 1855 году, он ограничивает чувство или сознание животными, обладающими нервной системой, и прослеживает его истоки в “размытом, неопределенном чувстве, реагирующем на единичную пульсацию или толчок” (как, например, если не спускаться ниже по шкале жизни, у медузы или медузы), до его высшей формы, такой как

самосознание, или знание, которое мы знаем, у человека. Этот доминирующий элемент в философии м-ра Спенсера обеспечивает ей жизнь и постоянство, которыми она никогда не могла бы обладать, если бы ограничивалась объяснением механики неорганической вселенной. Было замечено, как дарвиновская теория привлекла внимание во всех кругах, потому что она затрагивала интересы человека со всех сторон. И, хотя синтетическая философия менее очевидна для большинства, она рассматривает все космические процессы как чисто механические проблемы и интерпретирует “явления жизни (исключая вопрос о ее происхождении), разума и общества в терминах материи и движения”. Предвосхищая приравнивание эпитетов к такой очевидной материализации ментальных явлений, задеванных в этом методе, Спенсер отмечает смятение, с которым люди, не поднявшиеся над вульгарной концепцией, соединяющей с материей презрительные эпитеты “грубый” и “грубый”, относятся к предложению низвести явления Жизни, Разума и Общества до уровня, который они считают столь низменным. “Тот, кто помнит, что формы существования, о которых необразованные люди говорят с таким большим презрением, показаны человеком науки как тем более удивительные по своим свойствам, чем больше они исследуются, а также доказано, что в своей конечной природе они абсолютно непостижимы — так же абсолютно непостижимы, как ощущение или сознательное нечто, воспринимающее его, — тот, кто ясно осознал эту истину, увидит, что предлагаемый курс подразумевает не деградацию так называемого высшего, а возвышение так называемого низшего. Осознав, по своему желанию, что материалистический и спиритуалистический спор — это просто словесная перепалка, в которой спорящие одинаково абсурдны, каждый думает, что он понимает то, чего не может понять ни один человек, он поймет, насколько совершенно беспочвенны упомянутые опасения. Будучи полностью убежден, что независимо от того, какая терминология используется, высшая тайна должна оставаться неизменной, он будет так же готов формулировать все явления в терминах Материи, Движения и Силы, как и в любых других терминах; и скорее даже предвидит, что только в доктрине, которая признает Неизвестную Причину неотъемлемой от всех порядков явлений, может быть последовательная Религия или последовательная Философия”.

Это достаточно ясно; однако количество некоторых возражающих таково, что через восемнадцать лет после написания вышеизложенного мистеру Спенсеру, отвечая на критику в “Первых принципах”, пришлось опровергнуть обвинение в том, что он считает материю состоящей из “занимающих пространство единиц, имеющих форму и измерение”.

“Принципам психологии” предшествовала и сопровождалась серией эссе, в которых излагался процесс перехода от “гомогенного к гетерогенному”, то есть от кажущегося сходным к фактическому непохожему. Мистер Спенсер рассказывает нам, что в 1852 году он впервые познакомился с Законом развития фон Бэра, или изменениями, претерпеваемыми в каждом живом существе, от общего к особенному, в ходе его продвижения от эмбрионального состояния к полностью сформированному. Этот закон подтвердил предвидение, указанное в процитированных выше отрывках из “Социальной статики”, и произвел на него впечатление одной из трех доктрин, являющихся незаменимыми элементами общей теории эволюции. Два других - это Соотношение физических сил, или преобразование различных способов движения в другие способы движения, например, тепла или света в электричество, и так далее, подобно Протею; и Сохранение энергии, или неразрушимость материи и движения, каким бы изменениям или трансформациям они ни подвергались.

Разрешиw процитировать полезный реферат по синтетической философии, который, первоначально составленный для покойного профессора Юманса, был вложен в письмо в "Атенеум" от 22 июля 1882 г., мистер Спенсер был настолько любезен, что сообщил автору следующие подробности:

“Вы, вероятно, знаете, что концепция, изложенная в этом реферате, достигалась медленными шагами в течение многих лет. Эти шаги происходили следующим образом:—

- 1850. Социальная статика: особенно общие соображения главы. (Высшая эволюция человека.)
- 1852. Март. Гипотеза развития в главе "Лидер". (Эволюция видов, *вид. начало*, стр. 111.)
- 1852. Апрель. Теория народонаселения и др., в Вестминстерском обзоре. (Высшая эволюция человека.)
- 1854. Июль. Генезис науки в Британском ежеквартальном обзоре. (Интеллектуальная эволюция.)
- 1855. Июль. Принципы психологии. (Ментальная эволюция в целом.)
- 1857. Апрель. Прогресс: его закон и причина: Вестминстерское обозрение. (Эволюция в целом.)
- 1857. Апрель. Окончательные законы физиологии. Национальное обозрение. (Еще один фактор эволюции в целом.)

“Эти последние два очерка положили начало синтетической философии. Первая ее программа была составлена в январе 1858 года”. ...

Беседуя с мистером Спенсером по поводу этого письма, он взял на себя дополнительные труды указать на определенные отрывки из эссе, первоначально вошедших в однотомное издание 1858 года, которые содержат зародышевые идеи его синтеза. То, что они выбраны им, повысит интерес и ценность их цитирования, раскрывая, возможно, фрагмент автобиографии, написанной мистером Спенсером ни для кого не секрет.

“То, что Закон, Религия и нравы, таким образом, связаны, что их соответствующие виды действия подпадают под одно обобщение, что в определенных противоположных характеристиках людей они имеют общую поддержку и общую опасность, будет, однако, наиболее ясно видно, когда обнаружится, что они имеют общее происхождение. Как бы мало мы ни предполагали этого, исходя из нынешних обстоятельств, мы все же обнаружим, что поначалу контроль над религией, контроль над законами и контроль над нравами были единым контролем. Каким бы невероятным это сейчас ни казалось, мы считаем очевидным, что правила этикета, положения свода законов и заповеди декалога произросли из одного и того же корня. Если мы углубимся достаточно далеко в эпоху первобытного фетишизма, станет очевидным, что первоначально Божество, Вождь и Церемониймейстер были идентичны” (“Очерки”, том i, издание 1883 г.; “Манеры и мода”, стр. 65).

“Научный прогресс идет в такой же степени от частного к общему, как и от общего к особенному. Вполне в согласии с этим мы находим признание того, что науки являются ветвями одного ствола и что сначала они культивировались одновременно; и это становится тем более очевидным, когда мы обнаруживаем, что не только науки имеют общий корень, но и что наука в

целом имеет общий корень с языком, классификацией, рассуждением, искусством; что на протяжении всей цивилизации они развивались вместе, действуя и реагируя друг на друга точно так же, как это делали отдельные науки; и что, таким образом, развитие интеллекта во всех его подразделениях соответствовало тому же закону, которому мы показали науки в целом. соответствовать” (Ib. Генезис науки, стр. 191, 192).

(В соответствии с этим, признавая, что один и тот же метод должен применяться при любом исследовании, имеем ли мы дело с телом или разумом, можно процитировать следующее из Трактата Юма "О природе человека".

“Очевидно, что все науки имеют большее или меньшее отношение к человеческой природе; и что, как бы далеко ни уходила от нее любая из них, они все равно возвращаются назад тем или иным путем. Даже *математика*, *натурфилософия* и *Естественная религия* в какой-то мере зависят от науки о человеке, поскольку они находятся в ведении людей и о них судят по их силам и качествам.)

“Аналогия между индивидуальными организмами и социальными организмами - это та, которая во все века привлекала внимание наблюдателя.... Хотя становится ясно, что между составными частями человека и нации нет таких особых параллелизмов, которые, как считалось, существуют, также становится ясно, что общие принципы развития и структуры, проявляющиеся во всех организованных телах, проявляются и в обществах. Фундаментальной характеристикой как обществ, так и живых существ является то, что они состоят из взаимозависимых частей; и, по-видимому, это предполагает общность различных других характеристик.... Между тем, если какое-либо такое соответствие существует, ясно, что биология и социология будут более или менее интерпретировать друг друга.

“Одно из положений, которые мы пытались установить, состоит в том, что у животных процесс развития осуществляется не только путем дифференциации, но и путем подчиненной интеграции. Теперь в социальном организме мы можем наблюдать ту же двойственность процесса; и далее, следует отметить, что интеграции бывают тех же трех видов. Таким образом, мы имеем интеграцию, возникающую в результате простого роста смежных частей, выполняющих сходные функции; как, например, слияние Манчестера с его ситцевыми пригородами. У нас есть и другие объединения, которые возникают, когда из нескольких мест, производящих определенный товар, одно монополизирует все большую и большую часть бизнеса, а остальное приходит в упадок; как свидетельствует рост суконных районов Йоркшира за счет районов на западе Англии.... И у нас есть еще те другие объединения, которые являются результатом фактического сближения одинаково занятых частей, откуда вытекают такие факты, как концентрация издателей на Патерностер-роу, юристов в Темпле и окрестностях, торговцев зерном на Марк-лейн, инженеров-строителей на Грейт-Джордж-стрит, банкиров в центре сити ” (Essays, vol. iii, издание 1878 года; Трансцендентальная физиология, стр. 414-416).

Но, лишенная технических деталей и резюмированная словами, которые “понятны людям”, следующая цитата из "Эссе о прогрессе: его закон и причина" передает суть синтетической философии:

“Мы считаем, что мы неопровержимо показали, что то, что немецкие физиологи (фон Бэр, Вольф и другие) сочли законом органического развития (как из семени в дерево и из яйца в животное), является законом всего развития. Продвижение от простого к сложному посредством процесса

последовательных дифференциаций (т. е. Появления различий в частях кажущегося однородным вещества) одинаково наблюдается в самых ранних изменениях Вселенной, к которым мы можем вернуться; и в более ранних изменениях, которые мы можем установить индуктивно; это видно в геологической и климатической эволюции Земли и каждого отдельного организма на ее поверхности; это видно в эволюции Человечества, независимо от того, рассматривается ли оно в цивилизованном индивидууме или в совокупности рас; это видно в эволюции общества в аналогичном отношении. его политической, религиозной и экономической организации; и это проявляется в эволюции всех тех бесконечных конкретных и абстрактных продуктов человеческой деятельности, которые составляют среду нашей повседневной жизни. От самого отдаленного прошлого, которое Наука может постичь, до новинок вчерашнего дня, то, в чем по существу состоит Прогресс, - это превращение однородного в разнородное” (Очерки, том i, 1883, стр. 30).

За этим может уместно последовать “краткое изложение основных принципов, разработанных в последовательных работах”, которое мистер Спенсер, как указано выше, подготовил для профессора Юманса.

1. Во всей Вселенной в целом и в деталях происходит непрерывное перераспределение материи и движения.
2. Это перераспределение представляет собой эволюцию, когда происходит преобладающая интеграция материи и рассеивание движения, и представляет собой растворение, когда происходит преобладающее поглощение движения и дезинтеграция материи.
3. Эволюция проста, когда процесс интеграции, или формирования когерентной совокупности, протекает без осложнений со стороны других процессов.
4. Эволюция является сложной, когда наряду с этим первичным переходом из некогерентного состояния в когерентное происходят вторичные изменения из-за различий в обстоятельствах различных частей совокупности.
5. Эти вторичные изменения представляют собой преобразование однородного в гетерогенное — преобразование, которое, подобно первому, проявляется во Вселенной в целом и во всех (или почти во всех) ее деталях; в совокупности звезд и туманностей; в планетной системе; в земле как неорганической массе; в каждом организме, растительном или животном (закон Фон Бэра выражается иначе); в совокупности организмов на протяжении геологического времени; в разуме; в обществе; во всех продуктах социальной деятельности.
6. Процесс интеграции, действующий как локально, так и в целом, сочетается с процессом дифференциации, чтобы осуществить это изменение не просто от однородности к гетерогенности, но от неопределенной однородности к определенной гетерогенности; и эта черта возрастающей определенности, которая сопровождает черту возрастающей гетерогенности, подобно ей, проявляется во всей совокупности вещей и во всех ее подразделениях вплоть до мельчайших.
7. Наряду с этим перераспределением вещества, составляющего любую эволюционирующую совокупность, происходит перераспределение сохраняемого движения ее компонентов по отношению друг к другу; это также становится, шаг за шагом, более определенно неоднородным.

8. В отсутствие бесконечной и абсолютной однородности то перераспределение, одной из фаз которого является эволюция, неизбежно. Причины, которые делают это необходимым, таковы —

9. Нестабильность однородного материала, возникающая вследствие различного воздействия различных частей любого ограниченного агрегата на воздействующие силы.

Результирующие преобразования таковы—

10. Умножение эффектов. Каждая масса и часть массы, на которую воздействует сила, подразделяет и дифференцирует эту силу, которая вслед за этим продолжает производить разнообразные изменения; и каждое из них становится источником аналогично умножающихся изменений; их умножение становится больше по мере того, как совокупность становится более разнородной. И этим двум причинам возрастающей дифференциации способствует...

11. Сегрегация, представляющая собой процесс, постоянно имеющий тенденцию разделять непохожие единицы и сводить воедино сходные единицы, что постоянно служит для усиления или придания определенности различиям, вызванным иным образом.

12. Равновесие является конечным результатом этих преобразований, которым подвергается развивающийся агрегат. Изменения продолжаются до тех пор, пока не будет достигнуто равновесие между силами, которым подвергаются все части агрегата, и силами, которым эти части противостоят.

Установление равновесия может проходить через переходную стадию сбалансированных движений (как в планетной системе) или сбалансированных функций (как в живом организме) на пути к окончательному равновесию; но состояние покоя в неорганических телах или смерть в органических телах являются необходимым пределом изменений, составляющих эволюцию.

13. Растворение - это обратное изменение, которому рано или поздно подвергается каждый эволюционировавший агрегат. Оставаясь подверженной воздействию окружающих неравновесных сил, каждая совокупность всегда подвержена рассеянию из-за увеличения, постепенного или внезапного, ее сдерживаемого движения; и ее рассеянию, быстро претерпеваемому телами, недавно одушевленными, и медленно претерпеваемому неодушевленными массами, еще предстоит подвергнуться в бесконечно отдаленный период каждой планетной и звездной массе, которая с бесконечно отдаленного периода в прошлом медленно эволюционировала; цикл ее преобразований, таким образом, завершен.

14. Этот ритм эволюции и растворения, завершающий себя в течение коротких периодов в малых совокупностях и в обширных совокупностях, распределенных по пространству, завершающий себя в периоды, неизмеримые человеческой мыслью, является, насколько мы можем видеть, универсальным и вечным — каждая чередующаяся фаза процесса преобладает то в этой области пространства, то в той, в зависимости от местных условий.

15. Все эти явления, от их основных черт до мельчайших деталей, являются необходимыми результатами сохранения силы в ее формах материи и движения. Учитывая, что они распределены в пространстве, а их количество остается неизменным либо при увеличении, либо при уменьшении, неизбежно возникают непрерывные перераспределения, различимые как эволюция и растворение, а также все перечисленные выше особые черты.

16. То, что остается неизменным в количестве, но постоянно меняющимся по форме, под этими чувственными проявлениями, которые представляет нам вселенная, превосходит человеческое знание и концепцию — это неизвестная и непознаваемая сила, которую мы обязаны признать как безграничную в пространстве и без начала или конца во времени.

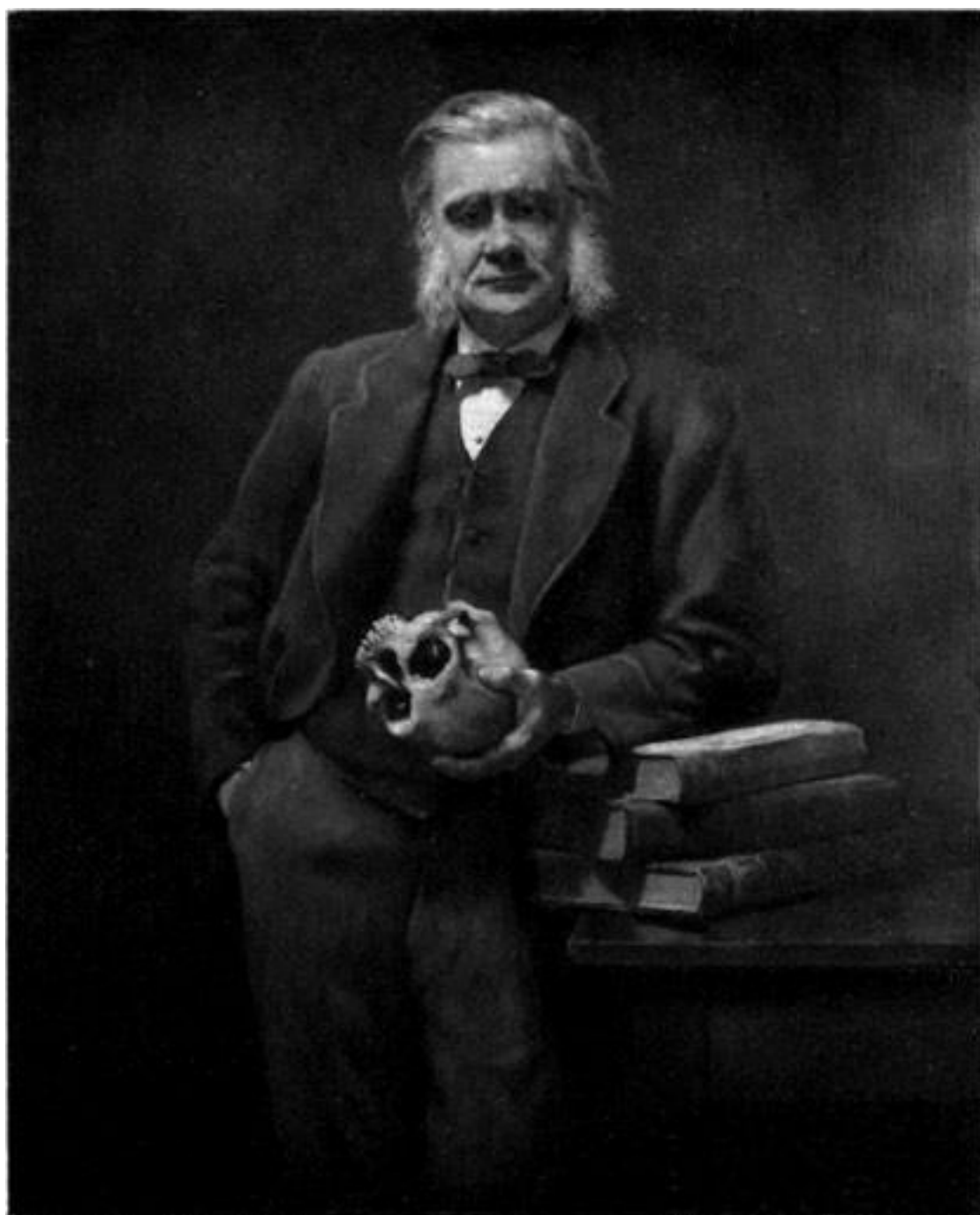
Все, что содержится в дюжине томов, которые, за исключением второстепенных работ и социологических таблиц, составляют большую часть синтетической философии, является расширением этого реферата. Общие принципы, заложенные в этой Философии, стали постоянным путем, по которому будут продолжать продвигаться исследования. Изменения, которые могут потребоваться, не повлияют на него фундаментально, поскольку будут ограничены деталями, особенно в урегулировании относительных функций отдельных лиц и сообществ, а также родственных вопросов. В них мы не можем здесь вдаваться. Достаточно того, что тем, кто обладает редкими способностями к здоровой психической деятельности, нельзя рекомендовать более питательную диету, чем та, которую предлагают First Principles и работы, в которых развиваются ее тезисы. Для тех, кто, наделенный хорошим пищеварением, испытывает недостаток досуга, в удобном томе представлена превосходная книга "Воплощение", подготовленная мистером Говардом Коллинзом.

Проспект предполагавшегося тогда выпуска серии работ, которая, начиная с "Первых принципов", заканчивается "Принципами социологии" (1862-1896), был выпущен мистером Спенсером в марте 1860 года. Благодаря его любезности автор ознакомился с документами, которые доказывают, что первый вариант этого проспекта был написан 6 января 1858 года и что это стало поводом для интересной переписки между мистером Спенсером и его отцом — в основном в форме вопросов от последнего — в течение этого месяца. Запись этих фактов имеет определенное значение как свидетельство того, что схема Синтетической философии приобрела определенные очертания в 1857 году. Следовательно, Теория Эволюции, рассматривающая вселенную *в целом*, была сформулирована за несколько месяцев до публикации статьи Дарвина-Уоллеса, в которой обсуждалась только *органическая эволюция*. "Происхождение видов", как результат этой статьи, показало, что действие естественного отбора является достаточной причиной для возникновения новых форм жизни, и, таким образом, подорвало основы старой веры в особое творение.

Общая доктрина эволюции, однако, не настолько тесно связана с доктриной естественного отбора, чтобы эти две доктрины сохранялись или исчезали вместе. Свидетельства о связи между преемственностью прошлых форм жизни, которые, принимая во внимание почти стертую летопись, были получены из ископаемых пород; и свидетельства о непрерывном развитии высших растений и животных из низших, которые все больше и больше подтверждают теорию Фон Бэра; в равной степени представляют собой совокупность свидетельств, ставящих доктрину органической эволюции на фундамент, который никогда не может быть поколеблен. И как бы твердо это ни было, доктрина неорганической эволюции опирается на поддержку, предоставленную современной наукой спекуляциям Иммануила Канта.

Необходимость подчеркивать это особенно велика, поскольку недавние дискуссии, выявившие разногласия среди биологов относительно достаточности естественного отбора как причины всех модификаций в структуре живых существ, заставляют робкие или полуинформированные умы надеяться, что доктрина эволюции все же может оказаться неверной. Именно в таком слое интеллекта всякий раз, когда обнаруживается какая-нибудь старая надпись или памятник,

подтверждающий утверждения Библии, возникает ощущение, что непогрешимость этой книги имеет дополнительные доказательства. Например, до нынешнего года из самого Египта не поступило ни единого подтверждающего свидетельства относительно истории Исхода. Даже обнаруженная надпись, по мнению такого эксперта, как доктор Флиндерс Петри, не дает желаемого точного подтверждения. Но пусть появится это неопровержимое свидетельство, и хотя историк будет приветствовать его как свидетельство пребывания израильтян в Египте, проливающее свет на перемещения рас и повышающее историческую ценность Пятикнижия, средний ортодоксальный верующий почувствует смутное удовлетворение от того, что основы его веры в Троицу и Воплощение каким-то образом укрепились.

Thos. John Collier, pinon.

Juan Christie Engraving R.

J. H. Murray

3. Томас Генри Хаксли.

Томас Генри Хаксли родился в Илинге 4 мая 1825 года. Монтень сообщает нам, что он “родился между одиннадцатью часами и полуднем”, и с такой же причудливой точностью Хаксли называет час его рождения “около восьми часов утра”. Говоря о своем первом христианском имени, он с юмором сказал, что по странной случайности его родители выбрали его в честь конкретного апостола, к которому он, как сомневающийся член двенадцати апостолов, всегда испытывал наибольшую симпатию.

О своем отце, который был “одним из учителей в большой полугосударственной школе” (отец Герберта Спенсера, как следует помнить, также был школьным учителем), Хаксли мало что может сказать в небольшом автобиографическом очерке, перепечатанном в качестве введения к первому тому Собрания сочинений. С этой стороны, по его словам, он едва ли мог найти в себе какие-либо следы, кроме определенной способности к рисованию и определенной вспыльчивости характера. “Физически и умственно он был сыном своей матери, “стройной брюнетки, эмоционального и энергичного темперамента”. Его школьное обучение было кратким и бесполезным; его вкусы были механическими, и, если бы не нехватка средств, он начал бы жизнь в той же профессии, которой следовал Герберт Спенсер, пока не оставил мистера Дж. Отдел журналистики Фокса. Итак, с некоторым отклонением от анатомической работы Хаксли некоторое время изучал медицину под руководством родственника, а на семнадцатом году жизни поступил в школу при больнице Чаринг-Кросс в качестве студента. В те дни не было преподавания физики, а только той области химии, которая касалась природы лекарств. *Non multa, sed multum*, и то, чего не хватало в широте, было, возможно, приобретено в тщательности. У Хаксли был такой же превосходный учитель в лице Уортона Джонса, как у последнего был многообещающий ученик в лице Хаксли, и при работе с микроскопом доказательством этого стало его открытие определенной корневой оболочки в волосе, которая с тех пор известна как “слой Хаксли”.

Вплоть до студенчества он был интеллектуально предоставлен самому себе. Он говорит нам, что был ненасытным и всеядным читателем, “мечтателем и спекулянтом первой воды, наделенным той великолепной смелостью в нападении на любую тему, которая является благословенной компенсацией молодости и неопытности”. Среди книг и эссе, которые произвели на него впечатление, были “История цивилизации” Гизо и эссе сэра Уильяма Гамильтона О философии необусловленного, на которое он случайно наткнулся в одном из томов “Эдинбург Ревью”. Это, добавляет он, было “поглощено с жадностью”, и это запечатлелось в его сознании твердым убеждением, “что даже на самые серьезные и важные вопросы люди склонны принимать хитрые фразы за ответы; и что ограниченность наших способностей в большом количестве случаев делает реальные ответы на такие вопросы не только фактически невозможными, но и теоретически немыслимыми”. Таким образом, еще до того, как он вышел из подросткового возраста, философия, которая управляла его жизненным учением, приобрела определенные очертания.

В 1845 году он с отличием получил степень магистра медицины в Лондоне по анатомии и физиологии и после нескольких месяцев практики в Ист-Энде подал заявление по просьбе своего старшего сокурсника, мистера (впоследствии сэра) Джозефа Файрера, о назначении на медицинскую службу военно-морского флота. По прошествии двух месяцев ему посчастливилось быть внесенным в списки старого корабля Нельсона “Виктори” для несения

службы в госпитале Хаслар. Его официальным начальником был знаменитый исследователь Арктики сэр Джон Ричардсон, по рекомендации которого семь месяцев спустя он был назначен ассистентом хирурга "Гремучей змеи". Этому кораблю под командованием капитана Оуэна Стэнли было поручено исследовать сложный проход в пределах Барьерного рифа, огибающего восточные берега Австралии, и исследовать море, лежащее между северной оконечностью этого рифа и Новой Гвинеей. Это было лучшее обучение тому, что в конечном итоге стало делом всей жизни Хаксли — решению биологических проблем и указанию на их далеко идущее значение. Дарвин и Хукер прошли похожую морскую учебную программу. Первый служил натуралистом на борту "Бигля", когда она отправилась в кругосветное путешествие в 1831 году; второй - помощником хирурга на борту "Эребуса" во время своей Антарктической экспедиции в 1839 году. Судьбе было угодно свести этих троих плечом к плечу, когда шла битва против теории неизменности видов.

Во время своего четырехлетнего отсутствия Хаксли, в котором биолог доминировал над врачом, проводил наблюдения за различными собранными морскими животными. Их он отправил домой в Линнеевское общество в тщетной надежде на принятие. Более подробный доклад Королевскому обществу, переданный через епископа Норвичского (автора книги о птицах и отца дина Стэнли), обеспечил желанную честь публикации, и по возвращении Хаксли в 1850 году его ждала "огромная пачка отдельных экземпляров". В нем рассказывалось об анатомии и сродстве медуз, и оригинальное исследование, о котором оно свидетельствовало, оправдало его избрание в 1851 году в члены общества, президентское кресло которого он спустя годы стал украшать. Казалось бы, он получил голубую ленту науки *per saltum*. Вероятно, что касается их биологической ценности, ничто из того, что он сделал впоследствии, не превзошло его вклада в научную литературу того периода; но если бы его заслуги в области знаний ограничивались тем классом работ, который они представляют, он остался бы всего лишь выдающимся специалистом. Дальнейшим признанием его заслуженного положения стало награждение королевской медалью общества. Но стипендии и медали не отпугивают волков от дверей, а Хаксли был бедным человеком. После тщетных попыток получить сначала должность профессора физиологии в Англии, а затем кафедру естественной истории в Торонто (Тиндалл в то же время был неудачным кандидатом на кафедру физики в том же университете), стабильное положение было обеспечено предложением сэра Генри де ла Беш стать профессором палеонтологии и читать лекции по естественной истории в Королевской горной школе, которые освободил Эдвард Форбс. Это было в 1854 году. Между этой датой и временем своего возвращения Хаксли опубликовал ряд ценных работ по строению беспозвоночных и по гистологии, или науке о тканях. Но это, хотя и добавляет к его установленной квалификации для назначения на научную должность, не требует здесь подробного упоминания. Оба кресла были объединены в качестве кураторов коллекций окаменелостей в Музее практической геологии, и это, вместе с должностью инспектора лососевого промысла, которую он занял в 1881 году, дополняет список наиболее важных государственных назначений Хаксли. Он отказался от них всех в 1885 году, достигнув возраста, в котором, как он шутливо заметил автору, "Каждый ученый человек должен быть вооружен секирой". Возможно, его пугал консерватизм взглядов, невосприимчивость к новым идеям, которые часто сопровождают старость. Но для него самого такие опасения были напрасны. Он никогда не отличался крепким телосложением; в дополнение к длительным последствиям перенесенной в детстве болезни, его беспокоила "проклятая ведьма" Карлайла, диспепсия, которая беспокоила и Дарвина, и Бейтса всю оставшуюся жизнь после возвращения из-за границы. Таким образом, соображения здоровья в

основном побудили его отказаться от своих разнообразных официальных обязанностей, добросовестное выполнение которых получило признание в виде назначения пенсии. Это обеспечило скромную компетентность на закате жизни тому, кто никогда не был богат и никогда не стремился к богатству. К Хаксли вполне можно применить то, что Фарадей сказал о себе, что у него “не было времени зарабатывать деньги”. И все же, к его полной дискредитации, нынешний редактор “Панча” позволил своей теологической враждебности, которая уже проявилась в безуспешных попытках на страницах этого “шутливого” журнала оценить биолога-католика за счет Хаксли, еще больше деградировать, добавив буквы “Л. С. Д.” к его имени в очерке персонажа.

Можно сказать, что его общественная жизнь началась в 1854 году. Обязанности, которые он затем взял на себя, включали чтение курса лекций для рабочих каждый следующий год. Некоторые из них — образцы в своем роде — были переизданы в сборнике эссе. Среди наиболее заметных — те, которые касаются наших Знаний о причинах явлений Органической природы. В начале своей общественной карьеры чтение лекций было ему так же противно, как в прежние годы неприятности с писательством были отвратительны. Но материнское остроумие и “needs must” за короткое время научили его завоевывать внимание аудитории. Однажды вечером 1852 года он дебютировал в Королевском институте, а на следующий день получил письмо, в котором его обвиняли во всех возможных проступках, которые только может совершить лектор, — в некрасивой сутулости, неловкости в обращении с руками, невнятном произнесении слов или опускании их за пазуху рубашки. Урок был своевременным, а его эффект благотворным. Хаксли любил рассказывать эту историю, и стоит записать — хотя бы в качестве поощрения заикающимся, которым есть что сказать, — какой ценой он “купил эту свободу”, которая заморозила аудиторию. Как он таким образом держался в последующие годы, помнят те, кто в битком набитом зале Королевского института вечером в пятницу, 9 апреля 1880 года, слушал его лекцию о достижении совершеннолетия в “Происхождении видов”.

В 1856 году Хаксли посетил ледники Альп вместе с Тиндалем, результат появился в их совместном авторстве статьи о ледниковых явлениях в *Philosophical Transactions* следующего года. Но это была редкая интерлюдия. То время, которое удавалось вырвать из повседневной рутины, было отдано изучению морфологии беспозвоночных и позвоночных, палеонтологии и этнологии, знакомство с которыми было немаловажным фактором в конфликте, который вскоре разгорелся вокруг этих, казалось бы, мирных материалов, когда было заявлено об их глубоком значении. Результат такого разнообразного труда очевиден для изучающего научные мемуары. Но перечисление названий статей, внесших вклад в эти работы, таких как, например, *O Ceratodus*, *Hyperodapedon Gordoni*, *Hypsilophodon*, *Telerpeton* и так далее, не будет здесь иметь назидательной направленности. Оригинальные и тщательно продуманные исследования, которые они воплощают, получили признание в ученых степенях и медалях, которыми был награжден прославленный автор. Но не благодаря им сохранится слава Хаксли как одной из самых богато одаренных и широко культурных личностей викторианской эпохи. Они могли бы кануть в лету, которое погребает под собой большинство чисто технических работ, никоим образом не затрагивая того выдающегося места, которое он занимает в рядах философов-биологов как ясноголовый мыслитель и блестящий интерпретатор.

На этом высоком посту публикация “Происхождения видов” предоставила ему такую возможность. Это было в 1859 году. Как и в случае с Хукером и Бейтсом, его опыт путешественника и, более того, его глубокое исследование значений и взаимосвязей

подготовили его разум к принятию теории происхождения с модификацией живых форм от одного вида. Отсюда изменчивость, в противоположность старой теории постоянства видов.

В главе о восприятии "Происхождения видов", которую Хаксли внес в книгу "Жизнь и письма Дарвина", он дает интересный отчет о своем отношении к этому животрепещущему вопросу. Он говорит...

“Я думаю, что я, должно быть, прочитал "Остатки" (см. стр. 119) до того, как покинул Англию в 1846 году, но если я и читал, книга произвела на меня очень мало впечатления, и я не был серьезно связан с вопросом о "видах" до конца 1850 года. К тому времени я уже давно покончил с космогонией Пятикнижия, которая была внушена моему детскому пониманию как Божественная истина всем авторитетом родителей и наставников и освободиться от которой мне стоило многих усилий. Но мой разум был беспристрастен в отношении любой доктрины, которая представлялась, если она утверждала, что основана на чисто философских и научных рассуждениях.... У меня не было ни тогда, ни сейчас ни малейших *априорных* возражений против описания сотворения животных и растений в "Потерянном рае", в котором Мильтон так ярко воплощает естественный смысл Книги Бытия. Я далек от того, чтобы утверждать, что это неправда, потому что это невозможно. Я ограничиваюсь тем, что следует рассматривать как скромную и разумную просьбу предоставить некоторые доказательства того, что существующие виды животных и растений действительно произошли таким образом, как условие моей веры в утверждение, которое кажется мне крайне невероятным

“И, чтобы быть совершенно справедливым, у меня был точно такой же ответ эволюционистам 1851-58 годов. В рядах биологов того времени я не встречался ни с кем, кроме доктора Гранта из Университетского колледжа, который мог бы сказать хоть слово в защиту эволюции, и его защита не была рассчитана на продвижение дела. За пределами этих рядов единственным известным мне человеком, чьи знания и способности вызывали уважение и который в то же время был убежденным эволюционистом, был мистер Герберт Спенсер, с которым я познакомился, кажется, в 1852 году, а затем завязал узы дружбы, которые, как я счастлив думать, не прерывались. Многими и продолжительными были битвы, которые мы вели по этой теме. Но даже редкое диалектическое мастерство моего друга и обилие метких иллюстраций не смогли выбить меня из моей агностической позиции. Я занял свою позицию на двух основаниях: во-первых, до того времени доказательств в пользу трансмутации было совершенно недостаточно; и, во-вторых, ни одно из сделанных предположений относительно предполагаемых причин трансмутации не было сколько-нибудь адекватным для объяснения феноменов. Оглядываясь назад на состояние знаний в то время, я действительно не вижу, чтобы какой-либо другой вывод был оправдан.

Как я уже говорил, я полагаю, что большинство из тех моих современников, которые серьезно размышляли над этим вопросом, были во многом в моем собственном состоянии ума — склонны сказать как мозаистам, так и эволюционистам: "Чума на оба ваших дома!" и склонны отказаться от бесконечной и, по-видимому, бесплодной дискуссии и трудиться на плодородной ниве достоверных фактов. И поэтому я могу далее предположить, что публикация статей Дарвина и Уоллеса в 1858 году и еще больше публикация "Происхождения" в 1859 году произвели на них эффект вспышки света, которая человеку, заблудившемуся в темной ночи, внезапно открывает дорогу, которая, приведет его прямо домой или нет, несомненно, ведет в

его сторону. То, что мы искали и не смогли найти, было гипотезой о происхождении известных органических форм, которая предполагала действие только таких причин, действие которых можно было доказать на самом деле. Мы хотели не полагаться на это или какие-либо другие предположения, а овладеть ясными и определенными концепциями, которые можно было бы поставить лицом к лицу с фактами и проверить их достоверность. Происхождение дало нам рабочую гипотезу, которую мы искали. Более того, это оказало огромную услугу, навсегда избавив нас от дилеммы — отказываемся принять гипотезу сотворения мира, и что у вас есть предложить такого, что может быть принято любым осторожным мыслителем? В 1857 году у меня не было готового ответа, и я не думаю, что у кого-либо еще он был. Год спустя мы упрекали себя в тупости за то, что были озадачены таким запросом. Мое размышление, когда я впервые овладел центральной идеей Происхождения, было таким: "Как чрезвычайно глупо не подумать об этом!" Я полагаю, что спутники Колумба говорили примерно то же самое, когда он заставил яйцо встать дыбом. Факты изменчивости, борьбы за существование, адаптации к условиям были достаточно печально известны, но никто из нас не подозревал, что через них пролегал путь к сердцевине проблемы видов, пока Дарвин и Уоллес не рассеяли тьму, и маячный огонь Происхождения не направил невежественных".

Но ученик вскоре опередил учителя. Как было сказано о Лютере по отношению к Эразму, Хаксли высидел яйцо, снесенное Дарвином. Ибо в "Происхождении видов" теория не была доведена до ее очевидного завершения: Дарвин лишь намекнул, что она "прольет много света на происхождение человека и его историю". Его молчание, как он откровенно сообщает нам во Введении к "Происхождению человека", было вызвано желанием "не усугублять предубеждения против его взглядов". Не такая нерешительность заставила Хаксли замолчать. В духе Законов Платона он следовал аргументации, куда бы она ни вела. В 1860 году он прочитал курс лекций для рабочих об отношениях человека с низшими животными, а в 1862 году - пару лекций на ту же тему в Эдинбургском философском институте. Важной и знаменательной чертой этих бесед была демонстрация того, что никакой мозговой барьер не отделяет человека от обезьян; что попытки провести психическое различие между ним и низшими животными тщетны; и что "даже высшие способности к чувствованию и интеллекту начинают прорастать в низших формах жизни". Лекции были опубликованы в 1863 году в томе, озаглавленном "Свидетельства о месте человека в природе"; и Хаксли с гордостью, подтвержденной результатами последующих исследований, в письме автору ссылается на книгу таким образом, договариваясь о ее переиздании в составе Собрания сочинений —

На днях я изучал место человека в природе. Я не думаю, что есть слово, которое мне нужно удалить, или что-то, что мне нужно добавить, за исключением подтверждения и расширения изложенной там доктрины. Это большая удача для книги тридцатилетней давности, которую мой очень проникательный друг умолял меня не публиковать, поскольку это наверняка разрушило бы все мои перспективы.

Скудные примечания ко всей серии переизданных материалов показывают, что подобное постоянство присутствует во всех его произведениях. И все же, как истинный труженик, у которого всегда впереди идеал, он заметил писателю, что ни одна книга не выходила горячо из печати, но он хотел бы иметь возможность подавить ее и переписать заново.

Но прежде чем заняться важными вопросами, поднятыми в книге "Место человека в природе", мы должны вернуться к 1860 году. Ибо это был период "Штурма и битвы". Затем в Оксфорде,

“доме безнадежных дел”, как Мэтью Арнольд называет ее в предисловии к своим "Критическим очеркам", в субботу, 30 июня, состоялась запоминающаяся дуэль между биологом и епископом; возможно, по своим результатам она более запоминающаяся, чем историческая дискуссия о традиционной доктрине особого сотворения мира между Кьюве и Жоффруа Сент-Илером во Французской академии в 1830 году.

И Хаксли, и Уилберфорс были отважными чемпионами. Сцена боя, библиотека музея, была забита до отказа. Женщин, терявших сознание, выносили. В предыдущий четверг между Оуэном и Хаксли произошла “перепалка”. Оуэн утверждал, что между мозгом человека и обезьяны существуют определенные фундаментальные различия. Хаксли встретил это с “прямым и безоговорочным противоречием” и пообещал себе “оправдать эту необычную процедуру в другом месте”. Неудивительно, что атмосфера была наэлектризованной. Епископ поспел вовремя. Декламация заняла вакантное место аргументации в его речи, и декламация стала едкой. Он закончил свою речь вопросом Хаксли, состоит ли он в родстве с обезьяной по линии дедушки или бабушки. “Господь предал его в мои руки”, - прошептал Хаксли другу, стоявшему рядом с ним, когда тот поднялся, чтобы ответить. Подав своему оппоненту пример в демонстрации своей правоты доказательствами, которые, хотя и опровергали Оуэна, не вызвали у него признания ошибки ни тогда, ни когда-либо после, Хаксли сослался на личное замечание Уилберфорса. И вот что он сказал —

Я утверждал и повторяю, что у человека нет причин стыдиться того, что его дедушкой была обезьяна. Если бы и был предок, о котором мне было бы стыдно вспоминать, то это был бы человек, человек беспокойного и разностороннего интеллекта, который, не довольствуясь сомнительным успехом в своей сфере деятельности, погружается в научные вопросы, с которыми он по-настоящему не знаком, только для того, чтобы затемнить их бесцельной риторикой и отвлечь внимание своих слушателей от реальной сути вопроса красноречивыми отступлениями и умелыми апелляциями к религиозным предрассудкам.

Возможно, лучшим комментарием к фрагменту того, что сейчас является древней историей, является цитата признаний, сделанных лордом Солсбери — строгим высокопоставленным церковником — в его президентском обращении к Британской ассоциации в том же городе Оксфорде в 1894 году —

Сейчас мало кто сомневается в том, что животные, разделенные различиями, намного превосходящими те, которые отличают то, что мы знаем как виды, все же произошли от общих предков.... Дарвин, по сути дела, отказался от доктрины неизменности видов.

Также сейчас мало кто сомневается не только в этой доктрине, но и в доктрине о том, что все формы жизни имеют общее происхождение; растения и животные состоят из одинаковой по своему характеру материи. Эта доктрина, сегодня ставшая общепринятой в биологии, тридцать лет назад была сущей ересью, поскольку, казалось, низводила душу человека до уровня его желчных протоков. Следовательно, оксфордская буря была всего лишь порывом ветра по сравнению с тем, что бушевало вокруг лекции Хаксли о физических основах жизни, прочитанной, таким образом, усугубляя преступление, “субботним” вечером в Эдинбурге в 1868 году. Люди привыкли, с более или менее смутным пониманием этого вопроса, к спокойному принятию дарвинизма. И вот теперь их дремота была грубо нарушена этим южным возмутителем спокойствия Израиля, изготовившим бутылочку раствора нюхательной соли, и пару щепоток других ингредиентов, которые представляли собой элементарные вещества,

входящие в состав каждого живого существа, от желеобразной крупинки до человека. Вполне возможно, что от снятия пробки с этой бутылки у них захватит дух! Микроскописты, “так называемые” философы и священнослужители в равной степени подняли крик о “грубом материализме”, никогда не останавливаясь, чтобы прочитать предвосхищающий ответ Хаксли на необоснованное обвинение, ответ, который снова и снова повторяется в его трудах, например, в эссе Декарта ‘Рассуждения о методе правильного использования своего разума’ и в его Юме. Вовремя и не вовремя он не устает настаивать на том, что в доктрине нет ничего, несовместимого с чистейшим идеализмом. “Все явления Природы в их конечном анализе известны нам только как факты сознания”. Поднятый таким образом циклон двинулся на запад по пятам за Тиндалем, когда в 1874 году он утверждал фундаментальную идентичность органического и неорганического; опровергая, поскольку в нем бушевала кельтская кровь, знаменитую фразу о том, что “гений Ньютона был заложен в огнях солнца”.

Древняя вера в “спонтанное зарождение”, которую опровергли эксперименты Реди, была предметом Президентского обращения Хаксли к Британской ассоциации в 1870 году. Но хотя он показал, как последующие исследования подтвердили доктрину абиогенеза, или не-возникновения жизни из мертвой материи, он сделал это заявление в поддержку кредо Тиндаля относительно фундаментального единства витального и нежизненного.

“Оглядываясь назад на обширную перспективу прошлого, я не нахожу никаких свидетельств о начале жизни, и поэтому я лишен каких-либо средств сделать определенный вывод относительно условий ее появления. Вера в научном смысле этого слова - дело серьезное и нуждается в прочных основаниях. Следовательно, утверждать при допущенном отсутствии доказательств, что у меня есть какое-либо убеждение относительно способа, которым возникли существующие формы жизни, означало бы использовать слова в неправильном смысле. Но ожидание допустимо там, где вера недопустима; и если бы мне было дано заглянуть за бездну геологически зафиксированного времени в еще более отдаленный период, когда земля проходила через физические и химические условия, которые она не может увидеть снова, как человек не может вспомнить свое младенчество, я ожидал бы стать свидетелем эволюции живой протоплазмы из неживой материи. Я ожидал увидеть, что он проявится в очень простых формах, наделенных, подобно существующим грибам, способностью определять образование новой протоплазмы из таких веществ, как карбонаты аммония, оксалаты и тартраты, щелочные и землистые фосфаты и вода, без помощи света. Это ожидание, к которому приводит меня рассуждение по аналогии; но я еще раз прошу вас вспомнить, что я не имею права называть свое мнение чем-либо иным, кроме акта философской веры”.

Хаксли был апостолом Павлом дарвинистского движения, и одним из главных результатов его активной пропаганды стало то, что он настолько эффективно подготовил почву для восприятия более глубоких вопросов, связанных с теорией происхождения видов, что публикация книги Дарвина “Происхождение человека” в 1871 году вызвала легкое волнение. И весомость его поддержки тем больше, что он никогда не упускал из виду подчеркнуть неясность, которая все еще скрывает причины вариации, которые, следует иметь в виду, естественный отбор вызвать не может и на которые он может только воздействовать. Он настаивает на том, что большая теория не связана с ее подчиненными частями или с их судьбой. “Доктрина эволюции - это обобщение определенных фактов, которые может наблюдать любой, кто приложит необходимые усилия”. Факты - это те, которые биологи относят к категории эмбриологии и

палеонтологии, к выводам, к которым “должны будут приспособиться все будущие философские и теологические спекуляции”.

Таково направление революции, толчком к которой послужила публикация книги “Место человека в природе”; и именно во всестороннем применении теории происхождения человека Хаксли стоит на первом месте и как лидер, и как законодатель. Мистер Спенсер никогда не уклонялся от споров, но он не оставлял исследования ради арены, и, следовательно, его влияние, каким бы великим и неизменным оно ни было, было менее прямым и личным, чем влияние его товарища, “вечного борца”, который, по словам Браунинга, “шел грудью вперед”. “Место в природе” было первым из серии докладов по самым серьезным вопросам, которые могут занимать ум; и его преемники, блестящая монография о Юме, опубликованная в 1879 году, и Лекция Романеса об эволюции и этике, прочитанная в Оксфорде 18 мая 1893 года, являются лишь продолжениями тезиса, изложенного в этом замечательном маленьком томе; замечательного по предвидению, которым он наполнен, и по обоснованию, которое он получил во всех последующих исследованиях, особенно в психологии.

Если утверждаемые в нем положения непоколебимы, то примирение между Эволюцией и теологией невозможно, и все гладкие высказывания в попытках гармонизации между ними, прообразом которых является “Восхождение человека” профессора Драммонда, и речи на церковных конгрессах, прообразом которых является речь архидьякона Уилсона (см. стр. 161), лишь гипнотизируют “легковерных полуверующих наших случайных вероучений”. Для некоторых есть “знамения времени”, которые указывают на приближающееся согласие с мнением Овидия, параллельным известному отрывку из Гиббона о том, что “существование богов - это вопрос государственной политики, и мы должны верить в это соответственно”. Это выглядит как прелюдия к отказу от того, что является кардинальной догмой христианства, когда мы читаем в обращении архидьякона, что “теория эволюции действительно фатальна для некоторых квазимифологических доктрин Искупления, которые когда-то преобладали, но она находится в гармонии с их духом”. Для этих доктрин, как почтенный апологет может узнать из свидетельств, приведенных в книге Фрейзера “Золотая ветвь” (гл. iii, *passim*), являются полностью мифологическими, потому что варварскими. Но, по правде говоря, в христианском мире нет ни одной догмы, ни одного фундамента, на котором покоилась бы догма, который Эволюция не пересекала бы. Англиканская церковь принимает “настолько тщательно, насколько это необходимо для принятия и веры”, три древних символа веры, известных как апостольский, афанасийский и Никейский. Ни в одном из них нет предложения, которое находило бы подтверждение; и только одно или два предложения, которые не находят ни подтверждения, ни противоречия в Эволюции.

Вопрос, на какие пачки бумаги была потрачена впустую, заключается в двух словах. Утверждения, содержащиеся в Символах Веры, якобы основаны на прямых словах Библии; или на выводах, сделанных из этих слов, как определено Церковными Соборами. Решения этих Соборов отражают мнение большинства подверженных ошибкам людей, составляющих эти собрания, и никакое количество подверженных ошибкам частей не может составить непогрешимое целое. Как остроумно выразился Селден (Застольная беседа, XXX, Советы), “они говорят (но достаточно богохульно), что Святой Дух является президентом их Генеральных Советов, тогда как правда в том, что лишний человек по-прежнему является Святым Духом”. На этом же “лишнем человеке” лежало решение о том, какие книги следует включить или исключить из коллекции, на которой Церковь основывает свой авторитет и формулирует свои

вероучения. Итак, в последнем результате оба набора вопросов разрешаются человеческим судом, использующим круговую аргументацию. Но, отбросив это на время, давайте посмотрим, к каким вопросам сводится спор, цитируя слова Хаксли (написанные в 1871 году): “спонтанное отступление врага с девяти десятых территории, которую он оккупировал десять лет назад”.

Битва больше не ведется по вопросу о фундаментальной идентичности физического строения человека и человекообразных обезьян. Наиболее просвещенные протестантские богословы принимают это как доказанное; и немало католических богословов придерживаются такого отношения к этому, которое является лишь прелюдией к капитуляции. Должно быть, дела в Церкви, которую Хаксли, опираясь на историю, описывает как “энергичного и последовательного врага высшей интеллектуальной, моральной и социальной жизни человечества”, развивались быстрыми темпами, если позволить римско-католическому профессору физики в Университете Нотр-Дам, Америка, вести переговоры следующим образом:

“Если допустить, что будущие исследования в области палеонтологии, антропологии и биологии, вне всякого сомнения, продемонстрируют, что человек генетически связан с низшими животными, и мы видели, как далеки ученые от такой демонстрации (?), то даже в таком невероятном случае не будет ни малейшего основания воображать, что тогда, наконец, выводы науки безнадежно расходятся с заявлениями священного текста или авторитетными учениями Церкви Христа. Все, что логически вытекало бы из демонстрации животного происхождения человека, было бы модификацией традиционного взгляда на происхождение тела нашего первого предка. Мы должны быть вынуждены пересмотреть толкование, которое обычно давалось словам Священного Писания, относящимся к образованию тела Адама, и прочитать эти слова в том смысле, которого требует Эволюция, смысле, который, как мы видели, может быть приписан словам богодухновенного писания, ни искажая значение терминов, ни каким-либо образом не нарушая текст” (Evolution and Dogma. Преподобный Дж. А. Зам, доктор философии, C.S.C., стр. 364, 365).

В связи с этим предложенным пересмотром писаний, которые, как утверждается, являются частью божественного откровения, один из высших авторитетов, Франсиско Суарес, ссылается в своем “Трактате о половой жизни” на гибкое толкование, данное в его время “дням” в первой главе книги Бытия. “Маловероятно, что Бог, вдохновляя Моисея написать историю Сотворения Мира, в которую должны были верить обычные люди, заставил бы его использовать язык, истинное значение которого было трудно разгадать, а еще труднее поверить”. Три столетия прошло с тех пор, как были написаны эти мудрые слова, и обличение, которое они несут, так же необходимо сейчас, как и тогда.

В непосредственной связи с вопросом о происхождении человека находится вопрос о его древности. Существование его останков, какими бы редкими они ни были повсюду, в отложениях старше плейстоцена или четвертичной эпохи не доказано. Это относится к замечательным фрагментам, найденным доктором Дюбуа на Яве, характер которых, по мнению нескольких палеонтологов, указывает на ближайшее сближение человека и обезьяны, обнаруженное до сих пор. Но поскольку доказательства физической связи этих двух являются убедительными, точное место человека в земной хронологии приобретает второстепенное значение.

Теологи дошли до последнего предела, оспаривая, что ментальные различия между человеком и низшими животными фундаментальны, поскольку являются различиями рода, и, следовательно, не произошло никакого постепенного перехода от ментальных способностей одного к умственным способностям другого. Эта борьба против применения теории Эволюции к интеллектуальной и духовной природе человека будет долгой и упорной. Для теолога вопрос жизни и смерти - показать, что он имеет в откровении и во всемирной вере человечества в духовное существование вне его и в духе или душе внутри него доказательства сверхъестественного. У эволюциониста нет такого соответствующего глубокого беспокойства. Когда аргумент против него приводится из Библии, он может только оспаривать основание, на котором эта книга цитируется как божественный авторитет или как авторитет вообще. Допустим, ради аргументации, что откровение было сделано, писания, предположительно содержащие его, должны соответствовать двоякому условию, связанному с ним, а именно, что оно делает известными вещи, которые человеческий разум не смог бы обнаружить без посторонней помощи; и что оно воплощает эти вопросы в языке, в значении которого не может быть никаких сомнений. Если и существуют какие-либо священные книги, которые соответствуют этим условиям, то их еще предстоит обнаружить.

Когда аргумент против эволюциониста основывается на свидетельствах людей, он не оспаривает существование веры в душу и во весь сопутствующий аппарат сверхъестественного; но он призывает антрополога объяснить, как они возникли в сознании варваров.

Тем временем давайте резюмируем свидетельства, указывающие на психическое единство между человеком и низшими формами жизни. Как указано на стр. 187, мистер Герберт Спенсер прослеживает постепенную эволюцию сознания от "размытого, неопределенного чувства, которое реагирует на единственную нервную пульсацию или удар". У простейших организмов нет и следа нервной системы, но это мало что значит, потому что также нет следов рта, желудка или конечностей. В этих, казалось бы, бесструктурных созданиях каждая часть делает все сама. Амба ест и пьет, переваривает пищу и выделяет экскременты, проявляет "раздражительность", то есть реагирует на различные раздражители окружающей среды, и размножается, не обладая специальными органами для выполнения этих различных функций. Разделение труда возникает на несколько более высокой стадии, когда появляются рудиментарные органы; развитие функции и органа происходит одновременно.

Говоря в широком смысле, функции живых существ тройственны: они питаются; они размножаются; они реагируют на свое "окружение", и именно эта последняя названная функция - связь с окружением —является особой работой нервной системы. Это была старая греческая максима, гласившая, что "человек может один раз сказать то, что он сказал бы раньше: он не может повторить это дважды". Это является основанием для переноса нескольких предложений о происхождении нервов из моей Истории сотворения мира. Они представляют собой всего лишь скудное резюме длинного, но яркого изложения предмета мистером Спенсером.

"Поскольку каждая часть организма состоит из клеток, и поскольку функции определяют форму клеток, происхождение нервов должно быть связано с изменением формы и расположения клеток, посредством чего устанавливаются определенные пути или волокна связи между телом и его окружением.

“Но что вызвало эту модификацию? Всеохватывающая среда, без которой не было бы жизни, которая определяла ее пределы и касалась ее в каждой точке своими пульсациями и вибрациями. В зачатках примитивного слоя или кожи, проявленных существами, находящимися на ступени выше низшей, возникли бы различия, и определенные части, в силу их более тонкой структуры, были бы более легко стимулированы непрерывным воздействием окружающей среды и быстрее реагировали бы на нее, в результате чего в этих более тонких частях была бы установлена дополнительная чувствительность по принципу наименьшего сопротивления. Они, развиваясь, как и все остальное, при использовании, становились бы все более и более избранными путями передачи импульсов, ведущими, по мере того как молекулярные волны возбуждали их, к структурным изменениям или модификации в нервных клетках и волокнах, сложность которых возрастает по мере того, как мы поднимаемся по лестнице жизни. Вся нервная система с ее связями; мозг и все тонкие механизмы, с помощью которых он управляет телом; органы чувств также начинаются как мешочки, образованные складками примитивной внешней кожи”.

Биологи согласны с тем, что перед проявлением сознания должна быть достигнута определенная стадия в организации нервной системы, зачатки которой, как мы видели, видны в дрожании амбы и, вероятно, как у растений, так и у животных. Неясность все еще окружает стадию, на которой простая раздражительность переходит в чувствительность, но до тех пор, пока непрерывность развития ясна, градации имеют меньшее значение. И для настоящей цели нет необходимости спускаться далеко по шкале жизни; если психическая связь между человеком и млекопитающими, находящимися непосредственно под ним, доказана, то связь млекопитающих с низшими беспозвоночными можно считать также установленной. Говоря только о позвоночных, поскольку мозг, будь то у рыбы или человека, является органом ментальных феноменов, в какой степени его структура поддерживает или разрушает теорию непрерывности психики? В книге "Место человека в природе" и ее бесценном дополнении, второй части монографии о Юме, этот вопрос излагается Хаксли со своей обычной ясностью. В более старой книге он прослеживает постепенную модификацию мозга у ряда позвоночных животных. Он указывает, что мозг рыбы очень мал по сравнению со спинным мозгом, в который он переходит, что у рептилий масса мозга относительно спинного мозга больше, и еще больше у птиц, пока у низших млекопитающих, таких как опоссумы и кенгуру, мозг не увеличивается в пропорции настолько, что он чрезвычайно отличается от массы рыбы, птицы или рептилии. Между этими сумчатыми и высшими, или плацентарными, млекопитающими происходит “величайший скачок, когда-либо совершенный Природой в работе ее мозга”. Затем следует это важное утверждение в пользу преемственности.

“Словно для того, чтобы продемонстрировать на поразительном примере невозможность возведения какого—либо мозгового барьера между человеком и обезьянами, Природа снабдила нас у последних животных почти полной серией градаций от мозга, немного более высокого, чем у грызунов, до мозга, немного более низкого, чем у человека”. После приведения технических описаний в доказательство этого и особого акцента на присутствии структуры, известной как “малый гиппокамп”, в мозге человека, а также обезьяны, отрицая которую Оуэн привел такую жалкую цифру, Хаксли добавляет:

Следовательно, что касается структуры мозга, то ясно, что Человек отличается от шимпанзе или орангутанга меньше, чем они даже от обезьян, и что разница между мозгом шимпанзе и Человека почти незначительна по сравнению с разницей между мозгом шимпанзе и лемуром....

Таким образом, какую бы систему органов ни изучали, сравнение их модификаций в ряду обезьян приводит к одному и тому же результату, а именно к тому, что структурные различия, отделяющие Человека от гориллы и шимпанзе, не так велики, как те, которые отделяют гориллу от низших обезьян. Но, излагая эту важную истину, я должен остерегаться одной из форм недопонимания, которая очень распространена ... структурные различия между человеком и даже высшими обезьянами малы и незначительны. Позвольте мне тогда, напротив, четко заявить, что они велики и значимы; что каждая кость гориллы несет на себе отметины, по которым ее можно отличить от соответствующей кости Человека; и что, во всяком случае, в нынешнем творении нет промежуточного звена, преодолевающего пропасть между *Ното* и *троглодитами*. Было бы не менее неправильно, чем абсурдно отрицать существование этой пропасти; но по меньшей мере столь же неправильно и абсурдно преувеличивать ее масштабы и, основываясь на общепризнанном факте ее существования, отказываться исследовать, широка она или узка. Помните, если хотите, что между Человеком и гориллой не существует никакой связи, но не забывайте, что существует не менее четкая демаркационная линия, не менее полное отсутствие какой-либо традиционной формы, между гориллой и орангом, или орангом и гиббоном”.

Поскольку мозг человека и обезьяны в основе своей одинаковы по структуре, отсюда следует, что функции, которые они выполняют, в основе своей одинаковы. Большой массив фактов, собранных рядом внимательных наблюдателей, доказывает, насколько тщетен аргумент, который человек, гордясь своим происхождением, выдвигает против психической непрерывности. Тщетны поиски границ между рефлекторным действием и инстинктом, а также между инстинктом и разумом. Между человеком и животным существуют барьеры, поскольку членораздельная речь и вытекающая из нее способность передавать опыт создали их, и они остаются непреодолимыми. “Потенциальные возможности языка как вокального символа мысли заключаются в способности модулировать и артикулировать голос. Потенциальные возможности письма как визуального символа мысли заключались в руке, которая могла рисовать, и в миметической тенденции, которая, как мы знаем, удовлетворялась рисованием еще во времена четвертичного человека” (“Очерки Хаксли по спорным вопросам”, стр. 47). Но эти специфически человеческие характеристики не являются достаточным основанием для отрицания того, что ощущения, эмоции, мысли и волевые устремления человека отличаются по своему характеру от ощущений, эмоций, мыслей и стремлений низшего творения. “Существенное сходство во всех аспектах структуры и функций, насколько их можно изучить, между нервной системой человека и собаки, не оставляет разумных сомнений в том, что процессы, происходящие в одной, точно такие же, как те, что происходят в другой. У собаки не может быть сомнений в том, что нервное вещество, расположенное между сетчаткой и мышцами, претерпевает ряд изменений, в точности аналогичных тем, которые у человека вызывают ощущения, ход мыслей и волевые проявления”. Этот отрывок встречается в Ответе Хаксли критикам мистера Дарвина, который появился в “Современном обозрении” за 1871 год, и его можно дополнить цитатой из главы о психических феноменах животных в его книге Юма. “Кажется трудным найти какую-либо вескую причину для отказа высшим животным в каком-либо психическом состоянии или процессе, в котором не задействовано использование речевых или визуальных символов, составляющих язык; и сравнительная психология подтверждает позицию по отношению к остальному животному миру, отведенную человеку сравнительной анатомией. Как сравнительная анатомия легко способна показать, что физически человек является лишь последним звеном в длинном ряду форм, которые путем

медленных градаций ведут от высшего млекопитающего к почти бесформенному пятнышку живой протоплазмы, лежащему на смутной границе между животным и растительным миром; так и сравнительная психология, хотя и молодая наука, и ей далеко до роста ее старшей сестры, указывает на тот же вывод”.

В последние годы психологи проделали замечательную работу по изучению проблемы механики умственных операций, и уже в Европе и Америке было открыто около тридцати лабораторий для проведения экспериментальных работ. Предмет несколько непонятен для подробного упоминания здесь, и должно быть достаточно сказать, что психолог, начиная с наблюдений над самим собой, измеряя, например, “степень чувствительности его собственного глаза к световым раздражениям или его собственной кожи к покалыванию, переходит к аналогичному исследованию числовых соотношений между энергией раздражителей света, звука и так далее и энергией ощущений, которые они вызывают в нервных каналах”. Превосходное резюме со ссылками на новейшие авторитетные источники по этому вопросу дано князем Кропоткиным в "Девятнадцатом веке" в августе 1896 года.

Поверхностному наблюдателю все это кажется грубым материализмом. Но мы не можем думать без мозга так же, как не можем видеть без глаз, и любое исследование работы органа мышления должно проводиться в тех же рамках, что и исследование работы любого другого органа тела. И исследование приводит нас к точке, с которой мы начали, в той мере, в какой проливается какой-либо свет на связь между молекулярными колебаниями в нервной ткани и психическими процессами, необходимым сопровождением которых они являются. Изменения происходят в некоторых из тысяч миллионов клеток мозга, в каждой мысли, которую мы думаем, и в каждой эмоции, которую мы испытываем, но связь остается непроницаемой тайной. Тем не менее, если мы не можем сказать, что мозг выделяет мысль, как мы говорим, что печень выделяет желчь, мы также не можем сказать, что разум отделим от нервной системы и что это независимая от нее сущность. Будь это так, оно не только стояло бы вне обычных условий развития, но и поддерживало бы равновесие, которое доза наркотиков или алкоголя, или которое голодание и обжорство одинаково быстро нарушают.

В своем посмертном эссе О Бессмертии Души Юм говорит: “Материя и дух в основе своей одинаково неизвестны, и мы не можем определить, какие качества присущи тому или иному”. К такому выводу приходят самые мудрые. И в предельном соотношении физического и психического кроется надежда достичь того конечного единства, о котором мечтали древние греки и к которому стремится любое исследование. Насколько в этих вопросах философия едина, снова видно из признания Хаксли, что “в отношении великих проблем философии постдарвинистское поколение в каком-то смысле находится точно там же, где были доарвинистские поколения. Они остаются неразстворимыми. Но у нынешнего поколения есть преимущество в том, что оно лучше обеспечено средствами освобождения от тирании определенных фиктивных решений”.

Наука объясняет и, объясняя, рассеивает псевдомастерии, с помощью которых человек на стадии мифотворчества, когда концепция устройства вселенной еще не зародилась, объяснял все. Но она может позаимствовать слова Апостола: “Смотрите! Я покажу тебе тайну” и придает им более глубокий смысл, поскольку она признается, что происхождение и конечное предназначение материи и движения; причины, определяющие поведение атомов, расположены ли они в прекрасных и разнообразных формах, характерных для их кристаллов,

или в них трепещет жизнь, общая для амбы и человека; превращение неорганического в органическое зеленым растением и связь между нервными изменениями и сознанием - все это непроницаемые тайны.

В своей речи по случаю юбилея своего профессорства в Университете Глазго в прошлом году лорд Кельвин сказал: “Я знаю об электрической и магнитной силе, или об отношениях между эфиром, электричеством и весомой материей, или о химическом сродстве не больше, чем я знал и пытался преподавать натурфилософии своим студентам пятьдесят лет назад на моей первой сессии в качестве профессора”.

Это признание ограничений удовлетворит тех, кто не ищет “знамения”. Для других этот поиск будет продолжать поощряться не только теологами, но и псевдонаучниками, которые прошли некоторое расстояние вместе с Пионерами Эволюции, но отказываются следовать за ними дальше. В каждом из них присутствует “теологический уклон”, разнообразные формы которого искусно проанализированы м-ром Спенсером в его главе “Изучение социологии” под этим заголовком. Это объясняет позицию различных групп, которые по отдельности представлены мистером Сент-Джорджем Майвартом и покойным доктором У. Б. Карпентером; профессором сэром Дж. Г. Стоксом и мистером Альфредом Расселом Уоллесом. Названный первым - римский католик; второй был унитарием; третий - православный церковник, а четвертый, как уже было видно, спиритуалист. В своем “Генезисе видов” м-р Майварт утверждает, что “тело человека развилось из ранее существовавшего материала (символизируемого термином “земная пыль”) и, следовательно, было создано только производно, то есть в результате действия вторичных законов”, но что “его душа, с другой стороны, была создана совершенно иным способом... прямым действием Всемогущего (символизируемого термином “дыхание”)", стр. 325. В своей “Психической физиологии” доктор Карпентер постулирует Эго, или Волю, которая руководит, не участвуя, причинно обусловленным действием других психических функций и связанных с ними телесных процессов; “сущность, существование которой не зависит от какой-либо игры физических или витальных сил, но которая подчиняет эти силы своим определениям” (стр. 27). Профессор Майварт фактически цитирует святого Августина и кардинала Ньюмана как авторитетов в поддержку своей теории особого сотворения души. С таким же успехом он мог бы вызвать доктора Джозефа Паркера или генерала Бута в качестве представителей власти. Доктор Карпентер рассуждал так, как подобает хорошему унитарщику. В своих Гиффордских лекциях по естественной теологии профессор Стоукс утверждает, опираясь “на источники информации, лежащие за пределами естественных сил человека”, другими словами, апеллируя к Библии, что Бог создал человека бессмертным и праведным и наделил его свободой воли. Поскольку без осуществления этого человек был бы простым автоматом, он подвергся искушению дьявола и пал. Таким образом, он стал “подвержен смерти, подобно низшим животным”, и в силу “естественного эффекта наследственности” передал порчу греха своему потомству. Утраченная таким образом вечная жизнь была восстановлена добровольной жертвой Христа, но может быть обеспечена только тем, кто имеет веру в него. Эта доктрина, которая не является чем-то новым, известна как “условное бессмертие”. Профессор Стоукс не придает “никакой ценности вере в будущую жизнь с помощью метафизических аргументов, основанных на предполагаемой природе самой души”, и он признает, что чисто психическая теория, которая полностью отвергает тело в отношении процесса мышления, сталкивается с очень большими трудностями. Поэтому он снова прибегает к “источникам информации, которые лежат за пределами естественных возможностей человека”. Следуя определенным различиям между “душой” и “духом”, проведенным апостолом Павлом в его трехчленном разделении человека, профессор

Стоукс, отчасти в согласии с доктором Карпентером, предполагает “Эго”, которое, с одной стороны, не следует отождествлять с мыслью, которое может существовать, пока мысль бездействует, и которое может, вместе с будущим телом, о котором говорит христианская религия, быть средством продолжения мысли.... Какова природа этого тела, мы не знаем; но нам довольно отчетливо известно, что это будет нечто, сильно отличающееся от нашего нынешнего тела, сильно отличающееся по своим свойствам и функциям, и все же не менее наше собственное, чем наше нынешнее тело”. “Слова, слова, слова”, как говорит Гамлет.

Было сделано несколько полных ссылок на ограниченность теории естественного отбора м-ром Уоллесом в отношении умственных способностей человека. Теперь мы должны остановиться на этом несколько подробнее, напомнив читателю о признании м-ра Уоллеса, что “временно, законы изменчивости и естественного отбора ... возможно, это привело, во-первых, к тому совершенству строения тела, в котором человек так далеко превосходит всех других животных, и, в соответствии с этим, к более крупному и развитому мозгу, с помощью которого он смог поставить себе на службу все животное и растительное царства”. Но, хотя м-р Уоллес отвергает теорию особого сотворения человека как “совершенно не подкрепленную фактами, а также в высшей степени невероятную”, он утверждает, что из этого не обязательно следует, что “его ментальная природа, даже если она развита *параллельно* с его физической структурой, была развита теми же силами”. Затем, вводя физическую аналогию, которая вообще не является аналогией, он предполагает, что фактор, с помощью которого человек был возведен в отдельное царство, имеет такое же отношение к естественному отбору, какое ледниковая эпоха имеет к обычным факторам денудации и другим изменениям, вызывающим новые эффекты, которые, хотя и являются продолжением предыдущих эффектов, не были вызваны теми же причинами.

Применяя этот “аргумент” (основанный на естественных причинах), как называет его м-р Уоллес, “к интеллектуальной и моральной природе человека”, он утверждает, что такие особые способности, как математические, музыкальные и артистические (можно ли отказать в этих способностях птице, украшающей гнезда?), и высокие моральные качества, которые наделили мученика постоянством, патриота - преданностью, а филантропа - бескорыстием, обусловлены “духовной сущностью или природой, дополненной животной природой человека”. Нам не сказано, на какой стадии развития человека это было введено; было ли это введено раз и навсегда у “примитивного” человека с возможностью передачи через народ палеолита всем последующим поколениям; или же происходит особое вливание “духовной сущности” в каждое человеческое существо при рождении.

Любое недоумение, которое могло бы возникнуть по поводу такой позиции мистера Уоллеса, рассеивается перед фактом, который уже был расширен, что автор “Малайского архипелага” и “Жизни на островах” написал книгу о чудесах и современном спиритуализме в защиту обоих. Объяснение кроется в той двойственности ума, которая, с одной стороны, ставит мистера Уоллеса на первое место среди натуралистов, а с другой - ставит его в ряд самых легковых спиритуалистов.

Несмотря на это, мистер Уоллес претендует на уважительное слушание и серьезный ответ. К счастью, он, по-видимому, представил опровержение своему собственному аргументу в следующем абзаце из своего восхитительного вклада в Теорию естественного отбора:

“С того времени, когда вступили в действие социальные и симпатические чувства и достаточно развились интеллектуальные и моральные способности, человек перестал подвергаться влиянию естественного отбора на свою физическую форму и строение. Как животное, он оставался бы почти неподвижным, изменения в окружающей вселенной перестали бы производить на него то мощное модифицирующее воздействие, которое они оказывают на другие части органического мира. Но с того момента, как форма его тела стала неподвижной, его разум стал бы подвержен тем самым влияниям, от которых избежало его тело; каждое незначительное изменение в его умственной и моральной природе, которое позволило бы ему лучше защищаться от неблагоприятных обстоятельств и объединяться для взаимного комфорта и защиты, сохранялось бы и накапливалось; следовательно, лучшие и высшие представители нашей расы увеличивались бы и распространялись, низшие и более грубые уступали бы место и последовательно вымирали, и происходило бы то быстрое развитие психической организации, которое подняло самые низшие расы человека так далеко над животными (хотя и так мало отличаясь от некоторых из них физическим строением), и в сочетании с едва заметными изменениями формы развил замечательный интеллект европейских рас” (стр. 316, 317, Второе издание, 1871).

Этот аргумент имеет наводящую на размышления иллюстрацию в пятой главе "Происхождения видов". М-р Дарвин ссылается там на замечание м-ра Уотерхауза о следующем эффекте:

“Часть, развитая у какого-либо вида в экстраординарной степени или способом по сравнению с той же частью у родственных видов, имеет тенденцию к высокой изменчивости”. Это применимо только там, где наблюдается необычное развитие событий.

“Таким образом, крыло летучей мыши является наиболее аномальным строением в классе млекопитающих; но это правило здесь неприменимо, потому что вся группа летучих мышей обладает крыльями; оно было бы применимо только, если бы у какого-то одного вида крылья были развиты замечательным образом по сравнению с другими видами того же рода”. И когда происходит это исключительное развитие какой-либо части или органа, мы можем заключить, что модификация произошла с того периода, когда несколько видов отделились от общего прародителя рода; и этот период редко бывает очень отдаленным, поскольку виды редко выживают более одного геологического периода.

Насколько полностью это применимо к человеку, последнему продукту органической эволюции. Мозг - это та часть или орган у него, которая была развита “в экстраординарной степени по сравнению с той же частью” у других Приматов и которая стала *весьма изменчивой*. Каковы бы ни были благоприятные причины, обеспечившие его непосредственным предкам такую модификацию мозга, которая продвинула их в интеллекте по сравнению с “родственными видами”, факт остается фактом: в этом заключается объяснение их последующей истории; остановка одного, неограниченный прогресс другого. Возрастающий интеллект, действовавший на протяжении огромных периодов времени, породил и развил те социальные условия, которые единственно сделали возможным тот прогресс, которого в своей наиболее продвинутой степени достигла лишь небольшая часть человечества. Ибо в этом вопросе о ментальных различиях контраст заключается не между человеком и обезьяной, а между человеком диким и цивилизованным; между неспособностью одного считать дальше своих пальцев и способностью другого вычислить солнечное затмение или прохождение Венеры. Поэтому представляется, что г-ну Уоллесу следует представить свою “духовную сущность, или природу” на промежуточной, а не на начальной стадии.

В качестве ответа на аргумент м-ра Уоллеса о том, что при большом и хорошо развитом мозге дикари “обладают органом, совершенно непропорциональным их потребностям”, Хаксли цитирует собственные замечания Уоллеса в его статье "Инстинкты у человека и животных" относительно значительных требований, предъявляемых потребностями низших рас к их наблюдательным способностям, которые требуют немалой тренировки мозговых функций.

“Прибавьте к этому, - говорит Хаксли, - знания, которые дикарь обязан приобрести о свойствах растений, о характерах и привычках животных, а также о мельчайших признаках, по которым можно обнаружить их путь; учтите, что даже австралиец может делать превосходные корзины и сети, а также аккуратно подогнанные и прекрасно сбалансированные копья; что он научился пользоваться ими так, что может проткнуть четверть буханки хлеба с расстояния шестидесяти ярдов; и что очень часто, как в случае с американскими индейцами, язык дикаря отличается сложностями, которые хорошо обученному европейцу кажутся непонятными”. трудно овладеть; учтите, что каждый раз, когда дикарь выслеживает свою добычу, он использует тонкость наблюдения и точность индуктивных и дедуктивных рассуждений, которые, примененные к другим вопросам, обеспечили бы определенную репутацию, и я думаю, нет необходимости спрашивать далее, почему он обладает таким изрядным запасом мозгов “ Но возражение мистера Уоллеса “столь же убедительно применимо и к низшим животным. Конечно, у волка должно быть слишком много мозга, иначе как получилось, что собака, обладающая только таким же количеством и формой мозга, способна развить такой исключительный интеллект? Волк находится к собаке в таком же отношении, как дикарь к человеку; и поэтому, если доктрина мистера Уоллеса верна, высшая сила должна была руководить выводением волков из какого-то низшего вида, чтобы подготовить их к превращению в собак” (Критические замечания и обращения, стр. 293).

После всего сказанного, возможно, эффективное опровержение веры в духовную сущность, присущую человеку, можно найти в объяснении происхождения этой веры, которое предлагает антропология.

Теория происхождения и роста веры в души и духовные существа вообще, а также в будущую жизнь, облеченная в стройную форму Спенсером и Тайлором, основана на огромной массе свидетельств, собранных путешественниками среди существующих варварских народов; свидетельств, совпадающих по характеру с теми, которые получены в результате исследований верований прошлых рас на различных этапах развития культуры. Здесь необходимо лишь краткое упоминание о нем, но самого простого наброска достаточно, чтобы показать, из каких очевидных явлений была выведена концепция души, концепция, все последующие формы которой являются лишь проработанными копиями. Как и в других вопросах, грубые аналогии руководили варварским умом в его представлениях о духах и их поведении. Человек засыпает, и ему снятся определенные вещи; проснувшись, он верит, что эти вещи произошли на самом деле; и поэтому он приходит к выводу, что мертвые, которые приходили к нему или к которым он приходил в своих снах, живы; что друг или враг, о котором он знает, что он далеко, но с которым он пировал или сражался в стране грез, пришел к нему. Он видит, как другой человек впадает в обморок или транс, который может казаться безжизненным в течение нескольких часов или даже дней; на него самого может напасть смертельная лихорадка, и он видит видения, более странные, чем те, которые видит здоровый человек; тени его самого и предметов, как живых, так и неживых, следуют за ним или предшествуют ему и удлиняются или укорачиваются в удаляющемся или приближающемся свете; тихая вода отбрасывает его образы; склоны холмов

оглашаются насмешливым эхом его слов и звуков вокруг него; и именно эти и связанные с ними явления породили понятие “другого я”. , " используя удобный термин мистера Спенсера, или о ряде "я", которые иногда находятся вне человека, а иногда внутри него, в отношении которых варварский ум никогда не уверен. Однако вне его, когда человек спит, так что его нельзя будить, чтобы не помешать возвращению этого “другого я”; или когда он болен, или в трудах знахаря, который может держать “другое я” в своей власти, как в любопытной ловушке для душ полинезийцев — серии колец из кокосовых орехов, — с помощью которых, как считает колдун, можно поймать и удержать душу обидчика или больного человека. Когда доктор Катат и его спутники, г-н Местр и Фукар, исследовали страну “Бара” на западном побережье Мадагаскара, жители внезапно стали враждебными. Накануне путешественникам не без труда удалось сфотографировать королевскую семью, и теперь их обвинили в том, что они забирали души туземцев с целью продажи их по возвращении во Францию. Отрицать было бесполезно; следуя обычаю малагасийцев, они были вынуждены поймать души, которые затем были помещены в гроб, и доктор Катат приказал им вернуться к их соответствующим владельцам (Times, 24 марта 1891 г.).

Хотя разница между такими явлениями и смертью заключается в том, что они постоянны, в то время как они временны, для варварского ума разница заключается в степени, а не в виде. Правда, “другое я” покинуло тело и никогда в него не вернется; но оно существует, поскольку появляется во снах и галлюцинациях, и поэтому считается, что оно вновь посещает свои древние пристанища, а также часто задерживается возле обнаженного или похороненного тела. Туманные теории, отождествлявшие душу с дыханием, тенью и отражением, медленно конденсировались в теории полусуществования, все еще заряженные эфирными концепциями, в результате чего образовалась любопытная смесь, которая в умах культурных людей, когда они пытаются представить себе эту идею, представляет бестелесную душу.

Следовательно, тщетно можем мы искать точки различия в нашем сравнении первобытных представлений о происхождении и природе души с более поздними идеями. Обширная литература, появившаяся на свет благодаря им, представлена в библиографии, прилагаемой к работе мистера Элджера "Теории будущей жизни", 4977 книгами, не считая многих, опубликованных с момента составления его списка. Если не считать утонченности деталей, которую обеспечивает более высокая культура, то что тут выбирать между четырьмя душами индейцев хидатса, двумя душами туземцев Золотого Берега и трехсторонним разделением человека раввинами, платониками и паулинистами, которые являются всего лишь диким другим “я”, "написанным в широком смысле"? Их общий источник кроется в общей анимистической интерпретации Природы человеком, которая является *vera causa*, отменяющей необходимость в предположениях, типичным примером которых является предположение мистера Уоллеса. В качестве превосходной иллюстрации того, что подразумевается под анимизмом, мы можем привести то, что м-р Эверард им Турн говорит об индейцах Гвианы, которые, по-видимому, на много шагов удалены от так называемого “первобытного” человека. “Индеец не видит никакой резкой границы, подобной той, которую мы видим между человеком и другими животными, между одним видом животных и другим, или между животными — включая человека — и неодушевленными предметами. Напротив, индийцу все объекты, одушевленные и неодушевленные, кажутся совершенно одинаковыми по природе, за исключением того, что они различаются случайностью телесной формы. Каждый объект во всем мире является существом, состоящим из тела и духа, и не отличается от любого другого объекта ни в каком отношении, кроме телесной формы, а также в большей или меньшей степени грубой силы и грубой хитрости,

вытекающих из различия телесной формы и телесных привычек. Следовательно, наш следующий шаг - отметить, что животные, отличные от людей, и даже неодушевленные предметы обладают духом, который по своему характеру совсем не отличается от человеческого ”.

Важность доказательств, собранных антропологией в поддержку включения человека в общую теорию эволюции, становится все более очевидной. Ибо это засвидетельствовало непрерывность органического развития в той точке, где предполагался разрыв, и убедило нас в том факте, что если Эволюция действует где-либо, то она действует повсюду. И действует тожетаким образом, что каждая часть участвует в выполнении универсального процесса. Следовательно, она встречает разделения, которые обозначают противодействие ей трансцендентной силой единства.

До последнего полувека человек исключал себя, разве что грубым и поверхностным образом, из того исследования, которое в течение длительных периодов он проводил в земле под собой и небесах над собой. Это запоздалое исследование истории своего вида и его места в порядке и преемственности жизни, а также его отношения к низшим животным, между которыми и им самим, как было показано, варварский разум видит много общего, объясняется, насколько это касается христианского мира (и аналогичная причина применима, с *соответствующими изменениями*, в нехристианских цивилизованных сообществах), подчинением интеллекта заранее разработанным теориям, основанным на авторитете древних легенд о человеке. Эти легенды, наделенные святостью, которой время наделяет прошлое, в конце концов стали неотъемлемой частью священной литературы, подвергать сомнению которую было столь же излишне, сколь и нечестиво. Таким образом, случилось так, что единственное существо, способное исследовать свое собственное прошлое, посмотрело на свою историю сквозь искажающую призму мифопоэтического прошлого!

Возможно, в долгосрочной перспективе выигрыш превысил потери. Ибо в приоритете изучения других наук, более удаленных от “дел и лона” человека, стало возможным более беспристрастное отношение к вопросам, связанным с более глубокими проблемами. Поскольку Церковь, как бы ей ни было удобно игнорировать тот факт, что от нее выжимают уступку за уступкой, никогда не ослабевала в ревности к прогрессу светского знания, для прогресса человечества было хорошо, что те предметы исследования, которые лишь косвенно влияли на ортодоксальные взгляды, сначала подвергались судебному преследованию. Блестящие открытия в астрономии, толчком к которым послужила теория Коперника, хотя и сместили землю с ее предполагаемого главенства среди тел в космосе, по-видимому, не повлияли на доктрину превосходства человека как центра Божественного вмешательства, как существа, для которого великий план искупления был сформулирован “по замыслу Троицы”, и трагедию самопожертвования Божьего Сына, разыгравшуюся на земле. Отказ от какой-либо фундаментальной догмы христианского богословия не был связан с отказом от содержащегося в Библии утверждения о доминирующем положении Земли по отношению к солнцу и другим самосветящимся звездам. В наше время увеличение знаний о мириадах звездных систем, которые вращаются в пространстве, не считается разрушающим эти догмы, но, скорее, служит материалом для спекуляций относительно возможного распространения Божественного отцовского правления по всей вселенной. И, хотя по мере приближения к дому, с последующей большей вероятностью проникновения элементов трения, подобное относится и к открытиям геологии. Помимо интеллектуальной апатии, которая многое объясняет, влияние этих открытий

на традиционные верования было смягчено барьерами, которые установил сдерживающий дух критики в форме поверхностных “примирений”, лишаящих старую космогонию всей ее поэзии и, следовательно, ее ценности как ключа к примитивным идеям и превращающих ее в убогую науку. Таким образом, было установлено временное, потому что искусственное единство. Но с учетом доказательств, полученных в результате изучения древней жизни, остатки которой залегли в слоях, содержащих окаменелости, это единство пошатнулось. В Священном Писании, которое “не может быть нарушено”, была прочитана история конфликта и смерти за целые эоны до появления человека. Между этой записью и той, в которой говорилось о боли и смерти как последствиях неповиновения человека легкомысленному запрету антропоморфного Бога, нет возможного примирения.

К свидетельствам из слоев, содержащих окаменелости, были добавлены свидетельства из старых речных отложений и известняковых пещер. Реликвии, извлеченные из сталагмитовых отложений в Кентс-Хоул, близ Торки, несколько лет оставались без внимания, если не считать “дикинок”, когда г-н Буше де Перт увидел в обработанных кремнях несколько более грубого типа, которые он находил вперемешку с костями носорогов, пещерных медведей, мамонтов или покрытых шерстью слонов и других млекопитающих в “штреках”, или гравийных карьерах Аббевиля, в Пикардии, доказательства первобытной дикости человека, насколько это касалось Западной Европы. Наличие этих грубо обтесанных кремней было замечено М. де Пертом в 1839 году, но он не мог убедить ученых признать, что их сформовали человеческие руки, пока эти сомневающиеся Томасы сами не увидели похожие орудия *in situ* на глубине семнадцати футов от первоначальной поверхности земли. Это было в 1858 году, за год до публикации “Происхождения видов”. Подобные материалы были обнаружены в каждой части земного шара, обитаемой когда-то или сейчас. Они подтверждают предположения Лукреция об универсальном приспособлении из камня, кости, рога и тому подобных доступных или податливых веществ в течение веков, предшествовавших открытию металлов. Следовательно, существование каменного века в тот или иной период, когда сейчас преобладает железный век (следующий за бронзовым), является установленным канон археологической науки. Из этого следует вывод, что первобытное состояние человека соответствовало низшему из существующих типов, австралийскому и папуасскому; что при дальнейшем исследовании оказывается, что существующей культуре предшествовало варварство; и что современные дикие расы представляют собой не деградацию, до которой опустился человек в результате падения с первобытной чистоты и эдемской непринужденности, но состояние, из которого вышли все расы, стоящие выше диких.

В то время как доисторическая археология с ее огромной массой *материальных* останков, собранных в “логовищах и пещерах земли”, в примитивных мастерских, в грубых гробницах и храмах, таким образом, добавляет свои свидетельства к “великому облаку свидетелей”, *нематериальные* останки, могучие как воплощение мысли человека, приносятся двумя науками — сравнительной мифологией и фольклором и сравнительной теологией — останки первостепенной ценности, поскольку существуют по сей день в доселе неожиданной форме, как пережитки верований, обрядов и обычаев. Читателям “Примитивной культуры” Тайлора с ее богатством фактов и их значением; и “Азиатских исследований” Лайалла, в которых описывается, как по сей день создаются мифы в сердце Индии; нет нужды рассказывать, что медленное зигзагообразное продвижение человека в материальных благах имеет параллель стадиям его интеллектуального и духовного развития по всему миру; от низшего анимизма к высшему представлению о божестве; от сбивающих с толку догадок к уверенной уверенности. В

этом способе прогресса ни один цивилизованный народ не был исключением, как, в частности, в случае с евреями, когда—то считалось - “соответствие между старой израэлитской и другими архаичными формами теологии простирается до деталей”.

Таким образом, в то время как открытия астрономов и геологов разрушали основы старых верований, открытия, классифицируемые под общим термином “Антропологические”, действуют как более мощные растворители любого мнения о прошлом. Показывая, на каком мифическом фундаменте покоится история грехопадения человека, Антропология полностью разрушила *смысл существования* доктрины о его искуплении — краеугольного камня всей системы. Она проникла сквозь туман древности и проследила миф об утраченном Рае, о Сотворении Мира, Всемирном потопе и другие легенды до мест их рождения в долине Евфрата или на нагорьях Персии; легенды, самые ранние записи которых находятся на аккадских табличках или в писаниях Заратустры. В духе прославленных верийцев она “исследовала” эти и другие Писания, обнаружив в них легенды об основателях древних религий, родственных тем, которые на протяжении веков собирались вокруг Иисуса из Назарета; она сопоставила обряды и церемонии многих варварских теологий с обрядами религий старого света — брахманических, буддийских, христианских — и нашла между ними только такие различия, которые относятся к высшей или низшей культуре. Ибо история суеверий включена в историю верований; суеверия являются зародышевой плазмой, модифицированными продуктами которой являются все верования, стоящие выше низших. Вера воплощается в слове или действии. В одном мы имеем очарование, призыв и догму; в другом - ритуал и церемонию. “Ритуальная система, - замечает профессор Робертсон Смит, “ всегда должна оставаться материалистической, даже если ее материализм замаскирован под плащ мистицизма”. И антропология имеет дело именно с воплощенными идеями, на которые не влияет конкретное вероучение, в связи с которым она их находит. Его метод основан на биологии. Без предвзятости, без предположений об относительной истинности или ложности, антрополог исследует происхождение, отслеживает вариации, сравнивает и классифицирует и относит несколько семейств к одной порядковой группе. Он, должно быть, тот, о ком было сказано о Данте: “богослов, которому не чужда ни одна догма”. К сожалению, этот метод, применение которого к физическим наукам неоспоримо, в применении к верованиям рассматривается как метод нападения, а не как метод объяснения. Но это не должно останавливать; и если, анализируя веру, мы убиваем суеверие, это лишь показывает, какая смертность лежит в ее основе. Ибо ошибка не может пережить вскрытия. Более того, как выразился Джон Морли, “искажать правдивость - значит подрывать жизненную силу человеческого прогресса”. Таким образом, вынося беспристрастное суждение, антропология выносит вердикт по всему вопросу в целом: претензии христианских теологов на особое и божественное происхождение их религии опровергаются соответствующими доказательствами последних высказываний науки, главной заботой которой является происхождение, природа и предназначение человека.

Распространение сравнительного метода на различные продукты интеллектуальной и духовной природы человека является логической последовательностью к принятию этого метода во всех областях Вселенной. Конечно, все начинается с предположения о различиях в вещах, иначе это было бы излишним. Но в равной степени это начинается с предположения о сходстве, и в каждом случае это выявляет тот факт, что различия поверхностны, а сходство фундаментально.

Все это тесно связано с работой Хаксли. Импульс к этому был в значительной степени вызван доказательствами, сосредоточенными на месте человека в Природе, доказательством чего является материал трудов его более поздних лет. Развитие интеллекта и характера всегда было его любимой темой, и интерес к ней возрос, когда принятие Закона мистера Форстера о начальном образовании в 1870 году выдвинуло проблему массовой культуры на передний план. Волна энтузиазма привела группу выдающихся кандидатов от либералов на избирательные участки, и Хаксли был избран членом Школьного совета Лондона. Тогда, хотя и не в такой острой форме, как сейчас, религиозные трудности были единственной причиной любого серьезного раскола, и позиция Хаксли в этом вопросе озадачивала многих людей, потому что он выступал за сохранение Библии в школах. Те, кто должен был знать его лучше, думали, что он (цитирую одно из его писем писателю) “лицемер или просто дурак”. “Но, - добавляет он, - я имел в виду, что массы людей не должны быть лишены единственной великой литературы, которая открыта для них, или закрыты от осознания ее места во всей прошлой истории цивилизованного человечества”. Он сокрушался, как должен сокрушаться каждый вдумчивый человек, об упадке чтения Библии в этом поколении, в то же время он более решительно выступал за отказ от пояснений и теологических выводов, которые наносят непоправимый вред литературе, ценность которой невозможно переоценить.

Ибо Хаксли был хорошо разбирался в истории, и поэтому он не доверял духовенству как толкователю Библии. Повторив в Предисловии к своим "Эссе по спорным вопросам" то, что он сказал о книге в своей статье о школьных советах в журнале "Критические замечания и обращения", он добавляет: “Я подчеркнул необходимость передачи такого обучения в руки мирян; в надежде и убеждении, что таким образом оно постепенно приспособится к грядущим изменениям мнений; что теология и легенда будут все больше и больше исчезать из поля зрения, в то время как неизменно интересное историческое, литературное и этическое содержание будет все больше и больше попадать в поле зрения”.

Последующие события не оправдали ни надежд, ни убеждений. Если бы Хаксли дожил до того, чтобы увидеть, что все сектанты, споря по поводу конкретных догм, которые могут быть выведены из Библии, соглашались в отказе использовать ее иначе, чем в качестве инструмента для преподавания догм, он, вероятно, пришел бы к пониманию того, что единственным решением в интересах молодежи является исключение ее из школ. Никогда еще ни одно собрание писаний, чей разнородный, неравноправный и часто разрозненный характер скрывался за общим названием “Библия”, которое их охватывает, так не нуждалось в освобождении от так называемых “верующих” в него. Его ценность может быть осознана только в той степени, в какой будут отброшены теории, вдохновившие его. Только тогда возможно относиться к ней, как к любой другой литературе подобного рода; различать грубые и варварские черты, свидетельствующие о гуманности ее происхождения, и более возвышенные черты ее более поздних частей, которые также свидетельствуют о том, насколько она соответствует другим свидетельствам постепенного этического и духовного развития человека.

Широта взглядов Хаксли, его симпатии ко всем отраслям культуры, его пропаганда литературы в унисон с научным образованием идеально подходили ему для работы в Школьном совете, но его требования были слишком суровыми для человека, никогда не отличавшегося физической силой, и он был вынужден уйти в отставку. Однако таким образом он был освобожден для другой работы, которую можно было эффективно выполнять, только сменив арену на учебу. Самым ранним важным результатом этой помощи стала монография о Юме, опубликованная в

1879 году, а последней была лекция Романеса об эволюции и этике, прочитанная в Шелдонианском театре в Оксфорде 18 мая 1893 года. Между ними лежит ценная серия работ, посвященных эволюции теологии и смежных дисциплин. Во всех этих случаях мы имеем дело с применением теории Эволюции к объяснению происхождения верований и основ морали. Цитируя высказывание, приписываемое Лейбницу, и Спенсер, и Хаксли, и все, кто следует за ними, заботятся о “науке” только потому, что она позволяет им авторитетно высказываться в философии и религии. В письме писателю, в котором Хаксли ссылается на свой уход из официальной жизни, он говорит: —

Мне было так плохо, что я подумал вместе с Гамлетом: “Остальное - тишина”. Но мое жилистое телосложение неожиданно выдержало бурю, и у меня есть все основания полагать, что с отречением от дьявола и всех его дел (то есть публичных выступлений, обедов и того, что меня ужинают, и т.д.) Мои способности могут оставаться невредимыми еще долгое время. И независимо от того, будет ли моя аренда долгой или короткой, я намерен посвятить их работе, которую я начал в статье об эволюции теологии.

Это эссе было впервые опубликовано в двух частях в девятнадцатом веке, в 1886 году, и было продолжением восьмой главы его “Юма”. Лекция Романеса дополнила последнюю главу этой книги. Все они достаточно доступны, чтобы сделать излишним любое изложение их содержания. Но дань уважения Дэвиду Юму, который почти может претендовать на место в немногочисленной, но достойной компании первопроходцев, заслуживает ссылки на его предвосхищение общепринятых теорий происхождения веры в духовных существ в его Естественной истории религии, опубликованной в 1757 году. Он говорит: “Среди человечества существует всеобщая тенденция воспринимать все существа подобными самим себе и переносить на каждый объект те качества, с которыми они хорошо знакомы и которые они глубоко осознают.... *Неизвестные причины*, которые постоянно используют свою мысль, проявляясь всегда в одном и том же аспекте, все воспринимаются как относящиеся к одному и тому же виду. И вскоре мы приписываем им мысль, и разум, и страсть, а иногда даже конечности и фигуры людей, чтобы приблизить их к сходству с нами самими”. В своем обращении к Сорбонне о последовательных достижениях человеческого разума, произнесенном в 1750 году, Тюрго выражает ту же мысль, затрагивая, как говорит Джон Морли в своем эссе об этом государственном деятеле, “корень большинства неправильных представлений, которые были кандалами для науки”.

Вышесказанное и пассажи подобного порядка сделаны Хаксли текстом его подробного описания нескольких этапов теологической эволюции, единственным отличием которых является непрерывность веры в сверхъестественное вмешательство. Но более важным, чем упадок этой веры, которая является прелюдией к упадку веры в само божество, как его обычно определяют, является результирующий перенос основы морали, другими словами, мотивов поведения, с теологической основы на социальную. Теология - это не мораль; на самом деле, это, слишком часто, безнравственность. Она касается отношений человека к богам, в которых он верит; в то время как мораль касается отношений человека к своим братьям. Тот смотрит на небо, гадая, какую дань следует заплатить богам, чтобы заслужить их улыбки или отвлечь их хмурость. В древнем Риме *sacritas*, или святость, была, по словам Цицерона, “знанием обрядов, которые должны были совершаться”. Сделав это, боги должны были внести свой вклад. Итак, в новом Риме, когда католик посещает мессу, его доля в контракте заканчивается. Поклонение и жертвоприношения, как простые действия по отношению к сверхъестественным

существам, могут сочетаться с любым количеством ошибок в поведении. Мораль, с другой стороны, ориентирована на землю и побуждается к действию исключительно тем, что причитается человеком своим ближним или его ближними ему самому. Следовательно, в основе его лежат не сверхъестественные верования, а социальные инстинкты. Таким образом, любой грех превращается в антисоциальный акт: зло, причиняемое человеком человеку.

Это не просто перестройка, это революция. Ибо это отказ от теологии с ее апелляциями к человеческому долгу перед божеством и к человеческим надеждам на будущую награду или страхам перед будущим наказанием; и это принятие полностью светских мотивов в качестве стимулов к правильным действиям. Эти мотивы, основанные на физических, ментальных и моральных результатах наших поступков, покоятся на стабильной основе. Они больше не переплетаются с неустойчивыми теологическими мотивами, они не сохраняются и не исчезают вместе с ними. И одной из спасительных черт нашего времени является то, что церкви начинают видеть это и на них это оказывает влияние. Джон Морли едко замечает, что “усилия неортодоксальных научили их быть лучшими христианами, чем они были сто лет назад”. За исключением некоторых экстремистов, они оставляют догму на заднем плане и делают упор на социализм, который, как утверждается, лежал в основе учения Иисуса. Мудро, хотя и не очень последовательно, они стремятся к союзу с либеральными движениями, целью которых является “отмена привилегий”. Либеральные теологи, столкнувшись с различиями в этических стандартах, которыми отличаются Ветхий и Новый Заветы, больше не настаивают на абсолютности моральных кодексов и, таким образом, соглашаются с эволюционистом в его теории их относительности. Ибо общество, продвигаясь от низших представлений о долге к высшим, полностью меняет свою этику, с ужасом оглядываясь назад на то, что когда-то было дозволено и не подвергалось сомнению.

Именно об этой проверке "обезьяны и тигра" и о воспитании "ангела" в человеке Хаксли говорил в своей Лекции по Роману. В его аргументации было много неразумного и несколько умышленного непонимания, иначе выдающийся католический биолог вряд ли приветствовал бы ее как возможную прелюдию к подчинению Хаксли Церкви. Тем не менее, это рассуждение было достаточно ясным и никоим образом не противоречило применению теории Эволюции к морали. Хаксли показал, что Эволюция является одновременно *космической* и *этичной*. *Космическая эволюция* привела к появлению Вселенной с ее неживым и пригодным для жизни содержимым, и поскольку при тех условиях, которые сложились на нашей планете, для всего потомства живых существ недостаточно пространства для маневра или пищи, результатом является яростная борьба, в которой побеждают сильные и передают свои преимущества своим потомкам. Природа полностью эгоистична; гонка предназначена для быстрых, а битва - для сильных.

Но есть пределы, установленные для этой борьбы человека в замене космического прогресса, также в определенных пределах, социальным прогрессом. В ходе этой *Этической эволюции* эгоизм сдерживается настолько, что позволяет группам людей жить вместе в дружбе, признавая определенные общие права, которые сдерживают эгоистические импульсы. Ибо, по словам Марка Аврелия, “то, что нехорошо для роя, нехорошо и для пчелы” (Мед., vi, 54). Хаксли метко сравнивает этот контрпроцесс с действиями садовника, обрабатывающего участок пустыря. Он выпалывает сорняки и сажает ароматные цветы и полезные фрукты. Но он не должен ослаблять свои усилия, иначе сорняки вернутся, а неухоженные растения заглушатся и погибнут. Так и в поведении. Ради общего блага, которым пользуется каждая единица,

смешивая таким образом эгоистичные и бескорыстные мотивы, люди сдерживают свои естественные порывы. Эмоции и привязанности, которые они разделяют с низшими социальными животными, только в более высокой степени, являются кооперативными и в значительной степени помогают развитию семейной, племенной и национальной жизни. Но стоит нам ослабить их, и общество превращается в медвежий сад. Поскольку сила является доминирующим фактором в жизни, борьба за существование возрождается во всей своей примитивной жестокости, и атавизм утверждает свою власть. Поэтому, хотя он и делает все лучшее, что в нем заложено, человек может только установить пределы этой борьбе, ибо этический процесс является неотъемлемой частью космических сил, “точно так же, как “регулятор” в паровой машине является частью механизма двигателя”. Как и в обществе, так и в его подразделениях: в борьбе нет перемирия. Доктор Плиммер, выдающийся бактериолог, описывает автору действие разновидности дрожжей на разновидность дафний, или водяных блох. Мечников заметил, что эти дрожжевые клетки, которые попадают с пищей животного, проникают в кишечник и проникают в ткани. Там они захватываются лейкоцитами, которые собираются вокруг захватчиков в более крупном размере, как будто, по-видимому, наделены сознанием, настолько удивительна эта стратегия. Если они побеждают, Дафния выздоравливает; если они проигрывают, она умирает. “Подобным образом в нас самих определенные лейкоциты (фагоциты) накапливаются в любой точке инвазии и захватывают живые бактерии”, и в успехе или неудаче их атаки заключается судьба человека. Эти вещи являются как фактом, так и аллегорией; и время на стороне бактерий. Ибо как наша жизнь - всего лишь временная остановка всеобщего движения к распаду, так и ничто в наших действиях не может остановить судьбу нашего рода. Хаксли так формулирует это в заключительных предложениях своего Предисловия, написанного в июле 1894 года, за год до его смерти, к переизданию “Эволюции и этики”:

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что человек, как “политическое животное”, подвержен огромному совершенствованию благодаря образованию, наставлениям и применению своего интеллекта для приспособления условий жизни к своим высшим потребностям. Но до тех пор, пока он остается подверженным ошибкам, интеллектуальным или моральным; до тех пор, пока он вынужден постоянно быть настороже против космических сил, цели которых не являются его целями, вне и внутри него самого; до тех пор, пока его преследуют невыразимые воспоминания и безнадежные стремления; до тех пор, пока признание его интеллектуальной ограниченности вынуждает его признать свою неспособность проникнуть в тайну существования; перспектива достижения безмятежного счастья или состояния, которое может, хотя бы отдаленно, заслуживать титула совершенства, представляется мне такой же обманчивой иллюзией, какой когда-либо была болтался перед глазами бедного человечества. И таких случаев было много. То, что стоит перед человеческой расой, - это постоянная борьба за поддержание и улучшение, в противовес Естественному состоянию, уровня искусства организованного государственного устройства; в котором и с помощью которого человек может развить достойную цивилизацию, способную поддерживать и постоянно улучшать саму себя, пока эволюция нашего земного шара не зайдет настолько далеко в своем нисходящем русле, что космический процесс возобновит свое господство; и, еще раз, Естественное состояние преобладает на поверхности нашей планеты ”.

Но только те, кто придерживается низких идеалов, стали бы искать в этом непостоянстве вещей оправдание для бездействия или, что еще хуже, для потакания своим желаниям. Мир просуществует еще очень долго и даст простор для борьбы с несправедливостями,

причиняемыми человеком человеку. Даже если бы это и мы сами погибли завтра, наш долг ясен, пока у нас есть шанс выполнить его. Клиффорд, умерший до своего расцвета, до того, как богатые надежды его гения принесли свои плоды в полной мере, говоря о неизбежном конце земли “и всего сознания людей”, напоминает нам в своем эссе о Первой и последней катастрофе, что нам помогают взглянуть факту в лицо “слова Спинозы: ”Свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость — это размышление не о смерти, а о жизни “. ”Наш интерес, — добавляет Клиффорд, - связан с таким большим количеством прошлого, которое может служить руководством к нашим действиям в будущем“. настоящее и усилить нашу благочестивую преданность отцам, ушедшим до нас, и братьям, которые с нами; и наши интересы связаны с такой частью будущего, на которую, как мы можем надеяться, заметно повлияют наши добрые действия сейчас. Кажется, я говорю: ‘Давайте есть и пить, потому что завтра мы умрем’? Отнюдь нет; напротив, я говорю: ”Давайте возьмемся за руки и поможем, ибо в этот день мы живы вместе“.

“Эволюция и этика” были последним важным произведением Хаксли, поскольку завершение его ответа на "причудливо озаглавленные" Основы веры мистера Бальфура было прервано его смертью 30 июня 1895 года.

Просматривая Собрание эссе, которые представляют его нетехнический вклад в познание, можно пожалеть о том, что на протяжении всей его жизни обстоятельства были против того, чтобы он выполнял какую-либо длительную работу, такую, как та, которую, например, позволяли ему богатство и терпение Дарвина. Но до последних лет жизни Хаксли, и, действительно, из-за подорванного здоровья до самого конца, его работа, выходящая за рамки официальных требований, должна была выполняться урывками и по частям, или не выполняться вовсе. Несмотря на это, в ней есть единство, вдохновленное центральной идеей. Всестороннее применение теории эволюции придает качество отношения к предметам, которые кажутся разнообразными. И это ясно и убедительно проявляется в более упорядоченном расположении материала в новом выпуске сборника эссе.

Они показывают, каким всеядным читателем он был; насколько хорошо разбирался в классике, теологии и общей литературе, в дополнение к предметам, которые были явно его собственными. Он сочувствовал каждой отрасли культуры. По его словам, в отличие от физики, “Ничто не печалило бы меня больше, чем увидеть литературное образование, отличное от очень выдающейся отрасли образования”. Один из углов его библиотеки был заполнен странной компанией устаревших книг ортодоксального типа; это он называл “камерой смертников”. Рассматривая “странных приятелей”, которые спали на полках, писатель спросил Хаксли, какой автор больше всего повлиял на стиль, ясность и энергия которого, тем не менее, кажутся неподкупными; и он сразу же назвал мужественного и прозрачного Левиафана Гоббса. Он обладал счастливой способностью быстро усваивать прочитанное; ясно улавливать точку зрения оппонента; и в этом спасение человека в наши дни - в свободе от проклятия специализации, которое убивает всякое чувство меры и низводит своего раба до уровня механика, который тратит свою жизнь на изготовление головок винтов. Он верил в “скептицизм как высший долг и в слепую веру как единственный непростительный грех”. “И, — добавляет он, — иначе и быть не может, ибо каждый значительный прогресс в естественном знании влек за собой абсолютное неприятие авторитетов, лелеяние самого острого скептицизма, уничтожение духа слепой веры; и самый ревностный приверженец науки придерживается своих самых твердых убеждений не потому, что их придерживаются люди, которых он больше всего

почитает; не потому, что их истинность подтверждается знамениями и чудесами; но потому, что его опыт учит его, что всякий раз, когда он выбирает привести эти убеждения в соприкосновение с их первоисточником, Природой, - всякий раз, когда он считает нужным проверить их, обратившись к экспериментировать и наблюдать - Природа подтвердит их. Человек науки научился верить в оправдание не верой, а проверкой”. Поэтому он не питал иллюзий; не стал бы говорить, что знал, когда не знал или не мог знать, и, призывая нас следовать свидетельствам, куда бы они нас ни вели, остается самым надежным проводником нашего времени. Такое лидерство принадлежит ему, поскольку он шел “от силы к силе”. Изменения в отношении человека к важным вопросам, вызванные новыми данными и *духом времени*, были приближением к позиции, занятой Хаксли с тех пор, как он впервые привлек внимание общественности. Его глубокое религиозное чувство поддерживало в нем сочувственную связь со своими собратьями. У него всегда присутствовало “то сознание ограниченности человека, то ощущение открытой тайны, в которую он не может проникнуть, в которой заключается сущность любой религии”. В одном из своих ответов видному представителю философии Конта, этой “неуместной смеси плохой науки с выпотрошенным папизмом”, как он называет это, Хаксли протестует против идеи о том, что преподавание науки является полностью негативным.

Я осмелюсь, говорит он, посчитать невероятным предположение, что любой человек, постигший все аспекты человеческих взаимоотношений; принявший участие во всех глубоких радостях и еще более глубоких тревогах, которые их сопровождают, почувствовавший бремя молодых жизней, вверенных его попечению, и стоявший наедине со своими умершими перед бездной Вечного — никогда не мыслил иначе, чем отрицательной критикой.

Такова позиция агностика, как он ее определил; отношение, а не вероучение; и если он отказывался утверждать, то в равной степени отказывался и отрицать.

Таким образом, Пионеры Эволюции, дальновидные и уверенные в себе, вели нас путями, о которых мы и не мечтали в самом начале, к цели, о которой не мечтали самые ранние из них. Если бы они остановились на маршруте, когда начались более серьезные трудности пути, это сделало бы путешествие бесполезным и оставило бы их последователей в дикой местности. Эволюция, применяемая ко всему, вплоть до человека, но останавливающаяся на стадии его появления, осталась бы увлекательным исследованием, но не стала бы руководящей философией жизни. Его непреходящая ценность заключается в расширении его процессов как объяснения всего, что относится к человечеству. Это расширение было неизбежно. Старых теологий цивилизованных рас, полезных в свое время, поскольку отвечающих, пусть и несовершенно, постоянным потребностям человеческой природы, больше недостаточно. Их догмы рассматриваются как прямые потомки варварских концепций; их ритуал становится археологическим курьезом. У них нет ответа на вопросы, выдвигаемые растущим интеллектом нашего времени; они также не могут удовлетворить эмоции, которые они лишь слабо сдерживают. Их место медленно, но верно и более эффективно заполняет теория, которая, интерпретируя “огромную совокупность вещей”, заменяет четкие концепции непрерывного порядка и взаимосвязи между явлениями туманными представлениями о периодических вмешательствах; теория, которая дает больше, чем отнимает. Ибо, если люди лишены веры в

псевдомистерии, придуманные в донаучную эпоху, их удивление подпитывается и их исследование стимулируется сознанием непостижимых тайн Вселенной.

КОНЕЦ.

ПУБЛИКАЦИИ Д. ЭППЛТОНА И КОМПАНИИ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ.

ТЕПЕРЬ ГОТОВО.

ИСТОКИ ИСКУССТВА. Автор: Эрнст Гроссе, профессор философии Фрайбургского университета. Новый том антропологической серии под редакцией профессора Фредерика Старра. Иллюстрированный. 12мо. Ткань. \$1.75.

Это исследование законов, управляющих жизнью и развитием искусства, а также отношений, существующих между ним и определенными формами цивилизации. Истоки художественной деятельности следует искать у самых примитивных народов, таких как коренные австралийцы, миниатюристы Андаманских островов, ботокудо Южной Америки и эскимосы; и только с ними автор изучает свой предмет. Их искусство рассматривается как социальное явление и социальная функция и классифицируется как искусство отдыха и искусство движения. Искусство отдыха включает в себя украшение, сначала тела скарификацией, рисованием, татуировкой и одеждой; а затем орудий труда — живописью и скульптурой; в то время как искусство движения - это танец (живая скульптура), поэзия или песня с ритмом и музыкой.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ. Автор: Отис Тафтон Мейсон, Доктор медицинских наук, куратор отдела этнологии Национального музея США. С многочисленными иллюстрациями. 12мо. Ткань, 1,75 доллара.

“Чрезвычайно интересное резюме открытий, сделанных наукой относительно привычек людей в первобытные времена, и особенно относительно места, обязанностей и обычаев женщин”.— *Philadelphia Inquirer*.

ПИГМЕИ. А. де Катрефаж, ныне покойный профессор антропологии в Музее естественной истории, Париж. С многочисленными иллюстрациями. 12мо. Ткань, 1,75 доллара.

“Вероятно, никто не был лучше подготовлен для иллюстрации общей темы, чем четверостишия. Постоянно занимаясь анатомическими и костными аспектами своего предмета, он, тем не менее, был хорошо знаком с тем, что литература и история говорят о пигмеях.... Эта книга должна быть в каждой школе богословия, в которой изучают как человека, так и Бога, и из

которой выходят миссионеры, чтобы обратить человека реальности, а не человека риторики и учебников”. -*Boston Literary World*.

НАЧАЛО ПИСАТЕЛЬСТВА. У. Дж. Хоффман, доктор медицины, с многочисленными иллюстрациями. 12 месяцев. Ткань, 1,75 доллара.

В этой интересной книге дается весьма привлекательный отчет о грубых методах, использовавшихся первобытным человеком для записи своих поступков. Самая ранняя письменность состоит из пиктограмм, которые были нанесены на камень, дерево, кость, кожу и различные бумагоподобные вещества. Доктор Хоффман показывает, как следует интерпретировать несколько классов символов, использованных в этих записях, и прослеживает развитие условных знаков вплоть до слоговых и алфавитных — двух классов знаков, используемых современными народами.

В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ.

ЖИТЕЛИ ОСТРОВОВ ЮЖНОГО МОРЯ. Автор: доктор Шмельц.

ЗУНИ. Фрэнк Гамильтон Кушинг.

АЦТЕКИ. Миссис Зелия Наттолл.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПРОФЕССОРА. ЭССЕ ХАКСЛИ.

СБОРНИК ЭССЕ. Томас Х. Хаксли. Новое полное издание с исправлениями, эссе сгруппированы по общей теме. В девяти томах, к каждому тому прилагается новое введение. 12мо. Ткань, 1,25 доллара за том.

- Т. Я. — МЕТОД И РЕЗУЛЬТАТЫ.
- Т. II. — ДАРВИНИАНА.
- Т. III. — НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ.
- Т. IV. — НАУКА И ЕВРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ.
- Т. V. — НАУКА И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ.
- Т. VI. — ХЬЮМ.
- Т. VII. — МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ.
- Т. VIII. — ДИСКУРСЫ БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ.
- Т. IX. — ЭВОЛЮЦИЯ И ЭТИКА И ДРУГИЕ ЭССЕ.

“За последнюю четверть века мистер Хаксли затронул огромное разнообразие тем. Человек приятно удивляется, просматривая оглавление и отмечая огромную территорию, которую он исследовал. Внимательно и прилежно читать эти книги - значит досконально ознакомиться с самыми передовыми идеями по большому количеству тем ”.—*"Нью-Йорк Геральд"*.

“Сериал будет долгожданным. Существует немного работ по более сложным проблемам науки, которые были бы лучше приспособлены для чтения широкой публикой, и в таком виде книги будут доступны исследователю.... Эти правки являются последними, которые, как ожидается,

будут внесены автором, и его предисловия датируются не ранее, чем несколькими месяцами ранее [1893], поэтому их можно считать его последними и наиболее авторитетными высказываниями ”.—*”Чикаго таймс”*.

“Было неизбежно, что его эссе будут востребованы в завершенном виде, и они станут источником восторга и пользы для всех, кто их прочтет. Он всегда пользовался всеобщим вниманием, и как мастер литературного стиля в написании научных эссе, он достоин места среди великих английских эссеистов того времени. Это издание его эссе будет широко прочитано и придаст его научной работе постоянную форму”. —*Boston Herald*.

“Человек , чей блеск столь же постоянен , как у профессора . Хаксли всегда будет покорять читателей; и высказывания, собранные здесь, не уступают по весу и яркой красоте тем, которыми автор долгое время восхищал читающий мир ”.—*Издательство ”Филадельфия Пресс”*.

Связное расположение эссе, которое позволяет их переиздание, еще полнее выявляет виртуозные способности мистера Хаксли к изложению. Очищая предмет от всех логомахий, он позволяет свету повседневности упасть на него. Он показывает, что место гипотезы в науке как отправной точки проверки явлений, подлежащих объяснению, является всего лишь расширением предположений, лежащих в основе действий в повседневных делах; и что метод научного исследования — это всего лишь метод, который управляет обычными делами жизни ”. —*London Chronicle*.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА. В девяти томах. 12мо. Ткань, 2,00 доллара за том. Названия нескольких томов следующие:

(1.) ПЕРВЫЕ ПРИНЦИПЫ.	
Я. Непознаваемое.	II. Законы Познаваемого.
(2.) ПРИНЦИПЫ БИОЛОГИИ. Том I.	
Я. Данные биологии.	II. Биологические индукции.
III. Эволюция жизни.	
(3.) ПРИНЦИПЫ БИОЛОГИИ. Том II.	
IV. Морфологическое развитие.	V. Физиологическое развитие.
VI. Законы умножения.	
(4.) ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ. Том I.	
Я. Данные психологии.	III. Общий синтез.
II. Индукции психологии.	IV. Особый синтез.
V. Физический синтез.	
(5.) ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ. Том II.	
VI. Специальный анализ.	VIII. Соответствия.
VII. Общий анализ.	IX. Следствия.
(6.) ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИИ. Том I.	

- Я. Данные социологии. II. Индукции социологии.
 III. Семейные отношения.
- (7.) ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИИ. Том II.
 IV. Церемониальные учреждения. V. Политические институты.
- (8.) ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИИ. Том. III.
 VI. Церковные учреждения. VII. Профессиональные учреждения.
 VIII. Промышленные институты.
- (9.) ПРИНЦИПЫ ЭТИКИ. Том I.
 Я. Данные этики. II. Основы этики.
 III. Этика индивидуальной жизни.
- (10.) ПРИНЦИПЫ ЭТИКИ. Том II.
 IV. Этика общественной жизни: справедливость.
 V. Этика социальной жизни: отрицательная благотворительность.
 VI. Этика социальной жизни: позитивная благотворительность.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. *Циклопедия социальных фактов*. Представляющий конституцию каждого типа и ступени человеческого общества, прошлого и настоящего, стационарного и прогрессивного. Герберт Спенсер. Восемь номеров, Королевский фолиант.

Нет.	Я.	English	\$4 00
Нет.	II.	МЕКСИКАНЦЫ, ЖИТЕЛИ Центральной АМЕРИКИ, ЧИБЧА и ПЕРУАНЦЫ	4 00
Нет.	III.	НИЗШИЕ РАСЫ, НЕГРИТЯНСКИЕ РАСЫ и МАЛАЙСКО-ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ РАСЫ	4 00
Нет.	IV.	АФРИКАНСКИЕ РАСЫ	4 00
Нет.	V.	АЗИАТСКИЕ РАСЫ	4 00
Нет.	VI.	АМЕРИКАНСКИЕ РАСЫ	4 00
Нет.	VII.	ЕВРЕИ и ФИНИКИЙЦЫ	4 00
Нет.	VIII.	ФРАНЦУЗСКИЙ (Двойное число)	7 00

БОРЬБА НАРОДОВ: Египет, Сирия и Ассирия. Автор: профессор Масперо. Под редакцией преподобного профессора Сэйса. Перевод: М. Л. Макклур. С картой, 3 цветными таблицами и более чем 400 иллюстрациями. Униформа с надписью "На заре цивилизации". Quarto. Ткань, 7,50 доллара.

Этот важный труд является дополнением к "Заре цивилизации" и рассказывает об истории древних народов Востока с двадцать четвертого по девятый век до нашей эры. Она охватывает период пребывания детей Израиля в Египте и показывает историческую связь между Египтом и Сирией на протяжении столетий, непосредственно последовавших за исходом. В книге отражены последние открытия в области египетской и восточной археологии, и нет другой работы, столь исчерпывающе посвященной рассматриваемому периоду.

НА ЗАРЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. (Египет и Халдея.) Автор: профессор Г. Масперо. Под редакцией преподобного профессора А. Х. Сейса. Переведено М. Л. Маккьюром. Переработано и дополнено автором. С картой и более чем 470 иллюстрациями. Quarto. Ткань, 7,50 доллара.

“Самая роскошная и проработанная работа, которая когда-либо появлялась на эту тему.... Эта книга должна быть в каждой хорошо оборудованной восточной библиотеке, как наиболее полное произведение о заре цивилизации. Внимательное прочтение и изучение книги откроет перед любым прилежным учеником целый мир мыслей и в значительной степени расширит его представления о величии, стабильности и позитивном вкладе цивилизации того времени в жизнь и культуру нашего времени ”.—*“Чикаго Стандарт”*.

“Безусловно, это лучшее изложение египетской и ассирийской теологии, или, точнее говоря, теософии, с которой мы знакомы.... Книга вызовет много энтузиазма. Ее основательная изученность очарует ученого - ее блеск очарует обычного читателя и соблазнит его в область, в которую он, возможно, не решался войти ”.—*Перспективы*.

“Самая полная реконструкция той древней жизни, которая когда-либо появлялась в печати. Великая книга Масперо еще долго будет оставаться общепринятым трудом”. —*Лондон Дейли Ньюс*.

ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ И АССИРИИ. Автор Г. Масперо, покойный директор Отдела археологии Египта и сотрудник Института Франции. Перевод Элис Мортон. С 188 иллюстрациями. 12мо. Ткань, \$ 1.50.

“Ясный очерк, одновременно популярный и изученный, повседневной жизни Египта во времена Рамсеса II и Ассирии во времена Ашурбанипала.... Как востоковед, М. Масперо стоит в первых рядах, и его знания так хорошо усвоены и так восхитительно подчинены популярному изложению, что они нигде не подавляют и всегда интересуют читателя”. —*Лондон Таймс*.

“Только писатель, проявивший себя как исследователь египетских и ассирийских древностей, мог создать это произведение, которое не имеет ни малейших черт современной книги о путешествиях по Востоку, но представляет собой попытку взглянуть на древнюю жизнь так, как если бы человек был современником людей, чья цивилизация и социальные обычаи в значительной степени восстановлены”. —*Boston Herald*.

ПИОНЕРЫ НАУКИ В АМЕРИКЕ. Очерки их жизни и научной работы. Отредактировано Уильямом Джеем Юмансом, доктором медицины, с портретами. 8vo. Ткань, 4,00 доллара.

Движимые исключительно восторженной любовью к Природе, не прося и не получая помощи извне, эти первые работники проложили путь и положили начало движению, благодаря которому американская наука достигла своего нынешнего главенствующего положения. В этой книге рассказывается об этих людях, их ранних трудах, их научных трудах и, по возможности, кое-что об их личных характеристиках. Эта информация, которую зачастую очень трудно получить, была собрана из самых разных источников с максимальной тщательностью для обеспечения точности. Она представлена серией эскизов, всего около пятидесяти, каждый из которых, за единственным исключением, сопровождается хорошо аутентичным портретом.

“Заполняет место, которое нуждалось в заполнении, и, вероятно, будет широко прочитано”. — *Нью-Йорк Сан*.

“Это, безусловно, полезный и удобный том, к тому же читаемый, если мы правильно судим о степени точности всего текста в целом путем критического рассмотрения тех случаев, в которых наши собственные знания позволяют нам составить мнение.... В целом, нам кажется, что эта удобная книга заслуживает особой похвалы за то, что она освещает в исторической перспективе многих ранних ученых, которые не были ни широко, ни хорошо известны”. — *New York Evening Post*.

“Удивительно интересный том. Многие молодые люди найдут его увлекательным. Составление этой книги - хорошо проделанная работа, которая того стоит”. — *Издательство "Филадельфия Пресс"*.

“Одна из самых ценных книг, которые мы получили”. — *Boston Advertiser*.

“Книга, имеющая немалую образовательную ценность.... Чрезвычайно ценный справочный материал”. — *Бостонский бикон*.

“Ценный справочник для тех, чья работа основана на тех же принципах, и, вероятно, вызовет постоянный интерес у тех, для кого “человеческие документы” уступают по важности только истории — более того, являются жизненно важной частью истории”. — *Boston Transcript*.

“Биографическая история науки в Америке, заслуживающая внимания своей полнотой и размахом.... Все эскизы превосходно подготовлены и необычайно интересны”. — *Chicago Record*.

“Один из самых ценных вкладов в американскую литературу, внесенный за последнее время.... Приятный стиль, в котором написаны эти наброски, планы, разработанные для обеспечения точности, и передаваемая информация в совокупности придают им большую ценность и интерес. Лучшего и более вдохновляющего чтения нельзя было бы дать в руки умному и честолюбивому молодому человеку”. — *Нью-Йоркская христианская работа*.

“Книга, интерес и ценность которой не для сегодняшнего или завтрашнего дня, а на неопределенное время”. — *Рочестер Геральд*.

“Трудно представить себе читателя с обычным интеллектом, которого эта книга не развлекла бы.... Лаконичность, точность, вежливый тон и интересность — вот четыре качества, которые больше всего впечатляют читателя этих очерков”. — *Buffalo Express*.

“Полный интересных и ценных материалов”. — *Церковник*.

РАСЦВЕТ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ. С особым упором на эпохи и кризисы. История народа и для народа. У. Х. С. Обри, доктор права, в трех томах. 12 миллионов. Ткань, 4,50 доллара.

“Достоинство этой работы является неотъемлемым. В ее основе лежит широкий кругозор и истинная философия используемого метода, а также согласованность и точность достигнутых результатов. Масштаб работы изумителен. Никогда еще она не была так тесно помещена в трех небольших томах. Но экономия пространства достигается не за счет пожертвования

содержанием или стилем. Самый широкий взгляд на факты и силы, охватываемые предметом, демонстрируется с ясностью расположения и определенностью применения, которые делают его доступным для самого простого восприятия”. — *“Нью-Йорк Мейл энд Экспресс”*.

“Полезная и тщательная работа. Один из лучших трактатов, которым может воспользоваться обычный читатель”. — *Лондонская ежедневная хроника*.

“Задуман в популярном духе, но со строгим соблюдением современных стандартов. Название полностью соответствует действительности. Никакого недостатка красок в описаниях”. — *Лондон Дейли Ньюс*.

“Результатом изложенного плана стала замечательная английская история”. — *Лондон Морнинг Пост*.

“Доктор Обри восполнил потребность. Его метод, несомненно, правильный”. — *Pall Mall Gazette*.

“Это явный шаг вперед в написании истории; он так же далеко опередил Грина, как он опередил Маколея, хотя и по другой линии. Грин дает картину Англии в разное время — Обри идет глубже, показывая причины, которые привели к переменам”. — *Нью-Йорк Уорлд*.

“Работа, которая понравится изучающему историю, а также как всеобъемлющий и удобный справочник”. — *Аргонавт*.

“Содержит много такого, что обычный читатель с трудом сможет найти в другом месте, если у него нет доступа к библиотеке специальных произведений”. — *Chicago Dial*.

“Актуальна в своем изложении фактов и в разъяснении тех великих принципов, которые лежат в основе всей жизненно важной и достойной истории.... Тщательное разделение, наряду с восхитительно полным указателем, облегчит любому студенту работу по составлению определенного представления о любой эпохе или какой-либо ее особенности.... Эта работа кажется более всеобъемлющей, чем многие другие, занимающие гораздо больше места”. — *The Christian Intelligencer*.

“Один из самых сложных и заслуживающих внимания недавних вкладов в историческую литературу”. — *New Haven Register*.

“Как популярная история она обладает большими достоинствами, и во многих деталях ее никто не превосходит. Она полна, аккуратна в отношении дат, сохраняет в целом похвальную беспристрастность, и ее интересно читать”. — *Buffalo Express*.

“Эти тома - сюрприз и в своем роде чудо.... Они представляют собой почти энциклопедию английской истории, чудесным образом обобщающую факты и принципы, выработанные в истории английской нации.... Эта работа имеет непревзойденную ценность для изучающего историю или даже для широкого читателя, и, когда она станет более широко известна, ее, без сомнения, оценят как один из замечательных вкладов в английскую историю, опубликованных в этом столетии”. — *Чикагский универсалист*.

“На каждой странице доктор Обри пишет о далеко идущей связи современных событий со всей темой. Количество материала, содержащегося в этих трех томах, поражает воображение. Стил,

в котором они написаны, более чем удовлетворительный.... Работа необычайно важна ”. —
Хартфорд Пост.

Нью-Йорк: D. APPLETON & CO., Пятая авеню, 72.

Примечание переписчика

Несколько пунктуационных ошибок были исправлены автоматически.

На указанной странице были внесены следующие исправления:

- 10 “Затем” заменено на “The” (Тенденция этой школы)
- 15 “новости” заменены на “новые” (представляем новые)
- 36 “Анаксимендер” заменен на “Анаксимандр” (Таблица)
- 120 “95” заменено на “103” (см. стр. 103)
- 124 “Рене” заменено на “Рене” (Рене Декарт)
- 191 “Cermonies” заменено на “Церемонии” (Церемониймейстер)
- 239 “genius” заменено на “род” (того же рода)
- 254 “Либниц” заменено на “Лейбниц” (приписывается Лейбницу)
- 259 добавлено “мы”, а “мы” заменено на “быть” (как только мы позволим им ослабнуть)
- 263 “прозрачный” заменено на “прозрачный” (мужской род и прозрачный левиафан)
- 271 “Линнеевский” заменен на “линнеевский” в указателе (линнеевское общество, известное)
- 278 “энтузиазмы” заменено на “энтузиазмы” (вызовет много энтузиазмов).

В остальном этот текст сохранен как в оригинале, включая архаичную и непоследовательную орфографию и расстановку переносов.